

ЖУРНАЛ «ЛЕХАИМ»

**МАЙ
2008**

**ИЯР
5768**

N 5(193)

Убедите его ежедневно надевать тфилин – во все дни, кроме субботы и йом това. Если он не может делать это по утрам, пусть возложит на себя тфилин днем, до заката – хотя бы на краткое время, с тем чтобы снять сразу.

Объясните ему, что эта заповедь – особая, она непосредственно связана с долголетием. Сказано Мудрыми: «Тот, кто возлагает на себя тфилин, – ему ниспосылается долгая жизнь». Это не только вопрос исповедания веры: тфилин – еще и защита от зла.

Уверен, Вы сможете найти нужные слова, чтобы объяснить ему все это; если понадобится, переведите мое письмо на английский... И не забывайте: вопросы родственников о здоровье больного заставляют больничным персоналом относиться к этому больному с большим вниманием.

Поддержите тех, кто рядом

Было бы куда как правильно использовать Ваше пребывание в больнице во благо тех, кто находится рядом с Вами. Нам неведомы пути Г-сподни, и, возможно, Вы попали в больницу для того, чтобы поддержать их. Возможно, достойно справившись с этой главной задачей, Вы обнаружите, что и здоровье Ваше улучшилось, ибо второстепенное всегда следует за первостепенным, а Ваша миссия – помогать людям.

<...> Нет нужды побуждать Вас к тому, чтобы, находясь в больнице, Вы постарались приблизить тех, кто рядом с Вами, к Отцу нашему Небесному, следуя аават Исраэль, как тому учили наши праведники, да будет благословенна их память.

Когда мы заботимся о душевном здоровье ближних, Б-г воздает нам мерой за меру, но много больше, и мы обретаем крепость телесную и духовную.

О ТЕХ, КТО ПЕЧЕТСЯ О НАШЕМ ЗДОРОВЬЕ

Профилактическая медицина

Связь между медициной и Законом задана самой Торой: сказано Мудрыми, да будет благословенна их память: «Тора несет исцеление миру».

Тора ни в коей мере не отрицает медицину, напротив, Тора настаивает: когда речь идет о нашем здоровье, мы должны обратиться к врачу и следовать его предписаниям.

В медицине существует два направления: исцелять, находя лекарство от болезни, и предупреждать болезнь профилактикой.

Первый подход предполагает активное вмешательство: врач видит, что у пациента здоровье не в порядке, и пытается это исправить, тогда как второй – и этот подход становится доминирующим в наше время – ориентирован на то, чтобы максимально обеспечить здоровье общества, свести заболевания к минимуму, заботясь о прививках, общественной и личной гигиене, правильном питании и т. п.

Нет нужды говорить: когда человек болен, остается лишь одно – лечить его. Профилактическая же медицина в идеале стремится предотвратить болезнь. Она

предпочтительней еще и потому, что дает возможность избежать боли и страдания, к тому же существенно экономя наши средства.

На первый взгляд достижения врачей в лечении болезней куда внушительнее, чем их усилия, связанные с профилактикой, – люди все равно болеют, и не иллюзия ли представление о том, что болезней можно избежать? На самом деле именно так – предотвращая болезнь – действует Б-г, ибо сказано: «Болезни, которые Я навел на Мицраим, не наведу на тебя; ибо Я, Г-сподь, – твой Целитель» (Шмот, 15:26).

Экстремальное вмешательство врача – например, хирургическая операция – невозможно без привлечения очень серьезных ресурсов. К сожалению, в тех условиях, в которых мы живем, без такого вмешательства порой не обойтись, это оказывается единственным способом вернуть человеку здоровье.

Между тем, чтобы профилактическая медицина была эффективной, необходимо следить за здоровьем с детства – делать прививки, чистить зубы, следить за питанием. А для евреев профилактика заболеваний связана еще и с соблюдением законов о кашруте – понятно, насколько благоприятно это сказывается на духовном и физическом развитии ребенка...

Плата и благодарность врачу

<...> Прежде всего, от имени г-жи Шнеерсон – как и от себя самого – я хотел бы выразить искреннюю признательность за Ваше любезное и преданное участие, которое Вы проявили, когда г-жа Шнеерсон нуждалась в Вашей помощи. Мы глубоко благодарим Вас за то, что Вы сразу отозвались и пришли осмотреть больную в столь позднее время, не говоря уже о прекрасном и квалифицированном лечении.

Уверен, мне нет нужды говорить о том, сколь важно для пациента внимание и искренняя заинтересованность врача, как это влияет на ход выздоровления. Вы заметили в нашем разговоре, что состояние нашего сознания существеннейшим образом влияет на весь наш организм и определяет то, насколько легко и успешно пойдет лечение.

Мне доводилось слышать от моего тестя, да будет благословенна память этого цадика, что, заботясь о лечении, врач тем больше будет умалять свои заслуги, чем большего он достиг на своем поприще. Этому вторит Тора, которая есть Тора жизни, утверждая, что «Б-г – истинный Целитель».

По сути, это относится ко всем профессиям, ко всем тем, кто так или иначе заботится о нас. Нет нужды говорить: из этого исходил в своих поступках мой тесть, а я стараюсь следовать тому же правилу.

Тем не менее я позволил себе приложить к письму чек, хотя не знаю, достаточна ли сумма. Но я верю, если этого мало, Вы скажете помощнику, чтобы он связался с моим секретарем и я мог бы исправить свой недочет. К этому я прибавлю традиционное еврейское благословение: «Да будет это во здравие».

Я поступаю так прежде всего потому, что Тора недвусмысленно утверждает: у врача, как и у любого другого человека, есть обязательства перед семьей, перед общиной – выполнить их должным образом он может лишь тогда, когда ему соответствующе платят. Если же тот, кто пользуется услугами лекаря, вознаграждает недостаточно, у врача может возникнуть побуждение отложить лечение этого человека и прежде позаботиться о том, кто достойно вознаграждает его услуги.

Тора же настаивает на том, что подобные мысли неуместны и не следует подталкивать к ним. Какое бы занятие ни назначил Промысел человеку, дабы он служил благу других людей, служение это должно быть отмечено преданностью и самоотверженностью.

СПАСИБО БЕРУЩЕМУ

Aadé Éaçað

Каждый человек в своей жизни хотя бы раз задавался вопросом: почему существует бедность? почему Б-г не создал всех людей обеспеченными и сытыми? Ведь у животных одной породы, например, приблизительно равные условия жизни. Откуда же тогда неравенство среди людей?

Мидраши учат: если бы все люди были равны, человек не имел бы возможности реализовать присущее ему изначально качество милосердия. Предоставление разным людям разных возможностей входит в Б-жественный план. Это частный случай того общего закона, что Б-г создал мир несовершенным, дабы дать возможность человеку принять участие в его совершенствовании и обрести счастье. Для нас главная задача человека – быть партнером Б-га в улучшении мира. Применительно к проблеме материальной обеспеченности эту задачу можно сформулировать так: быть партнером Б-га в распределении благ.

Поэтому благотворительность на нашем святом языке называется «цдака» – что на самом деле значит «установление справедливости». В мире нет ни единого существа, которое только получало бы или только давало. Справедливость – это установление правильного соотношения. Тот, кто дает, может дать потому, что у него много есть. А много есть у него, потому что Б-г много ему дал. Что-то через родителей, оставивших наследство, что-то через учителей, давших ему образование, что-то через деловых партнеров... Ну а главное, конечно, – способности, талант, успех в жизни – Б-г дал непосредственно самому человеку. Дал, чтобы получивший мог передать этот дар дальше.

Наш выдающийся законоучитель Рамбам, рассматривая проблему благотворительности, выделил восемь уровней выполнения этой заповеди – от самого низкого, когда помощь оказывается неохотно, до высшего, когда помощь позволяет принимающему ее человеку стать самостоятельным и больше не нуждаться в помощи. Вроде бы эта градация нелогична. Почему Рамбам не говорит, что более высокий уровень выполнения заповеди – это когда дают больше?

Еврейский подход иной. Когда мы говорим о благотворительности, во главу угла мы ставим не количество, а чувства – прежде всего чувства получающего помощь. Главное – чтобы человек, нуждающийся в помощи, не чувствовал себя неудобно, чтобы не страдало его самоуважение. Поэтому всегда лучше, чтобы личность благотворителя оставалась для него неизвестной. По той же самой причине у нашего народа принято совершать благотворительность через общину: в этом случае даритель остается анонимным и получатель не стесняется – ведь община для того и существует, чтобы помогать евреям!

Есть такой анекдот про раввина, который перед праздником Песах обходил жителей местечка, чтобы набрать денег и помочь беднякам организовать седер. Вечером он вернулся домой и на вопрос жены, как идут дела, ответил, что поставленную задачу решил уже на 50%. «Сколько же ты собрал?» – поинтересовалась жена. «Нисколько, – отвечает раввин, – но я сделал полдела. Бедные уже готовы получить помощь. Осталось найти в местечке богатых, которые эту помощь окажут».

Этот анекдот – как всякий, впрочем, еврейский анекдот – не просто повод посмеяться, но замаскированная под шутку серьезная мысль. Очень нелегко убедить человека, нуждающегося в помощи, эту помощь принять. В обществе верующих людей, старающихся жить по законам праведности, это особенно бросается в глаза.

Когда я был совсем еще молодым, в нашей синагоге молился один еврей, который собирал деньги на помощь беднякам, чтобы они могли отмечать субботы и праздники как подобает. Но вместо обычной кружки для пожертвований он приносил с собой большую коробку, открытую сверху. Когда евреи собирались на молитву, этот человек пускал свою коробку по кругу. При этом он провозглашал: «Давай или бери! Давай или бери! Если тебе нужно – бери, если ты можешь дать – давай!»

Некоторые люди спрашивали, что значит «давай или бери». Почему нельзя просто установить копилку, чтобы каждый бросал туда, сколько может? А тот еврей объяснял, что его цель – не просто собрать, а передать деньги дальше. Поэтому-то он и кричал: «Давай или бери!» Если даже в синагоге нуждающийся человек стесняется сам взять из коробки, сколько ему нужно, он может потом подойти и попросить нужную сумму.

Человеку куда проще дать, чем взять. Стремление дать, оказать помощь другому есть у каждого из нас. Религиозное воспитание усиливает это стремление, ведь главная заповедь для евреев – это любовь к ближнему, то есть желание ему помочь. Стремление взять у другого в человеческой душе не заложено. Ребенок берет у родителей просто потому, что он еще маленький и не может самостоятельно обеспечить свою жизнь. А взрослому человеку порой вообще нестерпимо обращаться за помощью!

Именно поэтому так важно, чтобы люди, нуждающиеся в нашей помощи, не чувствовали себя зависимыми и не страдали от этого. Во-первых, благотворительность больше дает самому благотворителю, чем тому, кто получает: он становится «партнером Б-га» и таким образом увеличивает меру своего духовного счастья. Во-вторых, любой верующий человек знает, что на самом деле дает не человек, а Б-г через человека.

Наконец, в-третьих и в-главных: мы все обязаны тем, кто сегодня нуждается в нашей помощи. Это главным образом пожилые люди, вся жизнь которых прошла при коммунистическом режиме, и они уже не имели ни времени, ни сил, чтобы обеспечить себя в старости, после падения СССР. Зато именно они сохранили еврейский дух, еврейскую традицию, еврейскую веру. Сохранили для нас, для наших детей, для всего нашего народа.

Недаром Ребе говорил: сколько бы мы сейчас ни делали для этих людей – все мало.

РАББИ ШНЕУР-ЗАЛМАН ИЗ ЛЯД

Nai oee Aidi aabee

Продолжение. Начало в № 3, 2008

5.

Выход в свет «Тании» возбудил резкий протест волынских и украинских хасидов, привычных к стилю учеников Бешта и р. Дов-Бера, Межеричского магида, которые подчеркивали значение внутреннего религиозного чувства, простой, наивной веры человека, не задающегося каверзными вопросами и не занимающегося каббалистическими и философскими умствованиями. Они не могли примириться с изложенным в книге «Тания» учением, поскольку оно требовало от хасидов интеллектуального напряжения и исходило из того, что вначале следует наполнить мозг знанием Б-га, а остальное, требуемое для служения Б-гу, придет само по себе. Товарищ р. Шнеура-Залмана, р. Авраам из Калиска^[1], строивший все свое учение на простой вере, писал: «Святость находит себя пристанище только в вере, и в ней пребывают все категории разума – “Ее листы переворачивай, ибо все в ней”^[2]». Он полностью отверг книгу «Тания» и в письме ее автору писал: «Я рассмотрел книгу “Тания”, в которой ваша честь изложили свое учение, и не нашел в ней большой пользы для спасения душ. <...> Наши учителя выражали такие мысли с крайней осторожностью, и большинству своих хасидов преподавали их обиняками, чтобы исподволь вводить их в союз ученых»^[3]. Подобные возражения могло бы выдвинуть большинство цадиков Волыни и Украины, но главное – они не могли простить р. Шнеуру-Залману, что доступные только избранным положения каббалы он сделал достоянием многих.

Хабад, вообще-то бедный свидетельствами и легендами, сохранил об учении р. Шнеура-Залмана такое предание: однажды, когда р. Шнеур-Залман сидел в тюрьме, дверь в камеру внезапно отворилась и вошел покойный учитель автора «Тании» р. Дов-Бер, Магид из Межерича, а вместе с ним незнакомый старец. «Рабби Исраэль Бааль-Шем-Тов», – представил учитель незнакомца. Оба пришли из мира истины (где пребывают праведные после смерти), чтобы навестить человека, страдающего в тюрьме за их учение, учение хасидизма. Бешт попросил р. Шнеура-Залмана рассказать что-нибудь из учения Хабад, и ученик удовлетворил его просьбу. Когда они уходили, Бешт повернулся к заключенному и сказал: «Толкуй дальше, сынок». Таким образом, хасидское направление Хабад получило одобрение самого Бешта.

В результате раскола между Хабадом и остальными хасидами разверзлась пропасть, и Хабад выделился в отдельную группу, обособленную от других хасидских течений. Хабадники, со своей стороны, начали презрительно относиться к прочим хасидам, что сказалося на отношении последних к пособию «халука», собранному под эгидой р. Шнеура-Залмана для помощи евреям Святой земли. Так, в 1802 году р. Авраам Калискер отказался от денежной помощи со стороны р. Шнеура-Залмана, заявив, что желает иную систему помощи «от истинных друзей, никак хабадниками не называемых»^[4].

Если внутренняя хасидская полемика вокруг книги «Тания» была связана с обсуждением в книге предметов, которым, по мнению остальных хасидов, публичность только вредит, но не с идеями автора как таковыми, то со стороны виленских и иных

записных миснагедов Литвы, гневную отповедь вызвало собственно содержание этого труда. Представление об этой критике дает следующая филиппика р. Хаима из Воложина^[5]: «Теперь же наступила эпоха, когда нет учителя, и всякий ведет себя, как ему его ум подскажет, и все помыслы заставляют людей парить своим разумом там, куда сердце влечет, и хуже всего, что это учение, которому приличествует интеллектуальное самоограничение, превратилось в аллегорию в устах невежд, утверждающих, что всякое место и всякий предмет – сплошная Б-жественность, и они чем дальше, тем глубже погружаются в этот предмет, так что даже юноши с младых лет следуют в своих поступках этому учению в меру понимания, свойственного их невежественному разуму. А всякому человеку приличествует великая осторожность в этих вопросах, потому что если начать вести себя в соответствии с этими представлениями, то дадут трещину некоторые положения нашей Святой Торы. На этом пути человек может попасться в сети своего дурного начала и, придя к выводу, что все это только аллегория, начнет размышлять о святых предметах также в местах скверны, ибо решит, что все на свете – сплошная Б-жественность. Наши благословенной памяти мудрецы резко заявляют, что такой теряет свою долю в грядущем мире»^[6].

После периода относительного затишья вражда между миснагедами и хасидами вспыхнула с новой силой. Лидеры миснагедов р. Хаим из Воложина и р. Саадья^[7] прибыли в Шклов для совета с местными единомышленниками, как остановить бедствие, то есть распространение учения Хабад. В центре миснагедского движения Вильне начались новые преследования хасидов, некоторые из которых были сторонниками Хабада. Те обратились к р. Шнеуру-Залману с просьбой прибыть в Вильну и принять участие в дискуссии с Виленским гаоном, чтобы продемонстрировать, что ни хасидское движение вообще, ни учение Хабада в частности нисколько не входят в противоречие с традиционными еврейскими представлениями о Б-ге, о мире и т. п. Р. Шнеур-Залман на это ответил, что никакой пользы от его приезда не будет и все их усилия напрасны:

Титульный лист издания книги «Тания». Славута, 1796 год.

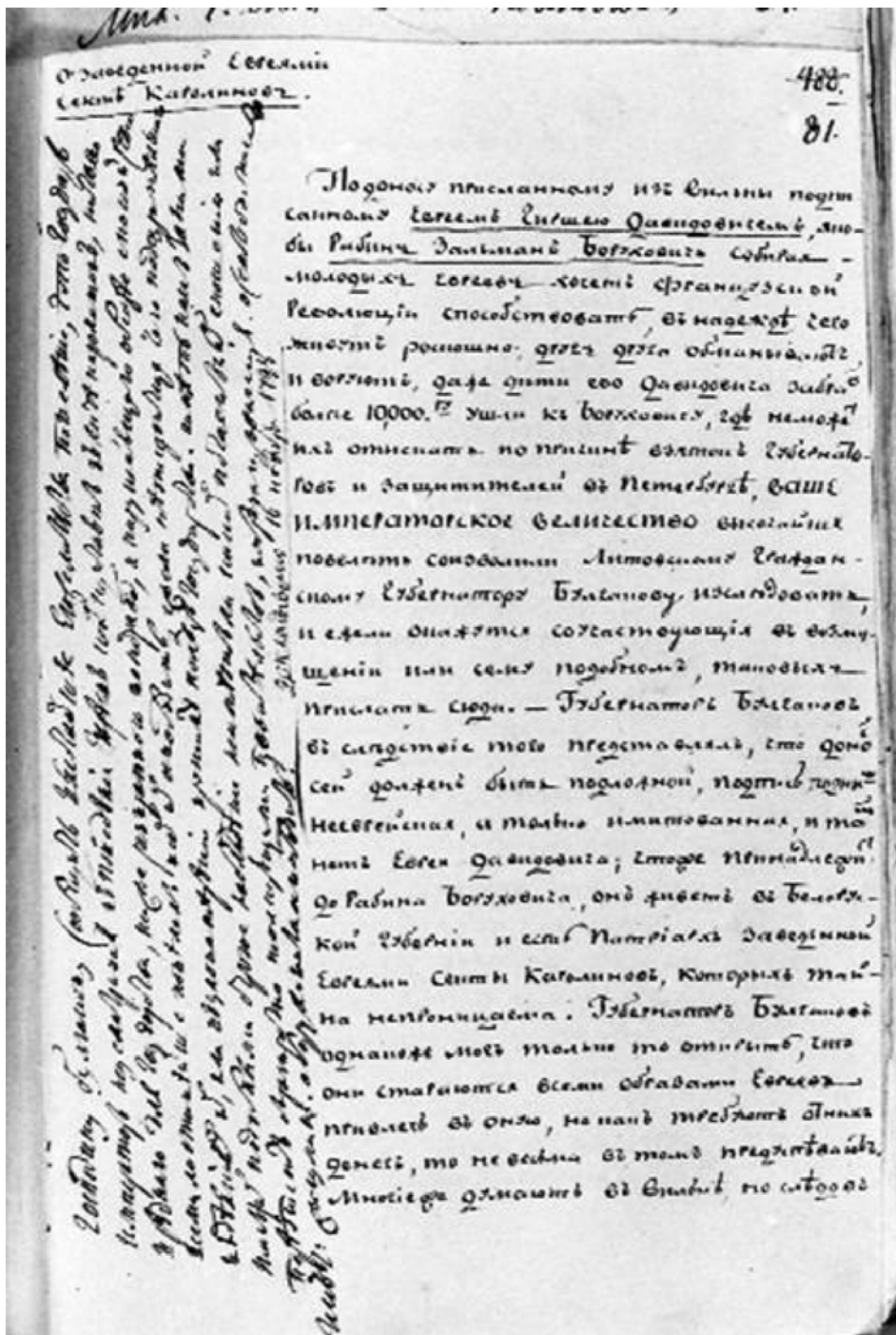
Что же касается диспута с нашими противниками, то если бы можно было прийти к положительному результату, не было бы более благого дела, чем установить мир

в народе Израиля. Но что еще нам остается делать и чего мы только не делали ради этой благой цели?! Мы много трудились, но у нас ничего не вышло – чисты мы перед Б-гом и народом Израиля. В самом начале мы с р. Менахемом-Мендлом, благословенна память праведника, направились к тому праведнику [Виленскому гаону] (да светит его свеча!), чтобы объяснить с ним и устранить все подозрения на наш счет. Он же дважды захлопывал перед нами двери. Когда же городские главы обратились к нему: «Учитель, вот их знаменитый раввин пришел принять участие в диспуте с вами, и когда вы его победите, наступит мир в народе Израиля», – он полностью отверг это предложение. Когда же его стали уговаривать, он уехал, исчез, ушел, и оставался вне города до того дня, когда мы оттуда уехали, и старожилы это помнят. А потому уже в нашем крае мы прибыли в город Шклов, с той же целью – на диспут, и опять у нас ничего не вышло. И поступили они с нами недостойно, они отступили от своих обещаний и данных заранее гарантий не причинять нам ничего дурного. Когда же они увидели, что им нечего нам возразить, прибегли к силе, прикрывшись величием авторитета праведника (да светит его свеча!). Разве оправдают нас, если он уже принял категорическое решение, и нет у него в этом решении ни малейшей тени сомнения? Если он уже вынес приговор, приняв свидетельство у многих достойных людей, в чьей праведности не приходится сомневаться? Почему что-то изменилось сегодня, если мы не обнаруживаем ни малейших признаков сожаления о минувшем, если не выражается ни малейших сомнений в возможной ошибочности прошлых решений? Наоборот! Денежный вопрос – то, что он потребовал две тысячи злотых на цдаку или другое доброе дело, – доказывает, что он не желает утруждать себя понапрасну. Они заведомо знают, что у меня есть ответы на все их каверзные вопросы, и без того известные в нашем краю. Но они не принимают ответов, как уже было в общине Шклова, так зачем же мне трудиться без толку? К тому же известно высказывание наших благословенной памяти мудрецов: «Как заповедано сказать, когда услышат, так заповедано промолчать, когда заведомо не услышат»^[8]. Из вашего письма ясно, что ничто из сказанного не укрылось от ваших глаз, только вот ваша надежда на двух значительных людей, которые будут с кем-то там решать суд, не свидетельствует о проницательности. Потому что все их величие окажется ничтожным, и не смогут они принять решение, идущее вразрез с мнением Гаона, переданное им через своего эмиссара р. Саадью, который будет повторять его вслед за своим учителем, особенно в том, что касается книги «Ликутей амарим» и ей подобных, целиком построенных на учении р. Ицхака Лурии. И, по слухам, во всей Литве не найдется ни одного человека, который бы возразил Гаону, и тем более никто не скажет такого вслух. Разве что в дальних странах, вроде Турции, Италии, большей части Германии, Великой и Малой Польши^[9], и именно к этому я стремлюсь. И, в частности, в вопросе веры, которую в наших краях высказывают его ученики, говоря о книгах вроде «Ликутей амарим» и ей подобных, в которых слова «Наполняет все миры, и нет места, свободного от Него», понимаются в самом прямом смысле. С точки зрения Гаона, сказать, что Всевышний пребывает в самых низменных предметах и местах в буквальном смысле слова, является еретической мыслью. И кто бы дал, кто бы дозволил мне изложить перед ним наши аргументы и доказательства, чтобы полностью опровергнуть все его философские построения, которым он, согласно словам упомянутого ученика, следует, пытаясь познать Б-га человеческим разумом, тогда как я принял у своих учителей убедительное опровержение его слов. И если ему покажется трудным отказаться от своих идей, на которых он вырос с юных лет, и мои слова ему не понравятся, то пусть на смену величию придет скромность, и он письменно изложит свои доводы против нас и пошлет кого-нибудь из своих приближенных с собственноручно подписанным им письмом. Я же вслед за ним отвечу на все его доводы и также скреплю своей подписью. И мы напечатаем эти послания и разошлем всем ученым Израиля, как ближним, так и дальним, чтобы те высказали свои мнения по этому поводу. Ибо не осиротел Израиль, и найдутся многие

мужи великого разума, которые смогут решить наш спор, не взирая на лица, и каждый последует за большинством, что и приведет к воцарению мира в народе Израиля^[10].

Из этого письма мы видим, насколько р. Шнеур-Залман стремился к примирению сторон и одновременно, не склоняя головы, шел по проложенному им пути, предлагая либо устный, либо письменный диспут с Виленским гаоном, чтобы знатоки с обеих сторон рассудили их, «не взирая на лица».

Р. Шнеур-Залман завершает послание словами примирения, наставляя своих последователей на путь мира: «Что же касается того, что известную нам книгу сожгли^[11], то не вам вступаться за Бешта и вызывать раздоры; не тот это город и не тот путь, который заповедал нам Всевышний. Для вас есть в этом что-то новое, а это, если вспомнить историю, уже бывало прежде. Кто был у нас подобен Моше в своем поколении, если не Рамбам? В его родной стране, в Испании, его имя гремело, и никто не сомневался в его праведности, но в дальних краях, где его не знали и с ним лично знакомы не были, считали его еретиком и сжигали его книги на площадях, следуя указанию тех, кто считали себя мудрецами, ибо прочитали то, что Рамбам написал в “Законах раскаяния” (3:7)^[12], но не подумали, что у них не хватает знаний и интеллекта понять прочитанное... А когда прошло время, “и любовь их и ненависть уже исчезли” (Коелет, 9:6), и истина проросла из земли и весь Израиль знает, что Моше – прав и учение его – истина, и то же самое наступит и для нас, вскорости, в наши дни. Амен!»

«О заведенной евреями Секте Каролинов» – доклад императору об истории ареста рабби Шнеура-Залмана. Слева на странице резолюция императора от 16 ноября (19 кислева) 1798 года .

6.

Письмо было доставлено адресату незадолго до смерти Гаона. Призывы к примирению не привели к прекращению раздора в Вильне, где проживали видные раввинские авторитеты, имевшие огромное влияние во всех литовских общинах.

9 октября 1797 года (19 тишрея 5558), во время праздника Суккот, в возрасте семидесяти семи лет умер Виленский гаон. Радость праздника обернулась трауром, и здесь проявилась непростительная бестактность хасидов, которые испытали радость, сочтя, что смерть Гаона принесет им освобождение от преследований. Эти чаяния вызвали

негодование миснагедов, и самые ярые из них прямо на могиле р. Элияу поклялись отмстить противникам за оскорбление памяти «Б-жьего человека». В последний день Суккот, в Ошана раба, по всем синагогам Вильны под звуки шофара и при погашенных свечах был оглашен новый «херем», означавший возобновление гонений хасидов. Был даже избран специальный комитет из пяти человек, уполномоченный преследовать всякого, подозреваемого в принадлежности к хасидской секте. Одним из членов того комитета был Моше Бегарбени, более известный как Моше Ошеревич, пресловутый клеветник и доносчик властям на хасидов.

Война с хасидами обострилась, и главной мишенью для нападков оказался р. Шнеур-Залман.

В октябре 1798 года по доносу глав раввинских общин р. Шнеур-Залман был арестован и доставлен в Петербург, где находился в заключении до 28 ноября. Р. Шнеур-Залман воспринимал заточение как страдания за веру и освящение Имени Всевышнего. После выхода на свободу он писал своему товарищу р. Леви-Ицхаку из Бердичева: «Великое чудо сотворил Всевышний на земле: как я, ничтожнейший из смертных, оказался тем инструментом, благодаря которому возвеличилось Имя Создателя? “От Г-спода снизошло все это; и это чудо в глазах наших” (Теилим, 118:23)». Он мог утешаться тем, что страдал за хасидизм. В том же письме он пишет: «Главное в этой войне то, что миснагеды решили бороться с учением Бешта и учениками его учеников».

В письме внуку Бешта, р. Баруху из Меджибожа, он также писал: «Не меня одного это касается, но Бешта и его учеников»^[13].

Желая не допустить мести хасидов миснагедам-доносчикам, р. Шнеур-Залман обратился к своим единоверцам с письменным воззванием^[14]: «Я обращаюсь ко всем нашим сторонникам во имя великих милостей, которые Г-сподь оказал нам, позволив придерживаться заповедей Яакова и остатка народа Израиля, и при этом не считать остальных чем-то абсолютно не нужным и бессмысленным. Мы не должны возноситься над нашими братьями <...> никоим образом не следует обращаться с ними свысока или надсмехаться над ними. Следует только пытаться укротить их дух и образумить сердца сутью истины, данной Яакову. Только скромностью и мягким поведением можно добиться прекращения гнева и т. п., и, может быть, даст Всевышний, и исполнятся о наших братьях слова Писания “как в воде лицо к лицу”»^[15].

Миротворец р. Шнеур-Залман призывал своих хасидов дружески относиться ко всем евреям. Он, в частности, писал:

Это послание посвящено вопросу о ссорах и беспричинной ненависти. Всякий человек, сердце которого проникнуто страхом Б-жьим, и кто заботится о выполнении Его заповедей, должен всеми средствами избегать того, чтобы стать причиной ущерба ближнему, хотя бы в самой ничтожной степени. В этих посланиях я прикладываю все мои силы к тому, чтобы пробудить в сынах Израиля предписанные нам качества. В прошлом году, после смерти Гаона из Вильны, я писал всем нашим сторонникам, чтобы они ни в коем случае не произносили ни единого слова, порочащего этого великого мудреца, ибо подобному никогда не может быть оправдания. Теперь, по прошествии времени, некоторые, быть может, полагают, что теперь это уже разрешено, ибо в связи со случившимся с нами слишком многие указывают на покойного праведника. Поэтому я вторично предупреждаю всех наших людей, как дальних, так и ближних, где бы они ни находились, ни в коем случае не говорить худого слова о великом праведнике. У нас нет ни малейших сомнений, что не от него исходило то, что привело к тем великим

последствиям, ибо за все дни жизни своей он не допустил ни единой ошибки и ни разу не споткнулся. Да благословит Всевышний всех мудрецов, как великих, так и малых, даже тех, кто не принадлежит к нашим единомышленникам! Б-же упаси как-либо унизить их словом или делом, малым ли, великим ли. И когда они говорят нечто, что мне или нашим людям кажется неверным, то отвечать им следует словами Бешта и его святых учеников, чтобы прониклись слышащие и полностью раскаялись в своих поступках, речах и помыслах. Пусть они будут причиной раздора и источником ущерба, нанесенного слугам Всевышнего, ибо нас они считают теми, кто откололся от них, и потому они за нас страдают, а уж грехи пусть считают среди своих, что будет нам утешением. <...> И еще я увещаю вас приучить себя любить весь народ Израилев, даже тех, кто не из наших сторонников, и всегда оправдывать их поступки. Ибо по истине говоря, все евреи – братья, и о каждом сказано: “Сыны вы Г-споду”. И тогда Всевышний пошлет всему народу Израиля мир и братскую любовь, и каждый будет жить в мире. Много развелось ханжей и притворщиков, которые притворяются нашими единомышленниками и полагают, что числятся таковыми благодаря гадостям, которые они говорят о Б-гобоязненных людях, не принадлежащих к нашим сторонникам. Но от всякого, кто говорит гадость об ученом или Б-гобоязненном человеке, с нами не связанном, следует отдалиться и не приближаться к нему, даже если он делает это в шутку. Да будет благословен всякий, услышавший это!^[16]

Сколько душевного величия и скромности, сколько миролюбия и любви ко всем евреям, независимо от того, к какому течению они принадлежат, мы обнаруживаем в этом послании: «Ибо по истине говоря, все евреи братья, и о каждом сказано: “Сыны вы Г-споду”». Но все оказалось напрасно, и примирения хасидов с миснагедами не произошло. По доносу Авигдора Хаймовича, который был раввином в Пинске, пока хасиды не сместили его с должности, р. Шнеур-Залман был арестован вторично четвертого числа месяца кислева (9 ноября 1800 года) и доставлен в Петербург, где некоторое время ожидал решения Сената по своему делу. Десятого нисана того же еврейского года (10 апреля 1801) он был освобожден и после праздника Песах вернулся домой.

Ī adīāā ĩēādeōā Ī āēdā Ēāēī ĩāā

Ī ēīī-āī ēā ĩēāāōō

^[1] В молодости р. Авраам Калискер, так же как и р. Шнеур-Залман, был учеником Магида. Именно он оказался основным противником талмудической учености в хасидских кругах. В 1777 году вместе с р. Менахемом-Мендлом Витебским переехал на Святую Землю и после смерти последнего стал во главе хасидов Страны Израиля. Окончательный его раскол с Хабалом произошел в 1802 году. В споре по поводу книги «Тания» Калискер обратился за помощью к р. Леви-Ицхаку из Бердичева, но не нашел поддержки – тот полностью поддержал автора «Тании».

^[2] Цитата из Мишны (Пиркей Авот, 4:5), обычно относимая к Торе.

^[3] Опубликовано Бравером: Кирьят Сефер. № 1. С. 144.

^[4] См.: С. Городецкий. Олэй Цион (иврит). С. 183, 184.

^[5] Р. Хаим из Воложина (1749–1821) – один из главных идеологов миснагедского течения, основатель воложинской ешивы. Его главный труд «Нефеш а-Хаим» вышел после смерти автора в 1824 года.

^[6] Нефеш а-Хаим, 3:3. Разница между двумя учениями о Б-жественном в мире – р. Шнеура-Залмана и р. Хаима – невелика, разве что они пользуются различной терминологией, и острие критики направлено скорее на вопрос, насколько следует пользоваться результатами теоретических изысканий в практической религиозной жизни. См.: Михтав ме-Элияу. Т. 4. С. 221.

^[7] Р. Саадья бен Натан-Нота, ученик Виленского гаона. В конце жизни, в 1809 году, возглавил вторую волну переселения учеников Гаона в Святую землю.

^[8] Йевамот, 65б.

^[9] Евреи относили к Великой Польше такие общины, как познанская, калишская, мазовецкая и другие, а в Малую Польшу включали, например, общины Кракова, Сандомира и Львова.

^[10] Бейт Рабби, 1:40–42.

^[11] Одну из книг, содержащих учение Бешта «Кетер Шем-Тов», или «Завещание Рибаш».

^[12] См. там замечание Раавада и «Послание Рамбана французским мудрецам против предающих проклятию книги Рамбама».

^[13] Бейт Рабби, 1:69–70.

^[14] Тания, Послания, 2.

^[15] «Как в воде лицо к лицу, так сердце человека – к человеку» (Мишлей, 27:19). Сказано в Тании (1:46): «Человеку следует начертать в своем сердце сказанное: “Как в воде лицо к лицу, так сердце человека – к человеку”. Означает это следующее: как вода отражает облик человека, так любовь к другому, запечатленная в сердце, пробуждает любовь того, к кому обращаешься».

^[16] Опубликовано: Бейт Рабби, 1:70–71.

О ПЕРЕВОДАХ ТАНАХА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

P dēē Āīēāāī

Ńòèōīī ðāçī āðāīīūī è ĩēīāīī ēāāyīūī

Ī ā ī āðāāāōū òū èō çī ā-āīūy.

Лермонтов

Когда-то рабби Йеуда Альхаризи^[1] сформулировал принцип перевода, верный для всех времен и всех языков. Переводчик обязан, во-первых, досконально знать язык, с которого переводит, во-вторых, в совершенстве владеть языком, на который переводит, и, в-третьих, полностью понимать смысл текста, который переводит. И если эти три условия непреложны для любого перевода, то в случае с переводом Священного Писания трудности в исполнении каждого из них неимоверно возрастают. Переводчику мало «досконально знать» современный иврит. Несмотря на то что существует немало словарей иврита, способных послужить надежной поддержкой, переводчик обязан изучать и сравнивать между собой различные комментарии – классические и новейшие – даже для того, чтобы проникнуть в простой смысл текста.

Приведем яркий пример. Слово тахануним означает, согласно словарю, «мольбы», «моления» (часто о прощении). Однако в книге пророка Зхарьи (12:10) Всевышний обещает «излить дух тахануним» на «Дом Давида и на каждого жителя Иерусалима». Очевидно, прав Таргум^[2], переводя здесь тахануним как «жалость». Аналогичное значение это слово получает у Ирмеяу (31:8): оно противопоставляется «плачу»:

Ā īēā-ā ī ðēāō - è ā æāēīīñè (é ī èī)

āīñòāāēp èō^[3],

Ī ðēāāō èō é īīòīēāī āīā īī āīðīāī

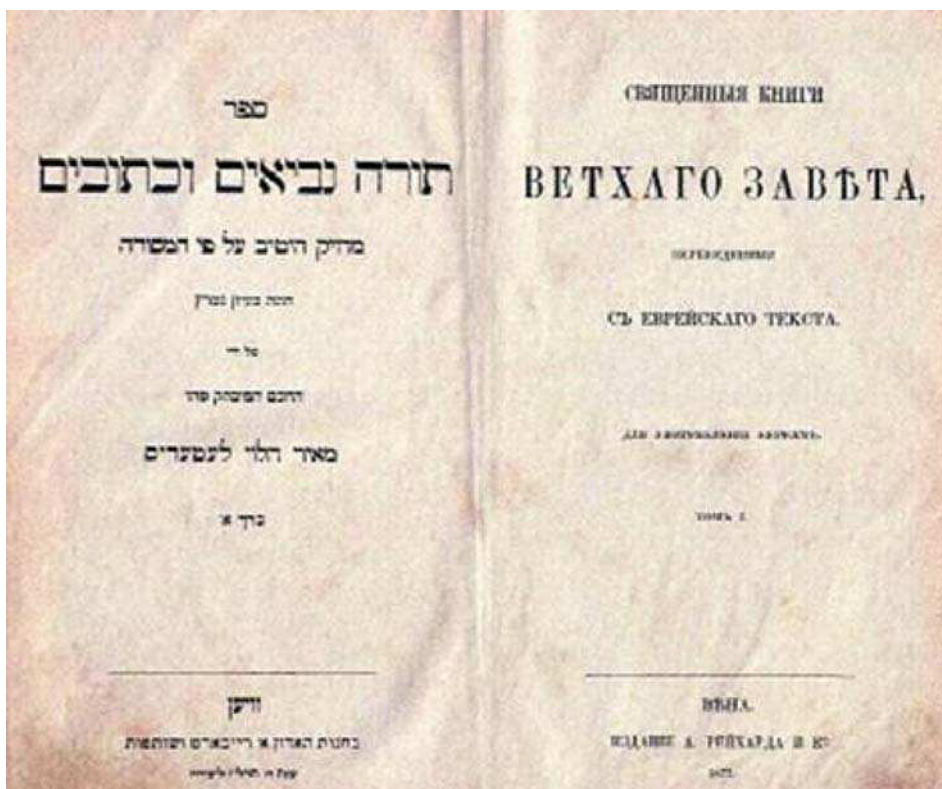
ī ðyī īé...

Кроме того, при переходе от одной книги Танаха к другой проблема лексики усложняется тем, что смыкается с проблемой стиля. Например, хотя обычное значение слова анавим – «скромные», а выражение поалей авен означает «совершающие (нечто) греховное», в контексте книги Теилим они заменяют антипару «праведники – нечестивцы».

А вот образец «правильного» перевода, ставшего классическим по своей нелепости. В Теилим (102:7) есть выражение кеат мидбар. Первое из этих слов в иврит-русском словаре Ф.Л. Шапиро (во многих отношениях образцовом) переводится как «пеликан», и это толкование имеет достаточно авторитетный источник: комментарий к Торе рава Саадьи-гаона. Там, в книге Ваикра (11:18), «пеликан» вполне вписывается в контекст перечисления птиц, запрещенных в пищу. Однако здесь, в Теилим, в сочетании со словом мидбар («пустыня») получается совершенно парадоксальный конгломерат:

«пеликан пустыни»! И этот «пеликан» странствует из книги в книгу, начиная с перевода под редакцией Д. Йосифона^[4] и кончая современными поэтическими переложениями Теилим на русский язык!^[5] Однако в классическом толковом словаре иврита А. Эвен-Шошана слово каат объяснено так: «Одна из ночных птиц, упомянутая в Писании среди нечистых птиц; ее идентификация все еще ясно не определена»^[6].

Еще два примера небрежности, возникшей из-за того, что переводчик просто-напросто поленился заглянуть в словарь или в комментарий. В переводе Торы, вышедшем в 1981 году в одном из авторитетных издательств, слово аиль (животное, которое Авраам принес в жертву вместо Ицхака [Берешит, 22:13]) переведено, как... «козел»^[7]. А в одном из новейших переводов книги «Шофтим» («Судьи»), в «Песне Дворы» (5:2, 7) два совершенно разных слова праот («проломы», в более современном значении «погромы») и празон («населенные пункты, не обнесенные стеной») переведены одинаково: «вожди»...

Титульный лист издания Танаха с параллельным русским текстом. Вена, 1877 год.

* * *

Очевидно, что из трех условий Альхаризи наиболее связаны друг с другом первое (досконально знать язык, с которого переводишь) и третье (полностью понимать смысл текста, который переводишь). В нашем случае – без ясного представления о лексике, грамматике и стилистике иврита возникают «ляпы» вроде приведенных выше. Однако этого для настоящего понимания смысла текста Танаха еще недостаточно – невозможно обойтись без знания Устной Торы: во-первых (и в основных) – Талмуда и мидрашей, объясняющих содержание текста на различных уровнях (от алохического до каббалистического), во-вторых – так называемой масоры, то есть традиции чтения (а также написания) различных книг Танаха. В противном случае может получиться, что формально совершенно точный перевод будет настолько противоречить законодательной стороне Торы, что окажется совершенно неверным по существу.

Например, начало отрывка из книги Шмуэля, в котором рассказывается о первом откровении ему Всевышнего (I, 3:2, 3): «И было в тот день: и Эли лежал на месте своем, и глаза его начали тускнеть, не мог он видеть, а светильник Б-га еще не погас, и Шмуэль лежал в Чертоге Г-спода, где Ковчег Б-га». Однако Алаха категорически запрещает лежать (тем более спать) внутри Храма!

Радак обращает внимание: между словами «лежал» и «в Чертоге Г-спода» – глубокая цезура, отмечающая половину стиха; следовательно, фраза «а Шмуэль лежал» никак не связана с «Чертогом Г-спода, где Ковчег Б-га». Развивая мысль Радака, Мальбим указывает, что «и Шмуэль лежал» – замечание как бы в скобках, параллельное упоминанию о первосвященнике Эли в предыдущем стихе. Следовательно, правильный перевод должен быть графически оформлен так (для наглядности мы выделили основное предложение): «И было в тот день <и Эли лежал на месте своем, и глаза его начали тускнеть, не мог он видеть>, а светильник Б-га еще не погас <и Шмуэль (также тогда лежал> в Чертоге Г-спода, где Ковчег Б-га»^[8].

Именно для этого необходимо знание масоры – в частности, системы кантилляции, то есть изображения на письме особыми значками интонаций, с которыми надлежит читать Писание. В принципе, чтец их должен помнить наизусть (поэтому кантилляция принадлежит к сфере Устной Торы), однако во всех печатных изданиях Танаха они непременно воспроизводятся. Благодаря этому становится ясно, где следует сделать цезуру (чтобы отделить фразу от фразы, стих от стиха, строфу от строфы), где следует повысить интонацию, чтобы подчеркнуть слово, где, наоборот, следует ее понизить.

Широко известен анекдот о царской резолюции «казнить нельзя помиловать», когда жизнь человека зависела от местоположения запятой. При переводе Танаха расстановка знаков препинания не сопряжена со смертельной опасностью, однако без знакомства с традицией чтения Танаха переводчик неминуемо столкнется с трудностями зачастую непреодолимыми. Если по смыслу слов он еще может с большей или меньшей степенью вероятности определить границы крупных отрывков, то внутри предложения это может быть невозможно.

Вот отрывок из книги «Дварим» (30:19):

Сделал я вашими свидетелями сегодня небеса и землю жизнь и смерть положил пред тобой благословение и проклятие так выбери жизнь...

Как сгруппировать эти слова? Знаки кантилляции из трех, по крайней мере, вариантов предписывают следующее:

Ńääëäë ŷ ääœèì è ñëääò äëŷì è ññäíŷ

íääñä è çäì ëþ,

Æèçíü è ñ äðüíîëîæëë íðää òîáîþ:

äëääññëîáí èä è íðíëëŷòèä..

Еще один пример. В той же книге Дварим дважды повторяется одно и то же сочетание слов:

4:24

Ибо Г-сподь Б-г твой огонь пожирающий Он Б-г ревнитель.

9:3

Ибо Г-сподь Б-г твой Он проходит перед тобой огонь пожирающий Он уничтожит их и Он смирит их перед тобой.

Как расставить знаки препинания в этих двух предложениях? Оба раза разделить «пожирающий» и «Он» или сделать иначе: сохранить в неприкосновенности выражение «огонь пожирающий Он»? Однако, если принять во внимание традиционную кантилляцию, становится ясным, что это словосочетание имеет место только в первой цитате, во второй же «огонь пожирающий» и «Он» разделены цезурой и принадлежат к разным фразам:

Èáí Ā-ñîäü Ā-ãòãé -

îãíü îãèðàrùèé Īí, Ā-ãðãí èòãüü!

Èáí Ā-ñîäü Ā-ãòãé -

Īí îðîãè èò îããü òíãé, îãíü

îãèðàrùèé,

Īí èñðãè èò èã, è Īí ñ èðè èò

îããü òíãé.

Титульные листы «Книги Эсфирь» с текстом на иврите и на русском языке.

Одесса, 1918 год.

Приведем еще несколько примеров мест, которые без знания Устной Торы правильно понять (и перевести) невозможно.

В переводе книги Ваикра издательства «Шамир», глава 16-я, стих 6-й – странное несоответствие между текстом и комментарием к нему. «И пусть принесет Аарон быка в жертву грехоочистительную <...> и искупит себя и дом свой», – написано в тексте, а комментарий к словам «и искупит...» – «исповедуется в своих грехах и в грехах своих домочадцев». Когда же он должен исповедоваться? До принесения жертвы или после? Дело в том, что слово «икрив», которое в Торе, как правило, означает «принесет в жертву», имеет также очень простое значение: «приблизит». И в данном случае именно оно и нужно! Должно быть: «И подведет ближе Аарон быка^[9] для жертвы <...> и исповедуется», и тогда последовательность событий будет сохранена.

В книге Дварим о Песахе сказаны очень странные вещи.

Во-первых, о времени Исхода. В стихе 16:1 – что он произошел «ночью». А вскоре после этого, в стихе 16:6, что «время выхода твоего из Египта» – это «вечером, сразу после захода солнца». Но это противоречит книге «Шмот», в которой написано недвусмысленно: «Средь бела дня» (12:51)! Устная Тора объясняет, что имеются в виду основные этапы Исхода: совершение жертвоприношения «песах», умерщвление первенцев и получение разрешения уйти и, наконец, сам Исход – «средь бела дня», чтобы никто не говорил потом, будто сыны Израиля бежали из Египта, как воры!

Во-вторых, о самом жертвоприношении «песах» (Дварим, 16:2): «И будешь резать “песах” для Г-спода, твоего Б-га, – мелкий рогатый скот и крупный...» А в книге «Шмот» (12:3, 5, 6) совершенно четко предписывается только «мелкий рогатый скот»: или ягненок, или козленок! Устная Тора («Сифрей» к этому стиху) разъясняет, что для «песаха» – ягненок или козленок, а «крупный рогатый скот» – для праздничного жертвоприношения «хагига». Комментируя это разъяснение, Мальбим указывает: истолкование основывается на необычном для указания о жертвоприношении слове «резать» и объясняет особый смысл, таящийся в этом стихе.

Наконец, в стихе 7 стоит слово увишальта, которое обычно означает: «и сварись». Но это ведь сказано о мясе жертвоприношения «песах», которое строго запрещается варить, а жарить предписывается только на открытом огне (Шмот, 12:9). Противоречие разрешается, если принять во внимание, что этот глагол имеет также более широкое значение: «готовить на огне» (см. комментарий Раши, основанный на сказанном в алахическом мидраше Мехильта).

Отпуская на свободу еврея-раба, Тора предписывает сделать ему прощальный подарок (Дварим, 15:13, 14), а в случае, если он упрямится и не хочет уходить, пригвоздить его ухо к косяку двери. «И так же рабыне твоей делай это», – замечает Тора (Дварим, 15:17). Однако Алаха запрещает прокалывать ухо рабыне (см. комментарий Раши и ср. его со Шмот, 21:5, 6; также см. комментарий Ибн Эзры там же). Следовательно, это указание является продолжением упоминания о еврейке-рабыне в самом начале отрывка, в стихе 12, и получается, что стих 16 и почти весь 17 (о наказании раба, не желающего выходить на свободу) – это как бы длинное вводное предложение. Так не поставить ли его в скобки?

* * *

Перейдем ко второму условию Альхаризи, согласно которому переводчик обязан в совершенстве владеть языком, на который переводит. К сожалению, достаточно распространено легкомысленное представление, будто тот, кто более или менее сносно говорит по-русски, может переводить на этот язык. Однако это вовсе не так. Фраза,

которая в устной речи пролетает совершенно естественно, на письме может проявить совершенно неожиданный смысл.

Например, случай, который, кстати, можно предложить как «тест». Пусть «претендент» переведет очень простое предложение: стих 6-й из главы 3-й книги Берешит. Если он почувствует, что по-русски это звучит совершенно неприлично, можно считать: «экзамен» выдержан^[10].

На этом примере видно, что центр проблемы – чувство стиля. Того, кто искажает морфологию и синтаксис, кто имеет весьма поверхностное представление о грамматике, ни один здравомыслящий человек не примет в качестве переводчика. Но вот в отношении стилистики... Что вы скажете о таких «алахических терминах», как «грудь взмахивания и нога возношения»? А они фигурировали в одном из первых изданий перевода «Моисеева Пятикнижия»! Правда, в новом издании они переделаны на «грудину, посвящаемую Всевышнему» и «голень, приносимую Ему в дар», однако не так давно неожиданно всплыли почти в своем первоначальном виде в переводе, выполненном другим издательством (см. Ваикра, 7:34).

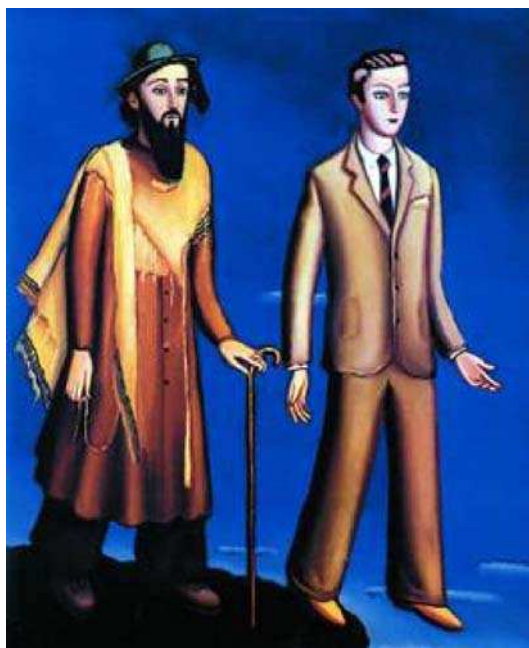
В новом переводе Пророков и Писаний, выпущенном издательством «Шамир», в 1-м стихе 1-й главы Теилим читаем: «Счастлив муж, который <...> вместе с краснобаями не сидел». «Краснобай», объясняет «Толковый словарь русского языка», это «красноречивый, пустой говорун, любитель красивых фраз». А в оригинале стоит слово лейцим, которое Таргум переводит как «глумящиеся»; согласно комментарию «Мецудат Сион» – «издевающиеся над людьми или над обычаями честности»; по Радаку – «ухитряющиеся на зло, видящие в людях лишь срам и уродство». Сколько условий Альхаризи нарушено в этом переводе? Похоже, что все три.

И вот еще один пример нарушения всех условий Альхаризи.

В той же книге Теилим есть почти идентичные две главы: 60 и 108. Различия между ними очень незначительные и, в общем, не затрагивают содержания: это их заглавия и еще несколько слов. Однако один стих в каждой из этих глав несколько выделяется: а именно десятый. Он заканчивается глаголом, у которого может быть три значения: «трубить» (в частности, торжествуя победу); «разбиваться» (в том числе «терпеть поражение»); «дружить», «проявлять дружеское отношение» (в более широком смысле – «присоединиться на базе дружеских отношений»). И все это относится к Плешет, то есть стране филистимлян. Естественно, тут открывается простор для возможностей переводчика: перевести ли в обоих случаях одинаково или по-разному, какое именно значение этого глагола выбрать (причем почти для всех возможностей есть опора в различных комментариях). Объективное же различие между этим стихом в разных главах Теилим выражается в форме этого глагола: в главе 60 – итроаи, то есть повелительное наклонение единственного числа женского рода; в главе 108 – этроа, то есть будущее время единственного числа мужского рода. Как объясняет Радак, отличие в направленности действия: в главе 60 царь Давид, автор обеих глав, говорит о том, что ему сделает Плешет, а в главе 108 – что он сам сделает этой стране. В связи с этим по-разному располагаются смысловые акценты в этих двух вариантах одного и того же стиха: в главе 60 – на слове олай (которое в зависимости от выбранного значения глагола получит значение «обо мне», или «о меня», «из-за меня», «ко мне»); в главе 108 – на названии страны: Плешет.

И вот в изданном несколько лет назад переводе Теилим^[11] в главе 60-й стих 10-й переведен так: «Мне подчинен Плешет», а в главе 108 – «Мне Палестина подчинена».

Переводчик не заметил, что глагол в оригинале стоит в разных формах, и потому исчезло смысловое различие между стихами (даже если допустить, что есть некая связь между «подчиняться» и вторым смыслом названного глагола: «терпеть поражение»). Но почему страна названа по-разному? Хотя в иврите «Плешет» – женского рода, можно допустить, что по-русски это название звучит «по-мужски». Однако «Палестина» – это грубая ошибка. Прежде всего, географическая, историческая и стилистическая: аутентично это название всей Страны Израиля, а вовсе не страны филистимлян (о которой идет речь в «Теилим») – причем название, данное врагами евреев с целью вычеркнуть из памяти человечества принадлежность этой страны народу Израиля. Далее, в рамках теперешней политической ситуации в Государстве Израиль употребление названия «Палестина» – проявление недопустимой для переводчика Танаха конъюнктурщины: так именуют свою «автономную область» арабы, нагло обосновывая это чудовищной ложью, что они-де и есть древние «филистимляне», жившие тут еще до прихода сынов Израиля.

* * *

Проблема стиля, о которой шла речь, это проблема стиля только русского перевода. Насколько нам известно, есть только один перевод, в котором она занимала переводчиков с самого начала: это Шир а-ширим в переводе раввина Н.-З. Рапопорта и поэта Б. Камянова (Авни)^[12]. А ведь есть еще проблема отображения стиля оригинала! Всем прекрасно известно, что в Танахе представлены все возможные литературные жанры: ранние Пророки – это исторические книги; Рут – лирическая повесть; Эстер – почти детектив; Шир а-ширим – величайший в мировой литературе образец любовной лирики; в книгах Зхарьи и Даниэля есть страницы, которые без преувеличения можно считать источником современной литературы (и даже кинематографии) ужасов... Из этого, кажется, ясно следует, что перевод, скажем, философской книги Коэлет должен заметно отличаться от перевода, например, тех же Теилим. И вообще: ясно, казалось бы, что проза Танаха должна быть переведена прозой, ритмизованная проза – ритмизованной прозой, а стихи – стихами. При этом, конечно, перевод обязан отражать также структурные и жанровые различия между различными поэтическими книгами Танаха^[13], не говоря уже о том, что интонация и экспрессия в русском тексте тоже должны соответствовать оригиналу. Между тем, лишь в новом переводе Пророков и Писаний издательства «Шамир» в предисловии переводчика декларируются принципы, подобные упомянутым

выше, но тем не менее нельзя сказать, что в самом переводе так уж заметно их осуществление.

Разумеется, задача перевода Танаха, полностью отвечающая всем трем условиям, сформулированным рабби Йеудой Альхаризи, – поистине грандиозная, однако если не пытаться снова и снова решать ее, хотя бы шаг за шагом, то далекая цель никогда не будет достигнута. Можно лишь надеяться, что с накоплением новых переводов, сознательно ориентированных в указанном направлении, количество в конце концов перейдет в качество.

^[1] Йеуда Альхаризи (1165–1234) – поэт и переводчик, один из последних представителей «золотого века еврейской испанской поэзии».

^[2] Перевод Наха (книг Пророков и Писаний) на арамейский язык, выполненный одним из мудрецов Вавилонского Талмуда, равом Йосефом.

^[3] Кстати, в новом переводе (изд. «Шамир», Иерусалим, 5766[2006]) это слово отсутствует – наверное, из-за трудности найти русские эквиваленты для двух слов, имеющих на иврите одно значение – «привести».

^[4] Йерушалаим, Мосад арав Кук, 5738 (1978).

^[5] К примеру, в переложении Наума Басовского, обладающем наибольшими поэтическими достоинствами из всех нам известных (см. сайт www.n-basovsky.narod.ru).

^[6] См. «Лексикон микраи» (изд. «Двир», Тель-Авив, 5736 [1976]), где, в частности, отвергается идентификация каат с пеликаном. (Поэтому переводчик «Теилим» в изд. «Шамир» с полным правом перевел этот стих так: «Уподобился я пустынной сове».)

^[7] К чести этого издательства следует оговориться, что в последующем переиздании того же перевода Торы «козел» исправлен на «ягненок» (правильность которого, впрочем, тоже еще требует выяснения, так как айль – это баран на третьем году своей жизни).

^[8] Ни в одном из известных нам переводов фразы «а Эли лежал...», «и Шмуэль лежал» не обособлены ни скобками, ни даже тире.

^[9] В оригинале пар – то есть молодой бык, а немного раньше (16:3) он называется пар бен бакар, что означает «совсем теленок». Так что вариант перевода «бык» – весьма сомнительный.

^[10] Читатель тоже может попробовать свои силы на этом «оселке» – но при условии не заглядывать в уже имеющиеся переводы!

^[11] Издание «Швут ами» (Иерусалим, 5763 [2003]).

^[12] Издание Института изучения иудаизма в СНГ (Иерусалим – Москва, 5760 [2000]).

^[13] Например, в книгах Теилим, Мишлей и Книге Иова преобладает чеканная строфа, первое полустишие в которой обычно состоит из двух более или менее слитых фраз, а во втором полустишии первая фраза отделяется от второй глубокой цезурой, резко акцентирующей «ключевое слово». В книге же Коэлет, напротив, много «терцин»: строф из трех строчек с преобладанием белого стиха, временами переходящего почти в ритмизованную прозу.

КУРЕНИЕ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ АЛАХИ

Ôàéòë Èáàéí

*Èòí ì óäðúé áðà: ? Ôàéíé, éíòíðúé òí ááò ì ðááíððáí èòü ñááá ì àöéáí òà ìò áíéáçíé.
Ôíò æá èòí ìá òí ááò ì ðááíððáí èòü*

ìò çááíéáááí èý - òíòü ìí è èá: èò -

ìá ì óäðúé áðà:.

Сефер хасидим, 592

Ñí àñáðúé è ìáí ó : áéíáá: áíéóð æ èçí ü

ñéíáí ì ñí àñááò òáéúé ì èð

Сангедрин, 4:5

Спасение человеческой жизни – превыше всего^Ш. Это аксиома Алахи. Когда жизни еврея угрожает опасность, разрешено нарушать большую часть заповедей, лишь бы спасти ее. И конечно, недопустимо любое действие, препятствующее или затрудняющее спасение жизни. Нечего и говорить о таком действии, которое само по себе угрожает опасностью. Например, о курении в помещении, где находится больной.

ОПАСНОСТЬ ДЛЯ ЖИЗНИ

Однако на последнее утверждение могут возразить: Алаха сосредоточена лишь на том, что непосредственно усугубляет болезнь. Только в таком случае она требует спасения жизни во что бы то ни стало. Однако меры предосторожности и охраны здоровья вне сферы интересов Алахи. В данном случае курящий человек, который чувствует себя здоровым и вполне убежденный в том, что здоров, не поймет, при чем тут Алаха. Уж если медицина (как он твердо уверен) занимается лишь лечением болезней, но не их предупреждением, то тем более Алаха, свод религиозных, а не медицинских предписаний...

Это глубокое заблуждение. Как медицина, так и Алаха уделяют значительное внимание охране здоровья и предотвращению заболеваний. Очень многие предписания Алахи вполне определенно указывают: следует принять все необходимые меры, чтобы не нанести вред здоровью человека.

Так, мы читаем в Торе: «Когда построишь ты новый дом, сделай ограду на твоей крыше, чтобы не пролилась кровь в твоём доме, если кто-нибудь упадет с него»^[2]. Кодификаторы законов Торы постановили, что в этом стихе содержатся две заповеди: одна предписывает окружать крышу дома оградой, вторая – налагает запрет на условия, при которых может пролиться кровь человека. Кроме того, Тора предостерегает: «Только будь осторожен и очень-очень береги свою душу...»^[3]; «И очень-очень берегите души свои...»^[4] Обобщая все эти заветы, мудрецы Галмуда переносят их на другие возможные ситуации и делают вывод: мы обязаны принимать все меры, чтобы охранять человеческую жизнь, и устранять все, чреватое опасностью для нее^[5]. Рамбам^[6], «Шульхан арух»^[7] и более поздние кодификаторы законов Торы^[8] приводят тому многочисленные примеры. Они запрещают проходить мимо наклонившейся стены и перебираться через реку по неустойчивому мосту. Более того, детям разрешают учиться в школе на другой стороне реки только в том случае, если через нее перекинут надежный, прочный мост^[9]. Классический пример (по поводу него было много дискуссий) – запрет пить воду, простоявшую открытой даже относительно короткое время. Запрет вызван опасением, что за это время змея могла утолить этой водой жажду и отравить ее своим ядом.

Остановимся на этом запрете, несмотря на то, что он в своем буквальном, физическом значении не актуален в тех местах, где змеи встречаются крайне редко^[10]. Анализ этого запрета выявит принципы, лежащие в его основе, а они имеют всеобщее значение.

Итак, Алаха запрещает пить воду, которую, может быть, пила змея, – однако нельзя исключить и того, что не пила. Даже если допустить, что пила, эта вода не обязательно отравлена ею. Ясно, что в таком случае вода не причинит вреда человеку, выпившему ее. Более того, как правило, тому, кого укусила змея, оказывают первую помощь, высасывая яд. Если во рту того, кто оказывает помощь, нет ранки, через которую змеиный яд может проникнуть в кровь, то даже если он нечаянно проглотит его, змеиный яд, попав в желудок, не причинит никакого вреда^[11]. Следовательно, вероятность того, что человек действительно пострадает, выпив воду, стоявшую открытой, крайне мала. Тем не менее Алаха запрещает пить такую воду.

Подобный подход тем более верен, когда речь идет о курении. Тысячи раз приводились доказательства того, что курение вредно, тысячи раз это подтверждалось на практике^[12]; известно, что курение повышает вероятность смерти в течение года до 70%!^[13] Разве не очевидно, что Алаха должна запрещать его?!

ОПАСНОСТЬ ДЛЯ ЗДОРОВЬЯ

Даже если бы курение не приводило к фатальному исходу, то и провоцируемого им кашля было бы достаточно, чтобы Алаха запретила его. Как показывают приведенные выше примеры, вовсе не обязательно, чтобы потенциальная опасность неизбежно влекла за собой смерть. Ведь, упав с крыши или проходя под стеной в момент ее обрушения, или выпив воду с растворенным в ней змеиным ядом, или сорвавшись в реку с моста и не умея плавать, можно уцелеть. Внимательно анализируя соответствующие алахические тексты, мы видим: Алаха безусловно запрещает все, что потенциально угрожает жизни человека, даже если вероятность реальной опасности относительно невелика.

«Шульхан арух» называет пот человека (кроме испарины на лице) смертельным ядом и запрещает есть пищу, на которую он попал^[14]. Однако никто не слышал, чтобы человек умер, съев такую пищу. Вполне очевидно, что данный случай – пример запрета, цель которого исключить малейшую возможность причинения вреда здоровью человека^[15]. Далее, Талмуд запрещает давать воду, стоявшую непокрытой, даже скоту, и не только потому, что он может пострадать от этого. Главное – предотвратить причинение вреда человеку, который съест мясо животного, зарезанного вскоре после того, как оно пило эту воду^[16]. Как указывает рабби Йозл Сиркис («Бах»), крупный алахический авторитет^[17], человек, съевший такое мясо, не умрет, однако, возможно, некоторое время будет чувствовать недомогание и дискомфорт. Этого достаточно для наложения запрета. Заметим: помимо совершенно определенных постановлений Талмуда^[18], запрещено также пить воду, к которой прикасались рептилии, представляющие опасность не для жизни человека, а только для его здоровья.

В этом кроется причина того, что многие современные авторитеты Алахи^[19] запрещают курение.

МОЖНО ЛИ РАЗРЕШИТЬ КУРЕНИЕ?

Однако другие авторитеты разрешают курение^[20], утверждая, что, несмотря на частые нежелательные последствия, курение, в принципе, не запрещено Алахой. Обычно они приводят два довода.

Во-первых, в тех случаях, когда возможность причинения вреда весьма сомнительна, с ней разрешено не считаться, полагаясь на защиту Б-жественного Провидения и следуя тому, что принято у людей. Теилим выражают это следующим стихом: «Г-сподь охраняет глупых...» (116:6). Пример такого случая: обрезание потенциально угрожает здоровью и жизни ребенка (из-за чего не раз подвергалось весьма серьезным нападкам неевреев), однако евреи, пренебрегая этими нападками, исполняют столь важную заповедь Торы. И «Г-сподь охраняет глупых». Так и эти алахические авторитеты считают: хотя курение потенциально опасно, но широкие круги общества пренебрегают этой опасностью. Поэтому разрешается следовать большинству, полагаясь на Б-жественное Провидение.

Во-вторых, вред от курения, обычно проявляется не сразу. Это еще один аргумент против запрещения курения, основанный на том, о чем сказано в Талмуде: «Есть три типа женщин, которым разрешается применять противозачаточные средства: малолетняя^[21], которая может забеременеть и из-за этого умереть; беременная, которая может забеременеть вторично и причинить вред первому зародышу; кормящая мать, которая, забеременев, может потерять молоко, и тогда ее ребенок умрет»^[22]. Такова точка

зрения рабби Меира, однако мудрецы не согласны с ним. По их мнению, возможность этих несчастий ничтожно мала, поэтому ее можно игнорировать и полагаться на то, что «Г-сподь охраняет глупых». И, поскольку установления Алахи, как правило, опираются на мнение большинства (даже если истинный мудрец придерживается иного мнения), некоторые современные авторитеты высказываются против того, чтобы на курение налагался запрет.

В действительности, однако, оба эти аргумента можно опровергнуть, положившись на алахические решения авторитетов последнего времени. Так, ребе Цемах-Цедек^[23] получил следующий запрос: вправе ли женщина, предупрежденная врачами о том, что беременность для нее опасна, но вполне здоровая во всех остальных отношениях, применять противозачаточные средства? Ребе ответил утвердительно. Цемах-Цедек объяснил, что в Талмуде упомянуты три случая, когда сама природа защищает женщин от опасности: как правило, малолетние, беременные и кормящие не беременеют. Талмуд цитирует тот стих из Теилим лишь для того, чтобы успокоить тех, кто встревожен потенциальной возможностью чрезвычайного события. Однако в данном случае ситуация совсем иная: положившись на природу, женщина, вполне возможно, забеременеет, и тогда ее жизнь подвергнется опасности. Следовательно, она не имеет права рисковать, потому что «нельзя полагаться на чудо»^[24].

Итак, принцип «Г-сподь охраняет глупых» применим только там, где мы, положившись на природу, подвергаемся опасности, но вероятность этой опасности не превышает среднестатистической. Однако там, где она выше, необходимы меры для ее предотвращения, независимо от того, реализуется ли опасность сразу или в отдаленном будущем, равно как и от того, считается с ней общество или нет.

В случае с курением опасность возникает совершенно естественным образом. В том, что она есть, в наше время уже никто не сомневается, особенно после опытов, поставленных учеными в лабораторных условиях над животными^[25]. Ясно, что статистическая вероятность вреда довольно велика. Следовательно, курение должно быть запрещено Алахой безотносительно к тому, что большинство людей недооценивает вред, причиняемый им.

Подойдем к этому вопросу с другой стороны и вернемся к примеру с неустойчивым мостом. То, что потенциально угрожает человеку, разрешено, если большая часть общества считает угрозу незначительной. Однако разрешает ли Алаха полагаться на Б-жественное Провидение и переходить реку по такому мосту после того, как сотни людей упали в воду, попытавшись сделать это?! Не много ли берет на себя человек, который покупает пачку сигарет, читает на ней предупреждение Министерства здравоохранения о том, что в лабораторных условиях никотин вызывал у животных образование раковых клеток^[26], и тем не менее закуривает? «Охранит» ли Г-сподь такого «глупого»? Не правильнее ли сказать: «Нельзя полагаться на чудо»?

КОГДА КУРЕНИЕ РАЗРЕШЕНО АЛАХОЙ

Есть ли обстоятельства, при которых курение разрешено? На этот вопрос можно ответить положительно с одной оговоркой: в том случае, если курение носит временный, случайный характер. В экстремальных ситуациях небольшим вредом, возникающим быстро и так же быстро исчезающим, можно пренебречь. Пример такого подхода – разрешение косметических операций, данное рядом современных авторитетов Алахи^[27]. Основание для вынесения такого решения – тот же Талмуд. В нем описаны ситуации, в которых в случае крайней необходимости позволено наносить человеку ранения или причинять иные страдания. Эти авторитеты также ссылаются на Тосафот, где утверждается, что «нет большего страдания, чем стыд» (перед другими людьми), а цель косметической хирургии – устранение недостатков, настолько смущающих человека, что он избегает появляться даже в своем кругу.

Следовательно, Алаха допускает кратковременные неудобства, страдания и даже вред ради достижения позитивной цели. В нашем случае – это курение, преследующее цель облегчить состояние человека: снять физическую боль или получить психологическое облегчение. Однако необходимо сразу же после этого принять меры для того, чтобы курение не перешло в привычку и не вызвало долгосрочные негативные последствия, избегать которых следует при всех условиях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Необходимо добавить, что, несмотря на уважение, которое мы питаем к выдающимся авторитетам Алахи, и наши собственные симпатии, нельзя сказать с полной уверенностью, что Алаха безусловно запрещает курение. Хорошо известно, что многие великие раввины и праведники курили. Спрашивается: если на самом деле эти люди не были теми, кем их считали, разве нельзя предположить, что они не знали об опасностях, связанных с курением? А если они действительно были известнейшими знатоками Торы и праведниками, значит, нельзя брать с них пример, ибо их служение Всевышнему стоит на такой высокой ступени, что оно непостижимо для простого человека. Кроме того, можно предположить, что при современном им уровне науки об опасности курения не знали, и потому его алахического запрещения не существовало. А многие нынешние авторитеты или курят сами, или утверждают, что курение в принципе не запрещено. Правда, многие из них другим все же советуют не приобретать эту привычку^[28].

^[27] Йома, 85б; Рамбам, Мишне Тора, Законы об основаниях Торы, 5:1; Шульхан арух, Орах хаим, 328.

^[2] Дварим, 22:8.

^[3] Там же, 4:9.

^[4] Там же, 4:15.

^[5] См., напр., Авода зара, 12, 30; Хулин, 9, 49; Брахот, 3; Рош а-Шана, 16; Бейца, 7; Бава кама, 115.

^[6] Мишне Тора, Законы об убийце и об охране жизни, 11,12.

^[7] Йоре деа, 116; Хошен мишпат, 427.

^[8] См., напр., Каф а-хаим, Йоре деа, 116; р. Йеошуа Брискин из Одессы, Ту Йеошуа, Законы об охране здоровья тела и души.

^[9] См. Бава батра, 21а; Рамбам, Мишне Тора, Законы об изучении Торы, 2:6; Шульхан арух, Йоре деа, 245:16.

^[10] См. Авода зара, 35, Тосафот (так же постановляет и Тур, Шульхан арух, 245:16): «А теперь, когда змеи крайне редко встречаются в нашей среде (воду, постоявшую открытой, пить), разрешается». Ясно, однако, что причина этого изменения Алахи – не изменение времени, а изменение условий места (с течением времени). В местах же, где змей много, этот запрет и сейчас сохраняет силу. Заметим, кстати, что, согласно Зоару, этот запрет имеет также духовный смысл, который неизменен, пока мир существует в своем теперешнем виде, и потому не теряет своего значения.

^[11] Поэтому, запрещая пить воду, стоявшую открытой, мудрецы наши предупредили: даже если ее без всякого вреда для себя пили девять человек, десятому тем не менее пить ее все еще запрещается (так как, возможно, именно у него во рту есть ранка).

^[12] Известно, что каждый год в США умирают от рака до ста тысяч человек (!), куривших сигареты.

^[13] Cigarette Smoking and Jewish Law // Journal of Halacha and Contemporary. 21 Society, IV (Fall 1982).

^[14] Йоре деа, 116:4.

^[15] Правда, можно возразить, что в древние времена и в период Средневековья пот человека мог быть источником распространения инфекций (см. Рамбам, Мишне Тора, Законы об изучении Торы, 12:4; Шульхан арух, Йоре деа, 245:16).

^[16] Авода зара, 30б; Рамбам, Мишне Тора, Законы об изучении Торы, 11:15; Тур, Йоре деа, 245:16.

^[17] В его комм. к Туру.

^[18] Авода зара, 31б.

^[19] См.: Алаха у-рефуа. С. 320. Так постановил и главный сефардский раввин Тель-Авива Алеви примерно в 1977 году.

^[20] Например, р. Моше Файнштейн (Игрот Моше, Йоре деа, ч. 1, 46); бывший главный сефардский раввин Израиля Овадьа Йосеф (см. Journal of Halacha and Contemporary. 21 Society, IV [Fall 1982]); раввин Шломо-Залман Ойербах (в его книге «Нишмат Авраам», с. 511б).

^[21] Было актуально лишь в древности, когда отец имел право продать дочь (не моложе 11 и не старше 12 лет) в услужение, а господин – взять ее себе в жены (см.: Шмот, 21:7–11).

^[22] Йевамот, 12б.

^[23] См.: Шут Цемах-Цедек, Эвен а-эзер, п. 9.

^[24] Йома, 1:4.

^[25] См.: Choice Magazine. May 1984.

^[26] Такое предупреждение напечатано в США на пачках сигарет по решению правительства.

^[27] См.: Алаха у-рефуа. Ч. 1. С. 323.

^[28] К такому выводу приходит и сам р. М. Файнштейн (см. примеч. 20). Ему вторит р. Ш.-3. Ойербах (там же): «Рамбам пишет, что есть ряд видов пищи, которые исключительно вредны для человеческого организма и являются для него буквально смертельным ядом, и что человек их не должен есть никогда. Но тем не менее Рамбам не накладывает на них запрет с точки зрения Алахи».

КОРАХ

Áæáéí ñÊóáéé

Продолжаем публикацию глав из книги профессора Гарвардского и Бар-Иланского университетов Джеймса Кугела «Как быть евреем» в авторизованном переводе с английского Юрия Табака. Московский банкир Давид Джинджихашвили беседует об иудаизме с молодым поэтом аспирантом Юрием Леваковым.

Ю. Л. А вы не могли бы привести пример Агады?

Д. Д. Да ты наверняка уже знаешь некоторые агадот. Разве не слышал о пасхальной Агаде – маленькой книжице, которую мы читаем за пасхальным столом? Ведь в ней много агадот – о четырех сыновьях, о неизвестных казнях на Красном море и так далее. Ты найдешь там действительно мудрые объяснения отдельных мелких деталей, упомянутых в Торе.

Ю. Л. Каких деталей?

Д. Д. Ну, это долго рассказывать. Лучше я приведу тебе простой пример, скажем, из недельной главы Торы, которую читают каждую неделю в синагоге. Она включает несколько глав из текста Торы, поэтому в течение года прочитывают всю Тору. Кстати, евреи всегда в течение недели, в преддверии Шабата, изучали эти главы. «Изучали» – значит, не просто читали Тору, но и традиционные комментарии к ней.

Ю. Л. Какие?

Д. Д. В прежние времена евреи читали Тору вместе с ее арамейским переводом – и не только потому, что арамейский был для многих языком повседневного общения: переводы, таргумы, нередко представляли собой свободный пересказ, разъясняющий трудные места в тексте. Поэтому существовал обычай каждую неделю дважды прочитывать саму главу Торы и один раз – таргум, чтобы лучше ее понять. Есть также комментарии к каждому стиху библейских книг, так называемые «мидраши». Их тоже подробно изучали. Позже, в Средние века, многие выдающиеся ученые писали или составляли новые комментарии. Самый известный и популярный комментарий принадлежит Раши, ученому-талмудисту, который жил во Франции в XI веке. Это был необыкновенный талмудист, наверное, величайший из всех; его комментарий к Талмуду до сих пор остается классическим и воспроизводится почти в каждом издании Талмуда. Такой комментарий пишут всю жизнь, но Раши создал еще комментарий к книгам Танаха – они для всех евреев сохраняют первостепенное значение. Он собрал многочисленные толкования мудрецов, толкования из таргумов, Талмуда, различных сборников мидрашей,

выбрал из них те, какие считал нужными, и составил из них последовательный комментарий к Торе – добавив, где следовало, собственные комментарии.

Ю. Л. А почему его комментарий так популярен?

Д. Д. Потому что Раши удалось изложить в сжатой форме огромный материал; кроме того, он отобрал тексты, которые обладают внутренней цельностью, исключив двусмысленные, хотя и не лишённые очарования элементы более ранних мидрашей. Комментарий Раши не только сразу стал классическим, но и в конце концов изменил сам характер изучения текстов Танаха евреями всего мира. Вскоре изучать Тору с комментариями Раши стало обычной практикой, а иногда Тору изучали только таким образом. Так что сегодня распространены издания Торы, включающие сам текст, арамейский таргум Онкелос и комментарий Раши.

Ю. Л. А другие комментарии, о которых вы упомянули?

Д. Д. Если бы мы с тобой знали арабский, то могли бы изучать Тору вместе с арабским переводом рава Саадьи Гаона, еврейского ученого X века. У нас популярны издания, состоящие из Торы, Онкелоса и Раши, а у евреев арабских стран всегда были очень популярны издания, составленные из Торы, Онкелоса и Саадьи (иногда с комментариями Раши или кого-то еще) – их там называли «таж» («корона»). Кроме того, есть и другие средневековые комментарии – Авраама бен Эзры, Рамбана. Иногда все они печатаются вместе, параллельно – в больших антологиях библейских комментариев, которые называются Микраот גדולות.

Ю. Л. Ну, а Агада?

Д. Д. Слово «агада», я уже говорил, имеет разные значения. Но я имел в виду в основном мидраш, интерпретацию нарративных, повествовательных частей Торы – его называют мидраш агада, в отличие от мидраш алаха, комментарием на правовые установления. Например, на этой неделе мы читаем о Корахе, который поднял бунт против Моше во время сорокалетнего странствования по пустыне. Если бы мы ограничивались только чтением библейского текста, то у нас возникло бы очень много вопросов насчет Кораха: почему он поднял бунт? Что побудило его к этому? Как он действовал, чем руководствовался? Что мы должны вынести для себя из этой главы?

Ю. Л. И ответ на такие вопросы мы ищем в Агаде?

Д. Д. Да, и даже более того... Но сначала ты должен понять, что мидраш агада – это общий принцип интерпретации; это не книга, а скорее основополагающая концепция. Этот род писаний ты можешь найти в мидрашистских коллекциях вроде Мишна раба или Мидраш Танхума, в комментариях Раши, который, повторю, отобрал много материалов из писаний мудрецов.

Ю. Л. Понятно.

Д. Д. И отметь еще одну важную вещь: любой мидраш, будь то интерпретация юридических установлений или нарратива, может сначала показаться тебе чем-то совсем далеким. Должно пройти некоторое время, прежде чем ты прочувствуешь его.

Ю. Л. А почему так?

Д. Д. Прежде всего, ты должен ощутить, что такое Тора – какой ее видели мудрецы. Они учили ее с раннего детства и знали почти наизусть. В их жизни Тора играла важнейшую роль: каждый поворот фразы, малейшая деталь в тексте имели для них огромное значение. В отличие от современных комментаторов, они не рассматривали Тору как обычный человеческий документ. Видя глубокий смысл в каждой детали, они раскрывали содержание текста – особенно через Агаду, – предлагая самые изобретательные объяснения, соединяя одни детали с другими, весьма далекими от первых. Иногда они даже придумывали диалоги или эпизоды, которых нет в библейском тексте, но которые могли бы разъяснить что-то непонятное или необычное в этом тексте, какое-то странное слово или фразу, действие или мотивацию – все, что нуждалось в объяснении. Иными словами, формально мидраш – это способ интерпретации, но он очень отличается от любого другого известного тебе комментария – именно потому, что это комментарий к священному тексту.

Ю. Л. Ясно...

Д. Д. Но самое трудное во всем этом – почувствовать особый дух мидраш агада. Для мудрецов библейский текст – нечто определенное, установленное, тогда как наши собственные интерпретации и разъяснения имеют относительную ценность: «Что ж, это одно из возможных объяснений...» (Я говорю сейчас об Агаде. Что касается Алахи, то здесь требовались ясные и четкие формулировки, поэтому мудрецы опирались на многовековые устные традиции.) Конечно, и Агада опиралась на древние традиции, но при этом не возникало необходимости раз и навсегда определять значение необычного слова в истории про Йосефа или объяснять повторы в речи Авраама. Поэтому сборники мидрашей часто включают три-четыре параллельные толкования одного и того же места, как бы предлагая читателю: «Выбирай сам».

Надеюсь, ты понял из моего рассказа еще одну необычную вещь: мидраш сконцентрирован на очень конкретных деталях. Обычно в нем разъясняется единственный стих, а не весь рассказ, но даже когда тема мидраша – весь рассказ, она раскрывается через тот или иной стих. В этом и состоит различие между мидрашем и прочими формами интерпретации. Фактически, чаще всего речь идет даже не о стихе, а о какой-то необычной конструкции его предложений, явно излишних деталях или повторах. Например, что касается предписания, которое мы уже обсуждали, – «Не мсти и не храни

злости на сынов народа твоего», – мудрецы сочли: не может одна и та же мысль быть выражена в разных терминах, и второй запрет предназначен не для того, чтобы заострить внимание на первом.

Ю. Л. А почему?

Д. Д. Именно так «работает» интерпретация мудрецов: все, что есть в Торе, всякая своеобразная деталь чему-то нас учит. И предполагая это, мидраш, естественно, выявляет много вещей, требующих объяснения. Пока же скажу тебе следующее (пусть это и звучит несколько иронично): предполагая, что каждая деталь важна, мидраш нередко отвечает на вопросы, которые тебе и в голову не пришли бы. Или он посвящен решению «проблем», не представляющих никакой проблематичности. Иными словами, обычно главу читают с начала до конца; мы следим, как раскрывается ее основная тема или сосредоточиваемся на включенных в нее мицвот. И это доступно без всяких комментариев. Задача же комментариев в том, чтобы ты задержался и обратил внимание на мельчайшие детали: почему стоит это слово, а не то? Что общего между двумя отрывками и в чем их отличие? Хотя подобные вопросы специально не задают – если только комментаторы заранее не подготовили хороший ответ.

Ю. Л. Как и о различии между «мстью» и «злой»?..

Д. Д. Точно. Или еще один пример, из главы на эту неделю: из самого первого стиха мы узнаем о Корахе. Нам становится известно его имя, имена его отца, деда, прадеда и т. д. – мы получаем самую полную информацию. Но внезапно генеалогическое древо прерывается. Это тем более удивительно, что стоило только упомянуть в списке предков еще одно поколение – и генеалогия привела бы нас к самому Якову, великому прапрадеду Кораха.

Ю. Л. Так почему же не упомянули?

Д. Д. Именно этот вопрос и задавали мидрашисты – а я уже говорил, такие вопросы никогда не ставили, если на них не было готового ответа. В данном случае они считали, что ответ надо искать в других стихах Торы – точнее, совсем в другой книге, Берешит («Бытие»). В конце этой книги рассказано, как Яков перед смертью по очереди благословлял всех своих сыновей. Но когда очередь дошла до Шимона и Леви, он произнес слова, звучащие явным диссонансом по отношению ко всем предыдущим: «В совет их да не войдет душа моя, с сонмом их не единись, честь моя!» Улавливаешь?

Ю. Л. Нет...

Д. Д. Рассуди, что подразумевал Яков? Ясно, что эти сыновья чем-то вызвали его недовольство: «В совет их да не войдет душа моя, с сонмом их не единись, честь моя!» Он не желал их больше видеть? Вряд ли. И наши мудрецы поняли эти слова как намек на потомков Шимона и Леви (последние слова Якова содержат пророческое видение; ему была известна судьба потомков). А в случае Леви – по крайней мере, так считают наши мудрецы – он предвидел, что через четыре поколения родится мальчик по имени Корах, который восстанет против Моше. Предвидя будущее, Яков и сказал: «с сонмом их не единись, честь моя!» То есть он дает понять, что никак не принимает и не одобряет бунт своих потомков, и не хочет, чтобы его имя, «честь моя», отождествлялось с бунтом – хотя задолго до того времени он умрет. Из уважения к его пожеланиям Тора прослеживает генеалогию Кораха до Леви, но не до Якова, отца Леви.

Ю. Л. Понятно.

Д. Д. Не совсем: ведь я еще не сказал тебе, что такое объяснение взято отнюдь не с потолка. Яаков, говоря о Шимоне и Леви, использовал слово «каал» («совет»). Это нередкое слово в иврите – но тем не менее фраза Яакова представляется несколько загадочной: «В совет их да не войдет душа моя». Но в рассказе о Корахе слово с тем же корнем используется для описания начала бунта: «вайикаалу ал Моше» («и собрали совет против Моше»). Для мидрашиста это обстоятельство имеет серьезное значение: Яаков, говоря: «в совет их да не войдет душа моя», имеет в виду «в совет против Моше». Понятно?

Ю. Л. Кажется, да.

Д. Д. Этот пример хорошо иллюстрирует и то, что я говорил тебе об Агаде и вообще о мидраше. Мидраш глубоко исследует связь одного стиха с другим, даже если они разделены несколькими главами, а то и книгами, как в этом случае. С точки зрения мидраша, Писание – единый цельный текст, так что ключ к пониманию отдельной детали в тексте Торы можно обнаружить и в псалмах, и в Диврей а-ямим. И мидраш весьма успешно выявляет неочевидные связи между двумя, казалось бы, совсем не связанными текстами.

Ю. Л. Ясно...

Д. Д. Скажу больше: именно решен

ие такой задачи и составляет существенный аспект мидраша. Ведь, в конечном счете, задача мидраша – будь то мидраш агада или мидраш алаха – не только в том, чтобы непосредственно прокомментировать текст: мидраш должен убедить нас в гармоничности Писания. Иногда это не простая задача, поскольку нам бросаются в глаза очевидные противоречия. Поэтому и мидрашисты, и мы сами испытываем большую радость, когда два текста – вроде последних слов Яакова в Берешит и упоминание имени Яакова в генеалогии Кораха – так хитроумно соединяются в одну логическую цепочку благодаря употреблению общего корня «каал».

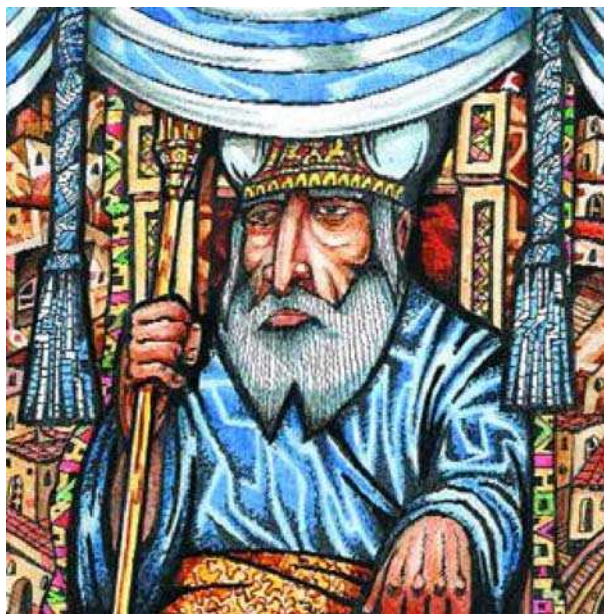
И добавлю: такое хитроумие – главная отличительная черта мидраша, особенно в том, что касается Агады. Пример тому – рассказ о бунте Кораха. Такие комментарии преподают даже школьникам, только начинающим изучать Тору. Но все же в основе своей мидраши требуют зрелости ума и чувств; многие из них проникнуты атмосферой древних «батей-мидраш», «домов учения», где над ними размышляли ученые, посвятившие всю жизнь Торе и ее премудростям. Неудивительно, что задаваемые ими вопросы, да и ответы на них, нередко отличаются особой изощренностью, таинственностью и порой весьма остроумны – более всего это касается нарративов Танаха. Надеюсь, Агада заставит тебя это почувствовать, особенно удивительное соединение в ней искренности с иронией, которая кажется мне очень еврейской по духу.

Ю. Л. Вы хотите сказать, что Агада прежде всего выявляет связь между разными частями текста?

Д. Д. Нет, все сложнее. Мидраш пы

тается ответить на самые разные вопросы, связанные с текстом, и предлагает различные пути решения. Иногда мидрашист вводит детали или целые эпизоды,

«пропущенные» в самой Библии. Фактически, таков эпизод и с Корахом: в библейском тексте сказано, что у Кораха большая группа приверженцев, но не упомянуто о том, где он набрал их и как уговорил присоединиться к бунту. И наша традиция, которую сохранили мудрецы, восполняет этот пробел. Согласно мидрашу, Корах задавал такие вопросы Моше, чтобы представить его деспотичным человеком, диктатором.

Первый вопрос Кораха, как утверждает традиция, касался закона о цицит. Возможно, ты уже знаешь: Тора требует, чтобы на углах всякого четырехугольного предмета одежды были кисти из голубой шерсти – как видимое напоминание евреям о необходимости соблюдать мицвот (кстати, именно к этому восходит традиция носить в синагоге талит, «молитвенное покрывало», – хотя кисти сейчас уже не голубые: точный состав вещества, из которого получали голубую краску, утерян). Так вот, Корах спросил Моше: а если бы вся одежда была выкрашена в голубой цвет, закон по-прежнему требовал бы красить кисти в голубое? В конце концов, ведь именно голубой цвет кистей призван напоминать о мицвот, а уж вся одежда такого цвета гораздо эффективнее решала бы эту задачу! Но Моше ответил отрицательно: нет, все равно нужны голубые кисти. Потом Корах задал еще один подобный вопрос: если комната наполнена свитками Торы, не устраняет ли это требования прикрепить мезузу на дверь (ты должен знать, мезуза – это небольшой продолговатый футляр, куда помещен кусочек пергамента с несколькими стихами Торы; он крепится к косяку двери). И Моше опять ответил: нет, мезузу все равно нужно прикрепить.

Ю. Л. И эти вопросы выявляют в Моше диктатора?

Д. Д. Да, отчасти, потому что ответы Моше кажутся совершенно нелогичными. Но в этих рассказах есть глубокий смысл, связанный со словами Кораха, приведенными в Торе. Он объясняет свой бунт тем, что Моше правит Израилем безо всяких на то оснований: «ведь вся община, все святы, и среди них Г-сподь! Отчего же возносите вы над собранием Г-сподним?» Теперь ты понял, что слова Кораха из Торы послужили основой для рассказа в мидраше?

Ю. Л. Не совсем.

Д. Д. Видишь ли, вопрос о голубой одежде – это лишь метафора, скрывающая истинные цели Кораха. Достаточно заменить «голубой» на «святой» и станет ясно: Корах

не считает, что Моше должен чем-то выделяться среди них, как и голубые кисти не выделяются на фоне голубой одежды. По той же логике, если комната полна священных книг, то нет необходимости крепить мезузу на двери – ведь содержимое комнаты не менее свято, чем любая мезуза.

Ю. Л. Теперь понятно.

Д. Д. Когда в соответствии с нашей традицией приводят вопросы, которые Корах задал Моше, то перед нами возникает несколько более сложный образ, чем тот, что нарисован в библейском рассказе. Корах предстает перед Моше как ученик, задающий великому наставнику ученые вопросы, связанные с Алахой. Но, как это бывает и в реальной жизни, эти вопросы вызваны вовсе не желанием учиться. И здесь, полагаю, содержится еще один урок – как для учеников, так и для учителей.

Ю. Л. Ясно...

Д. Д. Но и это не все. Передавая в точности древнюю традицию, мудрецы отвечали еще на один вопрос. Поначалу ты не обратишь на него внимания, но мудрецы много размышляли на эту тему: почему один эпизод описан в Торе раньше, чем другой? Например, почему за законом Торы о пленницах, захваченных во время боевых действий, сразу следует закон о наследовании в полигамном браке и закон о непокорном сыне?

Ю. Л. И каков ответ?

Д. Д. Со временем мы подойдем к этому. Но прежде попытайся угадать, почему Корах сначала спрашивает о кистях на одежде?

Ю. Л. Потому что закон о кистях непосредственно предшествует рассказу о самом Корахе?

Д. Д. Bravo!

ЕВРЕЙСКАЯ КОЛОНКА

עֵינֵינוּ עֹדֵי אֵי עֵי

עַל אֲנֵנוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ,

אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ,

אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ,

עַל אֲנֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ,

עַל אֲנֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ.

В.А. Жуковский

Есть на Кавказе прекрасный край – Кабардино-Балкария. Столица – город Нальчик. А почти в самом его центре есть место, называемое «колонкой». И все здешние, говоря это слово, подразумевают: Еврейская. Колонка – небольшая колония горских евреев.

«Горы рождаются просто. Подымаются в холодное небо, выпивают облака, покрываются снегом, рожают реки». Так писал Виктор Шкловский.

Гордые горы, бурные реки с хрустальной водой, величественные водопады, уникальные синие озера, минеральные и термальные источники, целебные грязи. Все это – Кабардино-Балкария. В горах – лыжные трассы, гостиницы и ресторанчики. На пастбищах – пестрые стада овец и коров. Выводят здесь и редкой красоты скакунов кабардинской породы.

Чегем, Баксан, Терскол, Безенги... Названия звучат, как шум своевольных рек на каменных перекатах. И осеняет эту страну своим величием отец гор – царственный Эльбрус! На балкарском языке – Мингитау, «Гора тысячи гор». По-кабардински – «Вершина счастья». Так и есть, стоит лишь взобраться сюда!

На высоте 3500 метров установлен памятник героям обороны Приэльбрусья. На беломраморных стелах – высечены сотни воинских имен. На белом снегу – алые цветы. Здесь же, совсем близко к небу, – Музей обороны Приэльбрусья...

А когда въезжаешь в центр Нальчика, навстречу во весь опор скачет лихой джигит в папахе. Это памятник воинам 115-й кавалерийской дивизии, освободившей город зимой 1943 года.

Наш добровольный гид по городу и краю, по имени Амирхан, рассказывает:

– Название города «Нальчик» переводится как «срывающий подкову». Как говорили наши старики, а сейчас историки, в этом месте будто бы была непролазная грязь – такая, что с коней даже подковы срывало.

Окруженный горами, город и сам напоминает подкову. Но сегодня на месте той, ставшей легендарной, грязи – стремительные проспекты, упирающиеся в горы...

В минувшем году по всей республике прошли масштабные торжества по поводу 450-летия присоединения Кабарды к России.

В самом центре города – памятник Марии. Вообще-то героиня адыгов, дочь кабардинского князя Темрюка Идарова, носила совсем иное имя – Гошаней. Но стала известна как Мария, любимая жена Ивана Грозного и «проводница интересов» кавказской дипломатии в России.

Надо заметить, кабардинские князья раньше всех прочих кавказских властителей поняли, что из содружества с могущественным соседом можно извлечь немалую выгоду. И благоразумно этим воспользовались: летом 1557 года заключили с Россией союз, подкрепив его женитьбой своенравного русского царя на княжне Гошаней. Видимо, именно документ об этом мудром браке держит, высоко подняв свиток в правой руке, бронзовая Мария-Гошаней. На высоком постаменте надпись: «Навеки с Россией».

С середины XIX века столь же мирно живут рядом с коренными народами этого края еврей-горцы. Местная журналистка Людмила Шабаева говорит об их взаимоотношениях с Кабардино-Балкарией поэтически:

– Если воду налить в сосуд, она приобретет его форму, но останется водой. Мой народ оставался самим собой, но влюблялся в эту землю, где ему приходилось выживать, пропускал через себя окружающий мир, создавая новый язык, музыку и даже обычаи. Привнеся в еврейскую культуру все это творческое разнообразие, мы стали еще богаче. Мы адыгэ-журт, потомки поколений, два века проживших здесь. <...> Мы привязаны к этой земле, на которой родились, к ее людям.

Памятник Марии-Гошаней.

ПРИТЯГАТЕЛЬНАЯ СЛОБОДА

*Í î ñâáé í àðâæí îñð è áóë Í æëü: èé í ðáâñð àæÿäð áâññ à æèçéí à ññí àñð àí ñ
éàçà: ùæé ñò àí èóáé: ò í ð æá í èáò áí ù áí èðáá áññ ñæáí èÿ, ò á æá óèèóí, í í èðú ò úá
á ññóíá áðáí ÿ ñéíáí í úéè <...> èèè áí áðáí ÿ áí æááé áÿçéíé, ñ ò ðááí í ðí ò í áèí í é
áÿçè. Óí èíèí áí áñð í òðèñð èáí ñéíé óáðéæè ñðáæè ñæáí èÿ í à æéáí îí í áñð á
í áóíáè ò ñÿ ñéí áááá*

(Д. Дубелир, «Евреи на Кавказе»)

Сам Нальчик некогда был слободой в Терской области, столицей которой являлся Владикавказ. История этого поселения (первоначально военного) ведется с 1822 года, когда по приказу генерала Ермолова на берегу реки Нальчик была построена небольшая русская крепость. Находилась она в стратегически очень выгодном месте: занимала ключевую позицию у входа в горные ущелья.

Корреспонденты «Терских ведомостей» тех лет писали об отличительных качествах слободы: непроглядная темь и непролазная грязь, а также своры бродячих собак, «которые скитаются по улицам <...> и с остервенением накидываются на прохожих».

А вот что сообщал во владикавказской газете «Казбек» Б.К. Далгат (псевдоним Беркут):

Тут находятся окружное управление <...> горская школа <...> благотворительное общество, 1 православная церковь, 1 еврейская синагога, 1 мужская, 1 женская и 1 еврейская школы, аптека, лавки, базар и т. д. Понятно, что все это притягивает в Нальчик массу кабардинцев и горцев, немцев, евреев, казаков из станиц и дает кусок хлеба не одной бедной семье слобожан.

Начало же так называемой в обиходе Еврейской колонке положили горские евреи, поселившиеся в 1847–1848 годах в двух верстах от крепости. История их скитаний по-своему драматична. До начала российского владычества на Кавказе горские евреи проживали в Андреевском ауле (что на Кумыкской равнине в Дагестане). В 1831 году, после нападения на аул Кази-Муллы, перебрались в селение кабардинского князя Бековича-Черкасского. Но и оттуда были вынуждены уехать: в Кабарду вторгся Шамиль. Подались в Моздок, но из-за эпидемии холеры покинули город – переселились в Нальчик.

Документы гласили:

В 1847 г. с дозволения начальника Центра Кавказской линии генерала князя Голицына близ Нальчика поселены горские евреи в количестве 150 душ мужского и 95 женского пола. Эти евреи ни к какому обществу приписаны не были и окончательно водворены при Нальчике по распоряжению штаба войск Кавказской линии и Черномории <...> Главнокомандующий армиею разрешил горских евреев в числе 245 душ обоего пола, занимающихся выделкой кож и овчин, поселить вне военного поселения за Нальчикским разгонным постом, где эти евреи и в настоящее время живут оседло.

Есть и другая версия. Ранее считалось, что еврейская община Нальчика была основана более 270 лет назад предками Шамиловых, выходцев из Хасавюрта. А затем сюда начали стекаться евреи со всего Северного и Северо-Восточного Кавказа.

Но известно и о еврейских купцах из Черкесии, торговавших в Каире еще в XV веке, о чем рассказывал египетский историк Тагриберди. Раввин Адам Давидов из азербайджанской Кубы («Пути возвращения: Настольная книга еврея») считает, что речь идет о северокавказских, а точнее, кабардинских евреях, скрывавшихся в Приэльбрусье от мусульманских преследований. И в таком случае еврейская история Кабардино-Балкарии куда длиннее, чем принято считать.

Однако историк, доцент КБГУ Юрий Мурзаханов уточняет:

– Согласно архивным документам, первые евреи – две горско-еврейские семьи – поселились здесь в 1825 году. Массовое поселение приходится на начало Кавказской войны, когда Шамиль начал давить евреев. Поскольку здесь было относительно спокойно, многие дагестанские евреи перебрались сюда.

В скором времени граница, разделявшая слободу и еврейский поселок, исчезла. В колонии начали развиваться кожевенное производство и скорняжное дело. Оживилась торговля, со временем ставшая главным занятием местных обитателей. В «Терских ведомостях» позапрошлого века благородных горско-еврейских бизнесменов неуважительно обозвали «нальчикскими барышниками». Какая наглость!

Главной достопримечательностью Еврейской колонки считался базар, располагавшийся неподалеку от нынешней синагоги. Он всегда был своеобразным «бизнес-центром» Северного Кавказа, где заключались сделки и можно было купить все что угодно – от гвоздя до самолета в разобранном виде. Знаменитый местный базар с ностальгией вспоминают и кабардинцы, и балкарцы.

А у современных обитателей Колонки память о нем сохранилась, видимо, на уровне генетическом – их так и тянет на это место! В этом мы убедились сами: симпатичные молодые люди в кипах стоят на том самом историческом нальчикском углу, неподалеку от нынешней школы № 10, и негромко, но оживленно беседуют. Думаете, о поэзии? Вряд ли...

В конце XIX века в Нальчике было две синагоги (до 1860-х – только одна). Потом, по одной из версий, постоянного здания у молитвенного дома не было: до 1920-х годов он находился на углу улиц Коммунистической и Суворова. А другой до 1949 года (по иной версии до 1946-го) располагался на улице Куйбышева (сейчас на его месте поликлиника). Потом синагога была на улице Осетинской.

Жили горские евреи в Нальчике всегда компактно и вполне благополучно. По некоторым данным, в начале 1980-х община города насчитывала более 12 тыс. человек, а до 1991–1992 годов – 17–18 тыс. И все признают: местное население относилось к ним дружелюбно. Важное и, увы, нечастое, а потому особо ценимое евреями галута явление. Однако с распадом СССР ситуация изменилась.

Наш всезнающий гид Амирхан с грустью констатирует:

– Дети тех людей, которые спасали евреев в годы Великой Отечественной войны, в 1990-х годы евреев из Колонки просто «вышибали».

Выживали из собственных домов, а некоторых... похищали. Очень «популярный» способ заработка в начале 1990-х: деньги у евреев есть, так почему бы не получить с них выкуп?.. Но горские евреи всё делают вместе: и спасаются от расстрела в годы войны, и совершают алию. Криминальная обстановка и низкий уровень жизни предопределили массовый исход из Колонки – евреи переселялись в другие города России и за рубеж, в Израиль, США, Европу. Говорят, многие – вынужденно, трудно было выдержать беспредел и разгул преступности. В начале 2000-х выезд приостановился.

К счастью, те тревожные времена миновали, обстановка в целом стабильная, а Еврейская колонка сегодня остается одним из уникальных традиционных мест компактного проживания горских евреев. На сегодняшний день их в Нальчике порядка 2000 человек.

ТРАГЕДИЯ БОГДАНОВКИ: ЗА ТО, ЧТО БЫЛИ ЕВРЕЯМИ...

Богдановка – село под Моздоком (ныне Степновский район Ставропольского края), до войны населенное по преимуществу горскими евреями.

Одной из немногих выживших в той страшной трагедии в сентябре 1942 года была 15-летняя Алиса Призова. Ее спасла старая русская женщина, имя которой так и осталось неизвестным. Алиса Призова и стала единственным свидетелем когда в 1964 году судили Федора Шифера – предателя и убийцу, виновного в смерти 472 односельчан. Такую цифру называет историк Светлана Данилова. А Елена Войтенко из Ставропольского государственного университета приводит в своей диссертации совсем другую: 850 человек!

Происходило все так. После оккупации Богдановки в селе расположилась фашистская комендатура. Местный житель Федор Шифер донес коменданту, что обитатели села – евреи. Почему-то, правда, именуемые «горскими». Поначалу комендант усомнился: эти люди ни внешностью, ни обычаями и культурой не были похожи на тех евреев, которых он знал ранее.

Послал запрос командованию. Ответ поступил незамедлительно: «Что белая собака, что черная – все одинаковы. Уничтожить!»

Для выполнения задания было выделено 15 грузовых машин и взвод солдат. А жителям села объявлено, что их эвакуируют из прифронтовой полосы в тыл якобы в целях безопасности. Вечером 24 сентября прозвучал приказ: «В 4 часа утра следующего дня всем собраться у здания школы. С собой захватить все ценности и предметы первой необходимости. Громоздких вещей не брать».

Глубокий колодец был вырыт еще в 1930-м, но воды так и не дал, остался заброшенным. Людям, привезенным сюда, дали лопаты и кирки и приказали расширить старое отверстие. Сказали: «Здесь будут устанавливать пушки...»

Закончить работу евреи не успели. Заработали пулеметы и автоматы. Мужчин и женщин расстреливали и сбрасывали в колодец. Детям мазали губы ядом и швыряли следом. Младенцев бросали живыми. «За то, что были евреями...»

Очевидец тех событий Сергей Амирамов рассказывал:

– Меня спасла русская женщина Клава. Она, когда бабушку, дедушку и других моих родственников вели к машине, подошла, взяла меня за руку, увела к себе домой и спрятала на сеновале. Там же были девочка и еще два мальчика. Мне было пять лет. 18 человек моих родных в той могиле...

Будущий израильский писатель, а в то время – офицер-артиллерист Красной Армии Нисим Илишаев вспоминал:

– Помню, как в конце 1942 года наши войска прорвали линию обороны противника. Наши силы освободили <...> всю территорию Северного Кавказа. Ни одно из этих мест не пробудило столь глубокой душевной боли и страха, как деревня Богдановка, где <...> были заживо погребены евреи – старики, женщины, дети. Стоя над этой страшной могилой, мы говорили: «Кровь за кровь! Где бы ни прятались преступники, они будут найдены и наказаны!» <...> По рассказам очевидцев, трое суток земля шевелилась и надрывалась стоном...

В ОЖИДАНИИ СМЕРТИ

Европейские евреи Нальчика были уничтожены вскоре после захвата города немцами в конце октября 1942 года. Светлана Данилова, некогда директор Еврейского центра Нальчика, рассказывала:

– Жили в городе и европейские евреи, в основном интеллигенция – инженеры, врачи, преподаватели института. Еще до 1941 года приехали польские евреи и европейские, бежавшие от фашистов в Кабардино-Балкарию. Многие жили у горских евреев. Их приняли, кормили, пока они устраивались на работу. В первые дни оккупации, по доносу предателей, всех польских (и вообще ашкеназских) евреев фашисты забрали и расстреляли на стадионе и на ипподроме. В селе Кызбырун еще до оккупации поселили 57 евреев из Крыма. Но жуткая смерть настигла их на Северном Кавказе. Собрали в сарае и сожгли всех...

Община Нальчика стала самой большой общиной горских евреев, оказавшихся в руках нацистов. Казалось, судьба беззащитных была предрешена, каждый день они ждали расстрела. «Общинная психология, почитание семейных уз никому не позволяли спасаться в одиночку. Что будет со всеми, то пусть случится и со мной», – объясняет Светлана Данилова.

Спасло то, что фашисты усомнились в «еврейскости» горских и начали выяснять их происхождение. В Кабардино-Балкарии был создан национальный совет, возглавил его кабардинец – адвокат Семен Шадов. К нему за помощью и обратились горские евреи во главе с Маркелом Шабаевым. А Шадов, в свою очередь, попытался доказать фельдмаршалу фон Клейсту (чей штаб находился в Кисловодске) и его представителям в Нальчике, что нальчикские евреи – горский народ. По этому вопросу была создана специальная комиссия.

Братья-раввины Нахамиль и Шамуил Амировы и их сподвижники решили похоронить до лучших времен все религиозные реликвии. Положили на носилки – словно несут покойника. Рискуя жизнью, двинулись на кладбище мимо гестапо...

Много сделал для спасения общины Маркел Шабаев. Первые полгода Великой Отечественной провел на фронте, но был ранен и вернулся в родной Нальчик. Во время оккупации именно Маркел Авигадулович доказывал немцам, что горские евреи являются

татами – народностью иранской группы, говорящей на наречии новоперсидского языка. Он вводил гитлеровцев в заблуждение, демонстрируя им горско-еврейские обряды, одежду, быт и, как мог, тянул время, пытаясь предотвратить злодейство. Оккупантам показывали национальные танцы, подносили деньги, драгоценности, угощали врагов блюдами горско-еврейской кухни. Делали все, чтобы спасти общину от фашистской расправы.

Юрий Мурзаханов рассказывает:

– В середине ноября 1942 года немцы приказали всем евреям собраться на следующий день рано утром у здания комендатуры. Маркел Шабаев за ночь обошел почти всех жителей общины, оповестил об опасности и попросил не выходить из домов. У здания комендатуры собралось несколько десятков семей европейских евреев. Все они были расстреляны.

Ю. Мурзаханов.

В конце ноября 1942 года в Нальчик прибыл известный ученый-востоковед, эмигрировавший в свое время из СССР, обрусевший немец Николай Поппе. Его пригласили в Нальчик исследовать проблему так называемых горских евреев. Немецкие оккупационные власти не определились во мнении, СС и вермахт спорили: эсэсовцы собирались уничтожить странных евреев, а офицеры вермахта противились.

Юрий Мурзаханов продолжает:

– Николай Николаевич Поппе сказал, что еще во времена Российской империи местных считали не евреями, а кавказскими горцами. Более того, их настоящее имя – таты, а в научной литературе говорится, что таты иранского происхождения.

Горские евреи пригласили немцев на свадьбу. Устроили ужин, на который Шабает позвал Поппе и офицеров вермахта. Перед ними выступил танцевальный ансамбль, и, по словам ученого, немцы согласились, что таты – не евреи.

А жители Колонки, между тем, уезжали в местные села. Их прятали, кормили, спасали. Одну из таких историй поведала местная жительница, кабардинка Лена Балкизова. Когда фашисты оккупировали эти края, ей было четыре года, но она все прекрасно помнит.

В их доме нашли приют две горско-еврейские семьи – Шалумовых и Романовых, всего одиннадцать человек:

– У Марьян Шалумовой были дочь Аминат и сын Тутай, у тех свои семьи. Дочь Аминат Дуся – моя одногодка, мы с ней очень дружили. Один из сыновей Тутая, Жора, и сейчас живет в Еврейской колонке.

Их спас отец Лены, Хафица Мацуевич. Сказал фашистам, что эти люди – его родственники. Пожалуй, отчасти так оно и было.

«Нас в семье было восемь детей – пять сестер и три брата. Все знали горско-еврейский язык – он очень легкий. Когда что-то хотели сказать по секрету, говорили по-еврейски», – вспоминает Лена.

Говорят, немцы все равно стали составлять списки горских евреев, предполагая их полное уничтожение. Назначили дату массового расстрела – с 3 на 4 января 1943 года. Машины уже стояли наготове...

Но подпольщики, служившие в немецкой армии, сообщили о предстоящей акции. Партизаны и Красная Армия освободили Нальчик раньше срока. В Еврейской слободе по сей день говорят, что их спасло чудо.

Очевидцы вспоминали, как, сидя в подвалах, где укрывались от ураганного огня артиллерии и расправ озверевших немцев, слышали отчаянный мат и крики «Ура!»: «И стало понятно – наши пришли!»

Х. Балкизов.

Одним из первых въехал на коне в Еврейскую колонку майор Хаскиль Пинхасов, горский еврей из Богдановки. Фашисты расстреляли почти всех его родственников. Первый вопрос Пинхасова был: «Евреи живы?» Узнав, что войска подоспели вовремя, боевой офицер заплакал...

Этот день – 4 января 1943 года – стал спасительным для всей горско-еврейской общины Нальчика. От смерти были избавлены более двух тысяч человек. В синагоге читали молитвы, благодарили Б-га за чудо. А местных жителей – за то, что не выдали...

После освобождения Нальчика Маркела Шабаяева и еще двух активистов общины посадили – нашелся «доброхот», майор НКВД из местных, который донес в органы о «пособничестве» и «сотрудничестве». Но община встала на защиту достойнейших своих сыновей. Подготовили письмо в органы НКВД. Там были такие строки: «Если этих людей можно в чем-то обвинить, то мы так же виноваты, как и они. Значит, судите нас всех». Под ним стояло несколько десятков подписей на русском и иврите. Через два месяца арестованных выпустили.

Еврейское кладбище. Могила Х. Пинхасова.

СОЗИДАЯ ЖИЗНЬ

Евреи Нальчика – люди очень веселые и жизнерадостные. Шутки-прибаутки, дружеское подтрунивание, особый горско-еврейский юмор – разговоры так и искрятся. И этот «менталитет особой тонкости» в сочетании с кавказским гостеприимством ощущаешь сразу...

– А вот и наш намаз, – говорит один из членов нальчикской общины.

Мы на улице Рабочей, 19, подъезжаем к воротам, из-за которых выглядывает обычный трехэтажный дом. Намаз – так на горско-еврейском языке называется синагога. Эта была построена в 1993 году взамен старой, одноэтажной. Увы, за пятнадцать лет ремонт здесь ни разу не делался, вид молитвенного зала и других помещений удручал.

Но благодаря инициативе раввина Леви Шабаева – племянника того самого Маркела Шабаева, который столько сделал для спасения Колонки в годы войны, – решили: ремонт и полная реконструкция синагоги. В начале октября минувшего года начались строительные работы. Участвует в них и правительство КБР.

Здесь же рядышком, бок о бок с синагогой, – двухэтажное здание благотворительного фонда «Хесед Имид». Перед ним – мемориальный комплекс, посвященный евреям-нальчанам, павшим в годы Великой Отечественной. На сером мраморе – несколько сотен фамилий. Мартиролог открывает имя Героя Советского Союза Исяя Иллазарова.

Глава «Хесед Имид» – добрейший труженик Рафаил Бабаев. Он не нальчанин, но живет здесь уже почти 40 лет, и Еврейская колонка для него стала родной. С 2001 года Рафаил Давыдович возглавляет благотворительный фонд. С гордостью рассказывает: недавно они выиграли солидный грант президента России для некоммерческих общественных организаций. Теперь на эти деньги приобрели оборудование для мини-прачечной.

«Хесед Имид» ведет свыше 25 программ, в том числе детских. Фонд помогает пенсионерам, инвалидам первой и второй групп, детям. Им раздают зимние вещи; больным, которые не могут ходить, приносят продукты из магазина. Проводят бесплатные медицинские консультации, делают протезы, очки.

С октября 2007 года началось строительство первого блока нового здания. В нем будут располагаться мини-прачечная, комнаты реабилитации, миква, помещения для детских и медицинских программ. Позже появится зал для торжеств.

В общину приходят люди уникальные. Например, Арон Яковлевич Вайнер – в свои 74 года участник Московского международного марафона мира, на котором вот уже 17 лет представляет Кабардино-Балкарию.

Р. Бабаев.

Давид Яковлевич Остайчер – заслуженный адвокат КБР, и в свои 87 лет продолжает работать по специальности! Уже 28 лет он возглавляет профсоюз Коллегии адвокатов республики, награжден медалями Министерства юстиции России.

Элла Абрамовна Перельсон, музыкант, дочь Абрама Григорьевича Перельсона, первого в республике врача-отоларинголога, почти 40 лет заведовавшего отделением центральной больницы Нальчика.

Ефим Маркович Тёрушкин недавно отметил 85-летие. Он – кавалер ордена Александра Невского, чем очень гордится вся Еврейская колонка. Возможно, даже больше самого Ефима Марковича.

Судьба его трагична и удивительна одновременно. Рожденный на границе с Польшей, в местечке Красная Слобода, он окончил школу в 1941 году. 20 июня призвали на военные сборы. Вместе с младшим братом чудом спасся от гибели. А вся семья попала в гетто и была уничтожена.

– В общей сложности было у меня тридцать два человека родных... Дожили до Песаха 1942 года – 22 апреля. В первый день Песаха фашисты расстреляли всех. Рассказывали о моей сестре Славе, как она кричала перед смертью нашим, служившим у немцев в полиции: «Придут мои братья и отомстят вам за нас!» А братья воевали на фронте, защищали родину. Лева погиб в Слуцке; Зиновий воевал в партизанском отряде и погиб при выполнении задания; Исаак погиб под Смоленском; Исай – танкист, погиб в 1944-м; Михаил – тот самый брат, с которым я ушел из дома, – погиб в 1942 году...

Возглавляет Совет ветеранов еврейской общины города Григорий Самуилович Минков, которому в этом году – 88.

Среди евреев помоложе тоже есть личности примечательные. Например, Эрзол Шабаев, сын Маркела Шабаева, знаменит не только в Нальчике, но и далеко за его пределами. Прославило его хобби: фалеристика – коллекционирование спортивных значков, нагрудных знаков и медалей, – а также удивительные художественные работы из дерева, кожи, металла, природных материалов.

Э. Шабаев.

На той же улице Рабочей – большая территория, с недавнего времени де-юре принадлежащая общине, и здание, в котором расположились Еврейская национально-культурная автономия КБР (ЕНКА) и еврейский культурный центр «Товуши» («Свет»). Работает он с 1988 года, здесь регулярно отмечают праздники, собирается молодежь, чествуют ветеранов. Здесь же собирается Семейный клуб, проводимый ЕНКА КБР, объединяющий около 70 человек всех возрастов. Вкусное домашнее угощение, еврейские песни, танцы до утра – кипит жизнь в нальчикской общине и центре «Товуши»!

Софья Шаулова и ее замечательные помощницы наперебой рассказывают о танцевальном ансамбле, вокальной студии, о школе искусств «Шуламит» – там юные ученики играют на фортепиано, поют в хоре, знакомятся с теорией музыки. В молодежном клубе «Имид» («Надежда») ребята проводят шاباتы, изучают традиции, участвуют в семинарах по подготовке мадрихов-вожатых. Здесь богатая библиотека.

С. Шаулова.

А работник ЕКЦ «Товуши» Вероника Долбня показывает большую напольную вазу – приз за первое место в Первом фольклорном фестивале национально-культурных центров КБР. Танцевальный ансамбль центра гастролирует и по республике, и за ее пределами: были в Вене, ежегодно участвуют в московском фестивале «Зажги свечу», часто ездят в Кисловодск, Пятигорск...

В настоящий момент раввин Леви Шабаев планирует на месте существующего построить большой общинный центр, который будет соответствовать требованиям динамичной современной жизни общины.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ШТАБ

Здесь же, на Рабочей, 19, в синагоге, собирается и главный «еврейский штаб» Нальчика – попечительский совет общины.

В декабре 2007 года состоялись выборы председателя еврейской религиозной общины. Главой ее стал Папуля. Так ласково и уважительно называют здесь Хацерона Алхасова. Роста в нем более двух метров, а весов таких, чтобы Папулю взвесить, не сыскать. Что говорить, во главе общины стоит большой человек!

А видели ли вы вместе десятку уважаемых мужей, заседающих в попечительском совете общины? Впечатляющее зрелище! Прямо совет в Филях накануне Бородино. Хотя внешне больше напоминает семейство горских Корлеоне. Правда, с кардинальным отличием: здесь собирается «мафия» хороших людей. И дела у них – добрые.

Попечительский совет начал работать весной 2005 года, и польза от его деятельности ощутима. Ведь главный принцип общинной политики раввин формулирует так: «Помощь людям – это зов души». Заботятся о больных: выделяют деньги на лекарства, операции. Нуждающиеся семьи ежеквартально получают продовольственную помощь. Совет обеспечивает порядок на всех четырех еврейских кладбищах. Перед праздником Песах распределяет продуктовые наборы и мацу.

Х. Алхасов.

При общине работают ульпан, библиотека, «Хевра Кадиша». Около 40 детей от семи лет занимаются в воскресной школе. Учатся и веселятся: то к ним клоунов пригласят, то в зоопарк отвезут. А летом ребята отдыхают в лагере на Черном море,

выезжают в Приэльбрусье, на Голубые озера, Чегемские водопады. Спонсирует поездки ЕНКА КБР, возглавляемая исполнительным директором Софьей Шауловой.

«Фельдмаршал» здесь, конечно, рав Леви – он держит все «ниточки» еврейской жизни города и республики в своих руках. Но решения принимаются совместно, обстановка – самая демократичная.

Леви Шабаев родом из Нальчика. В новом качестве – раввина и посланника Любавичского Ребе – он приехал в родной город с ребецн Миланой в феврале 2005 года. И, по признанию жителей Колонки, с тех пор еврейская жизнь закипела с новой силой!

Трижды в неделю раввин Леви Шабаев проводит в синагоге клуб пожилых людей «Тиферет зкеиним», на котором почтенные члены общины изучают недельную главу Торы, свои традиции и историю. Издают в Нальчике и замечательную газету «ЕСК» («Евреи Северного Кавказа»).

Особенно любит своего раввина молодая горско-еврейская «поросль». Рав Леви очень много времени – и с огромным удовольствием – проводит с ребятами. Бурлит работа в молодежном клубе, руководит которым Арон Матаев. «С появлением Леви к нам пришла молодежь», – констатирует один из активистов совета общины Роман Элиашвили. «Леви для нас – врач духовный, для молодежи – старший брат. Он всех объединил», – вторит ему Виталий Давыдов, тоже член «Генштаба».

Молодежное подразделение попечительского совета – «Нецах» – при поддержке р. Леви Шабаева осуществило ряд издательских проектов. В их числе проспект, посвященный трем кампаниям Ребе: мезуза, тфилин и цдака; издание «Биркат амазон» на русском и иврите с транслитерацией. Огромным спросом среди нальчикских евреев (тираж уже дважды переиздавался) пользуется мини-постер с фотографией Ребе и дорожной молитвой на обратной стороне. Таким не может похвастаться больше ни одна горско-еврейская община.

Молодежное отделение общины «Нецах» в составе Мухоиля-Шнеура Дигилова, Давида Алхасова и Залмана Матаева выполняет особые поручения «Генерального штаба».

В активности юных горцев мы и сами убедились на праздновании Лаг ба-омера. Торжество ребята организовали и провели самостоятельно: составили программу, приготовили обильное угощение, разожгли во дворе синагоги огромный костер. И до поздней ночи в его свете отплясывали лезгинку!..

Успешно работает и женский клуб, которому уже три года. Возглавляет его Милана – жена раввина. Дамы еженедельно изучают традиции, обмениваются новостями, узнают рецепты кошерной кухни, вышивают. Приглашают врачей, косметологов, специалистов из фитнес-клуба. Иногда сам раввин проводит занятия по истории еврейского народа.

...17 сентября 2005 года в общине был большой праздник – внесение нового свитка Торы. «Царский» подарок евреям Нальчика сделал международный образовательный фонд «Ор Авнер», возглавляемый Леви Леваевым. Праздник удался на славу – присутствовавшие вспоминают, что столы в тот замечательный сентябрьский денек накрыли человек на 500!

В мае 2007-го праздник повторился – в синагогу Еврейской колонки внесли еще одну Сефер Тору, подаренную общине Джеком Лунгером из Англии – «хорошим добрым евреем», как назвал его рав Леви. Теперь в местной синагоге пять свитков Торы.

СТАЛИНСКАЯ ГАРМОШКА

Вы часто танцуете лезгинку? Я предвижу ответ. Конечно, можно не танцевать лезгинку ни разу в жизни. Но как же без нее на Кавказе? И мы убедились: лучше лезгинов лезгинку танцуют только горские евреи!

Так, одним из создателей легендарного ансамбля «Горско-еврейская агитбригада», основанного в 1934 году, стал уже упомянутый нами Маркел Шабает, в 1920–1930-х – руководитель первых агитбригад.

Вот фотография: Налчик, 1960-е годы. В папахе, с газырями, опоясанный длинным кинжалом, в сверкающих лаком ичигах, вытянувшись в звенящую струну, отставив левую руку и высоко подняв правую, танцует лезгинку усатый красавец. Это Падацур Ашуров, сын известного музыканта Танахума Ашурова. Именем отца названа одна из улиц города, и этим нальчикские евреи заслуженно гордятся: одним из первых в стране Танахум Ашуров получил звание заслуженного артиста РСФСР.

Две артистические семьи, две известные среди горских евреев всего мира фамилии – Ашуровы и Алхасовы. Многие поколения этих замечательных артистов дружат между собой и творчески соревнуются.

Хацерон Алхасов, дед и тезка нашего Папули, был заслуженным деятелем искусств Кабардино-Балкарии, великолепным музыкантом, гармонистом-виртуозом, собирателем и исполнителем мелодий горских евреев и других народов Северного Кавказа, автором песен, маршей, танцевальных произведений. В свое время он основатель ансамбль «Кабардинка».

В 1927 году вместе с зурнистом Танахумом Ашуровым и бубнистом Ароном Исаковым Хацерон Алхасов создал национальное трио, которое завоевало широкую популярность, исполняя музыку горских евреев и других народов Кавказа.

Шалико Алхасов – сын Хацерона – показывает мне «сталинскую гармонию». На оборудованном часами и фонариком инструменте – мемориальная надпись:

Հանրապետութեան Հանրապետական Երգչախումբի-Ասիական Երգչախումբի ԱՄՆԾ Օթոմանի Օմերի Դե-Աթաթա, 3 Դեկտեմբեր, 1936 թթ

Шалико рассказывает удивительную историю подарков «вождя всех народов» членам национального трио – Алхасову, Ашурову, Исакову:

– Сталину их выступление очень понравилось. Но он удивился, почему музыканты разгуливают по Москве в черкесках. Сказал, что советские артисты не должны ходить по городу в сценической одежде. Поэтому подарил им костюмы. А еще часы, кинжалы. И по заказу Сталина сделали эту гармонию.

Светлана Алхасова вспоминает:

– Мой дедушка Танахум Ашуров был зурнистом, причем сам делал музыкальные инструменты. На основе зурны дагестанских ашуров он создал еврейскую зурну. Зурна сама по себе сольный инструмент, а дедушкина превосходно звучит и в сочетании с гармошкой. Мой отец и брат приняли ремесло от дедушки. Только они вырезают такие зурны!

...Сегодня на свадьбе в Нальчике будет играть внук Танахума – Эдуард Ашуров. Специально ради этого приехал в родную Еврейскую колонку из города Беер-Шева. Традиция не умерла: теперь в Эрец-Исраэль выступает национальное трио «Захар энд компани» в составе Захара Гилядова, Рафаэля Матаева и Эдуарда Ашурова. В руках у музыканта – дедовская зурна из кизила, которой больше ста лет.

Сыграет на свадьбе и Хацерон Алхасов-младший. Внук пошел по стопам легендарного деда: руководит замечательным нальчикским ансамблем «Мазаль» («Счастье»).

П. Ашуров.

АХ, ЭТА СВАДЬБА!

*Ааі е оіаа м і джааі а аеу ааау-аааа п аі еіаеі е оааі іаауі е е і іааеаі еі е
пò аааі еуі е і іаеі і еаі е е і аеі о іаі е м і і, аеу о іаа ÷ о іау еоі е о іаа і аааі о а*

(И. Анисимов, «Кавказские еврей-горцы».)

Невесту зовут Сусанна Гилядова, жениха – Вадим Шубаев. Она из Нальчика, он из Пятигорска. До чего же красивая пара!..

Конечно, сегодня накануне свадьбы жених не бреет голову, как это было принято у его дедов и прадедов, и не скачет вслед за кунаками на горячем скакуне, сопровождаемый криками «Ой атлан, атлан гийов, Темир-хан атлан гийов!» («Ты, жених, едешь на коне своем, как Темир-хан ездил во время своего царствования!»). И женщины не выбегают из своих саклей и не осыпают мукой его плечи. А после ритуального омовения в реке и облачения в свадебные одежды товарищи не кладут ему на лоб немного пепла в знак скорби по Иерусалиму. И не поют они вместе печально 136-й псалом Давида: «На реках Вавилонских мы сидели и плакали, вспоминая Сион...»

Сегодняшние «горячие скакуны» – это «мерседесы» последней модели (черный для жениха, белый для невесты). Но на железных конях, как и встарь, везут на подносах в дом невесты: на одном – кур, на другом – фрукты, на третьем – подарки... И сыплется на молодоженов, как и встарь, дождь из конфет – символ сладкой жизни, риса – в знак плодovitости и монет – да будут они богаты!

Все так же звучит «Свадебный марш» Танахума Ашурова, под который десятки лет невесту выводили из дома. И исполняет его Эдуард Ашуров – на первой зурне своего деда!

Как и прежде, зажигателен танец невесты – так, что всех гостей тянет в пляс. Растет, однако, благосостояние горско-еврейского народа: в руках у танцующей красавицы – гирлянда из голубеньких купюр, каждая – достоинством в тысячу российских рублей...

На территории ресторана «Усадьба» установлена хупа, сделанная специально к этой свадьбе. Великолепнее видеть не доводилось: резное дерево с золотой инкрустацией. Никак не «балдахин <...> из куска шелковой материи, натянутой на четыре жерди» (Илья Анисимов, «Кавказские еврей-горцы»). Эта хупа стала прекрасным подарком общине Налчика от дяди невесты – Артура Гилядова.

Бабушка невесты Надежда Мегирова (по-горско-еврейски ее имя – Шекар, в девичестве – Дегилова) вспоминает:

– Наши традиции никто не менял. Раньше делали свадьбу с понедельника по четверг. В понедельник все взрослые и пожилые люди собирались у жениха. Второго дня там же гуляла молодежь, а взрослые – у невесты. То есть два поколения за одним столом не сидели. В среду у невесты – день отдыха, а в четверг ее забирали и опять у жениха гуляли. Хупа была в четверг. А сейчас – в любой день, кроме субботы.

Раввин Л. Шабаетов на свадебной церемонии.

Церемония еврейской свадьбы – традиция, освященная веками. Здесь очень много нюансов. Перед началом церемонии жених должен вручить отцу невесты символический выкуп.

«За девочку полагается калым, – объясняет бабушка Шекар. – А в приданое идут посуда, постельное белье, украшения невесты».

Конечно, обязательно по закону ритуальное омовение перед свадьбой. Невесту, предварительно посетившую микву, привозят туда, где раввин ставит хупу – символ шатра жениха. Обычно – на открытом месте, чтобы «потомство было многочисленным, как звезды». По традиции лицо невесты скрывает вуаль. Только введение невесты под хупу к жениху удостоверяет бракосочетание по закону Моше и Израиля.

Невесту семь раз обводят вокруг жениха, и он со словами «Вот этим кольцом ты посвящаешься мне в жены по закону Моше и Израиля» надевает ей на указательный

палец обручальное кольцо (это еще называют «покупкой невесты»). Кольцо на еврейской свадьбе только одно, и оно должно быть абсолютно гладким, без царапин и даже без клейма, что проверяется раввином и удостоверяется свидетелями.

Под хупой раввин оглашает заранее составленную им в присутствии двух религиозных евреев и подписанную ктубу – брачный контракт, обязательный для жениха и невесты. Над бокалом вина раввин произносит семь благословений, жених и невеста по очереди пьют из свадебного кубка, и бокал (в память о разрушении Храма) разбивается. Рав Леви предусмотрительно завернул бокал в лист фольги – к чему лишние хлопоты с осколками!

«Сестра наша! Да родятся от тебя тысячи тысяч!» – эти слова из Торы, уподобляющие ее Ривке, слышит в день свадьбы невеста. Молодожены, стоя под балдахином, получают благословение родителей на долгую и счастливую совместную жизнь. Под хупой же принимают поздравления родственников и друзей.

Свадьба – это в немалой мере «праздник желудка». Каких только яств нет на столах, накрытых под открытым небом и в уютных беседках! И конечно же, на каждом – «фирменные» горско-еврейские пироги, чуду!

...На Востоке говорят: «Свадьба – залог новой свадьбы». Наверное, именно поэтому с таким самозабвением Колонка празднует рождение новой семьи горских евреев. И наши новые друзья верят, что «цепочка», связывающая их с потомками Йеуды и Биньямина, от которых они ведут свою родословную, полтора тысячелетия живя на Кавказе, не прервется. Еврейская колонка Нальчика не обезлюдует. И родятся дети, которые создадут новые крепкие семьи евреев-горцев. Ведь свадьба – залог новой свадьбы!

ДЕТСТВО В ШКЛОВСКОМ ХЕДЕРЕ

Meini li Oadei

Окончание. Начало в № 2, 3, 2008.

Между тем время шло, и занятия в хедере шли своим чередом. Учитель обучал нас древнееврейскому по особому, ему одному известному, им же выдуманному способу. Читая с нами Библию или книгу какого-нибудь из пророков, он объяснял нам изменения окончаний единственного и множественного чисел, мужского и женского родов и т. д. В ходе чтения он вдруг спрашивал: «А как было бы, если бы не один пошел, а многие, как надо бы тогда сказать?» Или: «Как было бы, если на месте этого слова мужского рода было слово женского рода?» Таким способом усваивали мы «грамматику» без учебника.

Я поставил это слово в кавычки потому, что наш учитель вряд ли знал настоящую грамматику древнееврейского, ибо всегда путался, когда встречались неправильные глаголы со свойственными этому языку изменениями. Учитель преподавал практическим способом: устно – при изучении Торы и пророков и письменно – заставляя слово написать во всех видах, временах, родах, падежах и т. д. Результаты действительно получались поразительные: мы все успевали и легко все усваивали.

При преподавании Талмуда у него также был свой метод. Он объяснял, придерживаясь ясного, очевидного смысла, пользуясь при этом только комментариями Раши и не признавая иных – «прибавочных» комментаторов, искавших тайный смысл путем схоластики. Когда реб Залмана спрашивали, почему он не проходит с учениками известных «острых» комментаторов, наш меламед отвечал, что талмудическое «море» нужно переплыть сначала «по поверхности», а уже потом «опуститься на дно». Потом он прибавлял:

– Если моему ученику суждено будет остаться «при Талмуде» (у евреев той эпохи были две карьеры – талмудическая и торговая. – С. Ц.), тогда он еще несколько раз пройдет поверху и на самое «дно» Талмуда опустится, чтобы там искать «жемчуг». Если же ему суждено быть торговцем, то при «поверхностном плавании» он наверняка лучше сохранит все то, что получил в хедере.

Мы жили недалеко от любавичской синагоги, в собственном маленьком домике. В одно лето мы продали этот домик и купили более просторный на большой улице, прилегающей к окраине города. За нашим новым домом вдаль уже тянулись огороды и поля, обрабатываемые христианами.

Помню подслушанный разговор между родителями. Папа давно хотел обменять наш маленький домик на больший, но мама принципиально противилась:

– На деньги, которые нужно будет приплатить, можно будет заработать, а жить мы можем и в меньшем доме.

Так как подходящих домов для покупки не было, а много денег затратить отец не мог и не хотел, то вопрос так и оставался открытым. Но подвернулся этот дом, выстроенный его другом, проживавшим в Москве, – согласился этот друг на рассрочку

платежей, и покупка вышла, что называется, «легкая». Но мама все же противилась, выставляя свои доводы, на что отец урезонил ее:

– У тебя бабский ум. Подумай хорошенько. Ты вот говоришь, живем среди евреев, близко к синагоге. Но мы дышим скверным воздухом, от пожаров всегда в опасности, соседи справа и слева знают, что у тебя в горшке варится. Новый же дом – иной: сухо, тепло, просторно, кругом аромат полей. В хорошую погоду будем ходить в нашу любавичскую синагогу, а осенью и зимой – в Старосельскую, что неподалеку. Наконец, годы минут, и наш мальчик будет а-хосн (жених), приедут мехутоним (сваты), надо будет показаться...

Не знаю, все ли доводы отца имели успех, но на праздник Шавуот мы переехали и отпраздновали новоселье. Это совпало с первым семестром моего учения у Залмана Бабиновицера. С разрешения мамы я пригласил всех своих товарищей. Был светлый майский день. Нас угостили, и мы пошли гулять на лужайку недалеко от дома. Встретившиеся русские «хлопцы» нас, вопреки обыкновению, не тронули, другие показывали пальцами на некоторых мальчиков, чьи родители были известны всему городу, и в тот вечер все эти «хлопцы» относились к нам с подобострастием.

В то же лето мне случилось (первый раз в жизни!) провести несколько часов за городом. Первый день месяца по еврейскому календарю считается у евреев «полупраздником», и наш учитель отпускал нас за час до обеда, освобождая от занятий на весь день. В один такой день, солнечный и знойный, я был приглашен товарищем поехать с ним и всей его родней за город. Собралась компания из семерых мальчиков разного возраста, и мы все оказались под руководством и под наблюдением гувернантки.

Расселись в просторной коляске, так называемой «канифаске», запряженной красивой лошадью, принадлежащей их деду, богатому реб Шлойме Моначину, и поехали в Семеновку. Эта живописная местность лежала по ту сторону озера, и, чтобы добраться до нее, приходилось делать большой круг в две-три версты. Приехали, кучер распряг лошадь, а мы рассыпались по красивой лужайке, окруженной засеянными полями. Был июль. Рожь уже отцвела, но была еще полна васильков, свежих и пахучих; яровые поля раннего посева были в полном цвету, другие только начали цвести. Впечатления этого дня остались в моей памяти на всю жизнь. В первый раз я увидел цветущие поля, опьянел от аромата и готов был от восторга обнимать весь мир.

Особенно, помню, поразило меня одно поле, как бы сплошь залитое серебром. Это оказалась цветущая гречиха, которая цветет сплошным белым цветом с чуть-чуть лиловым оттенком, блестя на солнце своим серебром среди других полей, так же покрытых голубенькими и красненькими цветками, и сливаясь с ними в общем собрании цветов. Все это, вместе взятое, произвело на меня чарующее впечатление, и, бегая с мальчиками и всей детворой взапуски, я не мог оторвать глаз от такого зрелища, часто останавливался или валялся на траве, собирая цветы. Я просто не знал, что делать от избытка восторга!

Случилось так, что я, валяясь по траве, опрокинул кувшин с молоком. Гувернантка по-немецки выругалась и закричала на меня. Я считал себя невиновным и не знал, что ей сказать, но мне было стыдно, и я решил в отместку ей уйти. Не говоря никому ни слова, повернулся и пошел по направлению к городу. Но я не успел пройти и четверть версты, как вся детвора меня догнала и заставила вернуться. Гувернантка мне улыбнулась и что-то сказала, взяв за руку. Я ни слова не понял, но видел, что она хочет помириться со

мною... С заходом солнца мы решили, что пора вернуться, и были уже густые сумерки, когда мы въехали в город.

Учение в хедере шло привычными темпами. Каждый день, летом и зимою, в обычные часы, Талмуд, Тора и Пророки сменяли друг друга. Не останавливаясь на комментаторах, устраивающих глубокие схоластические прения, мы не задерживались долго на одном трактате, а захватывали больше вширь, чем вглубь. Талмуд в сущности своей мне дался легко; я его понимал, а это – самое главное. Зная обычную систему споров и дискуссий, выводов и заключений, я сравнительно легко разбирался в самых запутанных местах. Этого успеха я достиг благодаря моему учителю – реб Залману.

Но с другой стороны, в учебе отсутствовало нечто захватывающее: без глубоких прений Талмуд становился скучноват, не давал пищи уму, не оставалось удовлетворения. Гораздо больше захватывала меня легендарная часть Талмуда – Агада, особенно те ее места, где повествуется о героях еврейского народа. Эти рассказы много говорили и уму, и сердцу. В агадических преданиях и легендах – вся народная этика, в них, как в зеркале, отражается еврейская душа, все еврейское прошлое, фундамент нашего национального здания, вся духовная и семейная жизнь народа. Эти места Агады рассыпаны по всему Талмуду. И, бывало, в тот день, когда в хедере мы проходили страницу с преданием из Агады, дома я с увлечением перечитывал это место и вдумывался в содержание еще раз.

В то время как Агада давала пищу моему детскому уму и сердцу, меня все более и более начала интересовать и захватывать так называемая «библейская беллетристика». Дома я зачитывался Книгами Пророков. Особенно часто перечитывал «Книгу Судей», обе «Книги Шмуэля», как и «Книги Царств», притом повторял каждый рассказ несколько раз, так что многие страницы знал наизусть. Я по-своему оценивал прочитанное, преклонялся перед одним из пророков, восхищался его героизмом или добродушием и презирал совершившего злой поступок или жестокость. Многого я не понимал, по-детски догадывался, но почему-то не спрашивал, зная, что настоящего ответа не получу... Все места в Торе и Книгах Пророков повествовательного характера, где участвуют лица, творящие добро и зло, обнаруживающие простодушие и благородство или хитрость и грубость, были читаны-перечитаны многократно. Все библейские «романы» (Яков и Рахель, история с дочерью Якова Диной, Амнон и Тамара и многие другие) были тоже прочитаны по нескольку раз и пробуждали во мне еще большее стремление к чтению.

Правда, та форма и те выражения, в каких излагаются в Библии действия персонажей, в полной мере доступны только взрослым. Но тогда считалось одинаково полезным для всех возрастов читать Книгу Книг, и никому в голову не могло прийти, что она может вредно повлиять. Помню, я задавал учителю много вопросов, на которые он давал мне уклончивые ответы. Так, между прочим, учитель слова «насиловать»,

«изнасиловать» переводил как «мучить». И слова Тамары он переводил так: «брат мой, не мучь меня». Я тогда наивно спрашивал учителя:

– Как мог Амнон «мучить» свою сестру, когда сказано, что он ее очень любил?

Учитель ответил, что Амнон был просто злой и сумасбродно жестокий ко всем человек. Но я не успокоился и засыпал его вопросами, пока он не воскликнул:

– Библия и Талмуд – они без дна, как море глубоки! Только очень умные и старики-ученые могут опуститься глубоко, а дети, такие, как ты, «плавают поверхностно», не все можно вам объяснить.

Я не успокоился, но перестал спрашивать.

В это время я также с увлечением и без всякого разбора стал читать «русские» книжки. Однажды, будучи в гостях у своего товарища, увидел толстую книгу «Граф Монте-Кристо». Я получил эту книгу и начал ее читать, – мне уже не было это так трудно, и не так часто приходилось смотреть в словарь. Я читал эту толстую книгу запоем. Как только мама после ужина ложилась спать, я зажигал коптилку – небольшую мисочку с рьльцем для фитиля, в которую вливали конопляное масло, и читал за полночь, до двух-трех часов.

Однажды книжку М.А. Гинзбурга «Сборник писем между первыми представителями эпохи “берлинского просвещения”» я получил у товарища на дом, и она мне очень понравилась. Большинство писем в духе легкой критики застарелых обычаев, освященных временем, в которых нет ничего еврейского. Другие письма говорят о необходимости улучшить преподавание в хедерах и обращать больше внимания на изучение древнееврейского языка, истории народа и т. д. Написаны хорошим библейским языком, без риторики.

Это была первая книга, которая показала мне, как можно говорить и писать на древнееврейском. Впервые я читал мысли, изложенные хорошим еврейским языком, некоторые письма были с большим юмором; остро и красиво вышучивались хасидские проделки. На меня не так действовало содержание книги, которое во многом было мне непонятно, как красота языка и форма изложения. Эта книжка возбудила во мне желание научиться писать по-древнееврейски.

И тогда, не откладывая дела в долгий ящик, без руководителя, со слабыми, поверхностными познаниями в грамматике, я начал списывать целые изречения из Библии, подбирая подходящие слова для моей мысли. Выходило «кудряво» и витиевато, но тогда так писали раввины. Первое письмо, написанное отцу, я снабдил припиской, которую запомнил: «Мои сердечные думы и плоды моих мыслей, изложенные здесь мною без помощи учителя, я подношу тебе, мой дорогой отец».

Видно, отец был очень доволен письмом, так как вскоре мы получили от него посылочку, а в ней неожиданно оказалась материя мне на сюртук, какие тогда носили, с наказом маме отдать хорошему портному.

Так прошли три семестра (полугодия). Приближался четвертый, а мне в начале его исполнилось 13 лет, и я делался – по еврейской религиозной традиции – совершеннолетним. В те давние времена мальчик, которому минуло 13 лет, считался человеком «самостоятельным» – в смысле ответственности его перед Б-гом, так как до

этого момента отец отвечал за грехи сына. Но как только мальчик проходил бар мицву – традиционный обряд совершеннолетия, – он сам становился «ответчиком». В день именин мальчика вызывали в синагоге на возвышение – биму, для того чтобы он вслух для всех присутствующих читал Тору. И отец мальчика тоже выходил на биму и громко произносил: «Благословен Тот, Который меня избавил» (подразумевается – «от наказания»).

День бар мицвы считается праздником в семье мальчика. А тот, если он «ученый», произносит речь на талмудическую тему, посвященную тфилин – филактериям, которые теперь он обязан перед Б-гом ежедневно накладывать на лоб и левую руку.

Расскажу, как я провел день моей бар мицвы – благословенный субботний день во второй половине ноября. Стояли первые зимние заморозки, было сухо и светло. В синагоге я был вызван на чтение Торы – мофтир, для чего обыкновенно вызывают исключительно почетных лиц. И вот, стоя на биме, я произносил положенный текст громким голосом, с большою торжественностью и с большим чувством. Отец, взошедший со мною, стоял все время возле меня. Но я был очень возбужден и сильно волновался.

Итак, доклад должен был быть в духе талмудической схоластики, тема – тфилин. За полтора месяца до бар мицвы наш учитель, искавший тему, спросил, смогу ли я выучить наизусть для этого дня и пересказать «очень интересный», но длинный доклад, который он наметил для меня в книге известного раввина Мальбима. Я ответил, что если это уж очень длинно и «остро» (подразумевалось – «глубоко схоластично»), то, боюсь, скорее всего, не выдержу и запутаюсь. Но учитель, зная, что мой успех, конечно же, будет в значительной степени приписан ему, сказал, что он уверен во мне, времени еще много, да к тому же это дело для меня совсем нетрудное... Он явно не считался с моими физическими силами.

Когда меламед прочел со мной в первый раз намеченный текст, я заявил, что не надеюсь на себя и наверняка провалюсь. Но тот продолжал с великой настойчивостью вновь и вновь уговаривать меня, даже нарисовал ожидаемый им могучий эффект, который должен быть произведен таким текстом. И затем еще ободрил меня весьма умело: дескать, если я захочу, то сделать это мне будет нетрудно. Я обещал и взял книгу рабби Мальбима домой.

Текст оказался, как того возжелал мой меламед, и чрезвычайно «глубоким», и достаточно «острым». Да еще к тому же и довольно длинным: в нем было более полутора десятков книжных страниц.

Первое время дело у меня не клеилось. Ведь выучить наизусть такую длинную речь, запутанную сравнениями, тонкими и острыми выводами да еще и многочисленными ссылками на разных талмудистов и раввинов, действительно непросто! А тогда это тем более показалось мне предприятием чрезвычайно трудным.

И вот после трех недель подготовки я решился и высказал учителю свои сомнения относительно возможного успеха. Но тот чем дальше, тем настойчивее продолжал ободрять меня, подзадоривал очень умело, всячески льстил моему самолюбию. Наконец мой меламед попросил меня вечером, после занятий, остаться на час, и он тогда уже посмотрит, «что у нас выходит». – нужно заметить, что требовалась отнюдь не «декламация». Не столько полагалось зазубрить текст, а потом, в день бар мицвы, произносить его слово в слово – это было б еще нетрудно! – нужно было

действительно весьма основательно весь текст усвоить, а потом суметь пересказать своими словами на идише, допуская только термины на языке Талмуда.

Вечером повторилось то же самое, что и раньше: учитель употребил все средства, чтобы склонить меня дать согласие.

Между прочим, он подчеркнул, какое значение должен иметь для меня успех выступления. По его словам, вся моя будущность зависит от того эффекта, который получится в результате хорошего и толково произнесенного текста... Я опять взялся за повторение.

Прошла еще неделя, и до торжества оставалось несколько дней. «Доклад» стал для меня делом чести. Я напряг все силы не только для изучения заданной темы по Мальбиму, но еще и отыскал (с помощью того же учителя) другого автора по этому вопросу. Наконец я усвоил заданную тему вполне сносно, по крайней мере для достойного и исчерпывающего ответа на могущие быть заданными каверзные вопросы и замечания.

К сожалению, это чрезвычайное тогдашнее напряжение, страх и волнение возымели сильное влияние на мою нервную систему. И вот я почувствовал себя утром, в день моего праздника, очень утомленным и слабым, голова кружилась, я не переставал волноваться. Было много приглашенных, в их числе известный в Шклове талмудист, впоследствии духовный раввин, были также и другие «талмудические светила». Из синагоги некоторые приглашенные пошли прямо к нам. Пришлось ждать многих, идущих из других городских синагог, и особенно долго пришлось ждать раввина Гурвича.

Наконец все сели за длинный стол, уставленный разнообразными бокалами, графинчиками, рюмками, тарелками с закусками. Я, как положено при бар мицве, сел во главе стола и старался держаться достойно, но у меня кружилась голова. Отец заметил, что я уже сильно бледен, и стал успокаивать меня. Но мне было стыдно признаться в слабости, и я, собрав все силы, начал свое торжественное публичное выступление.

Сначала все шло хорошо. Громко, ясно, без запинок и с достоинством я излагал выученное – все мнения авторитетов по данному вопросу. Я сравнивал их, разбирал их сущность, отыскивал точки возможного расхождения в их суждениях, нащупывал также и согласие во взглядах и т. д. Но едва я дошел до половины доклада, как мне сделалось дурно, и я, побледнев, остановился. В глазах потемнело, мои мысли спутались...

Мама испугалась, засуетилась, но сидевший за столом Йосл Глобус, по прозвищу Йоше Мас, – фельдшер, доктор и большой талмудист – успокоил сперва маму, а затем уже предложил мне выпить холодной воды и отдохнуть. Тем временем почтенная публика и раввины стали хвалить меня, но в то же время не забывали и угощаться. Все говорившие обращались ко мне с пожеланиями, но я чувствовал себя не вполне удовлетворенным собственным выступлением и, оправившись, пожелал... продолжать!

Тут обратился неожиданно ко мне раввин Гурвич с вопросом. Но я ему ответил, что сейчас буду продолжать и в дальнейших прениях и выводах он найдет непременно исчерпывающий ответ на свой вопрос. И я стал излагать дальше, для чего пришлось вернуться назад. На этот раз я благополучно кончил свое выступление – к торжеству моего учителя и к радости отца.

Но и я также был доволен, отчего уже почувствовал подъем духа, а затем ощутил даже некоторую гордость, когда услышал из уст большинства талмудистов и

раввинов похвалу в свой адрес. В эту минуту я почувствовал себя вдвойне счастливым: налицо был явный и достигнутый тяжкими трудами истинный успех, а вместе с ним – избавление (наконец-то!) от необходимости публичного выступления, тяжелым камнем висевшей у меня на шее в течение целого месяца.

Так я переступил порог моего «духовного» совершеннолетия. Произнесение умного, аргументированного текста показало всем мое духовное «совершенство». Родители радовались, и нас отовсюду поздравляли. Я сразу вырос, ибо стал полноправным мужчиной после бар мицвы, – теперь я сам за себя отвечаю!

А между тем время шло, и все осталось как и прежде, по-старому. Кроме «хедерной» науки я ничего не знал; учителя мне не взяли, и я оставался еще долгое время круглым невеждой...

В то время – о чем следует напомнить – в городе нашем действовало еврейское училище казенного типа. Смотрителем этого учебного заведения, что отнюдь не странно для того времени, был русский – христианин, учителями же, а их было двое или трое, не помню теперь точно, были евреи – из тех, что окончили раввинское училище в Житомире.

Эти учителя наводили ужас на еврейское население своими открытыми выступлениями против религии. Они даже в синагогу не ходили, курили и писали в субботу, не соблюдали законов кошерного питания! Этакое сугубо нетрадиционное, нееврейское поведение еврейских учителей было поистине преступным легкомыслием с их стороны!

Действительно, такое просто невозможно со стороны тех представителей грамотного религиозного еврейства, которые, казалось бы, должны подавать личный пример Б-гобоязненности и при этом самоотверженно бороться с массовым невежеством, с темнотой. Эти люди должны просвещать соплеменников своих, поощрять упорное изучение Торы и Талмуда и притом достигать этого никак не «налетами» и, тем паче, не путем открытого нарушения религиозного закона. А напротив, не отстраняясь никоим образом от религиозных традиций еврейства, они должны были доказать, что также и светские, общеобязательные знания, изучение различных учебных дисциплин вовсе не вредны для религии. Несомненно одно: веди они подобную работу – училище было бы полно учеников, жаждущих знаний.

Но эти учителя неумело приступили к исполнению своих обязанностей. А ведь тогда, как известно, и правительство Александра II (надо признать это!) было искренне воодушевлено желанием просветить своих подданных-евреев. Результат этой политики, однако же, получился обратный, если не сказать – противоположный. Евреи своих детей прятали, а учителей – проклинали...

Это не мешало евреям-богачам приглашать учителей для занятий со своими детьми. Богачам прощалось то, что иным – людям из низших классов – ставилось в вину. Да и сами богачи во все времена умели ценить свободу и пользоваться ею.

БЕДНЫЙ ЛЕН

Из воспоминаний о В.Б. Шкловском

Аái áääèò Ñàðí íá

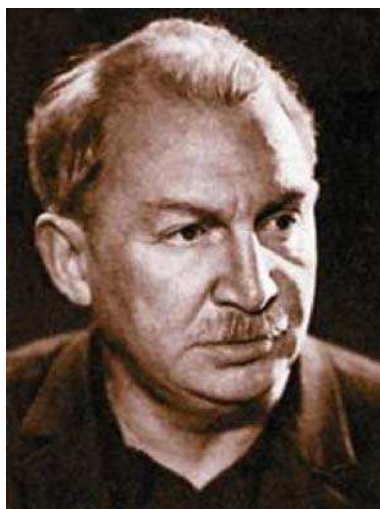
Начать эти воспоминания мне хочется строчками Бориса Слуцкого:

Óí èðàðò í íè ñòáðèèè,

Ì íè áíáè, í íè íááááíáè,

Í ðíèááòáèè òíðí íé áíðíáè,

Ááá áááè í íè áíèè èááè.

Борис Слуцкий:

«Умирают мои старики...»

Виктор Борисович Шкловский был одним из главных моих богов и, пожалуй, главным моим учителем. Сам он об этом, может быть, и не догадывался. О том, как и почему я выбрал себе в учителя именно его, я еще, может быть, когда-нибудь расскажу. А начну – с другого, более позднего воспоминания.

– Я за вас не боюсь, – сказал он мне однажды. – Время, конечно, плохое... Что говорить, скверное время. Но ведь все времена плохие. Для литературы не бывает хороших времен. Назовите мне хоть одного писателя, который жил в хорошее время... А-а, не можете?.. Вот то-то и оно!

Я и в то время был уже большим спорщиком. Но с Виктором Борисовичем в споры, как правило, не вступал: слушал его, разинув рот, чуть не каждое его слово принимая как откровение. Но тут вдруг завелся. Стал чуть ли не орать, что нет! Неправда! Того, что сейчас творится с литературой у нас, не было никогда! Ни в одну эпоху! Никогда литератору, особенно молодому, начинающему, входящему в литературу, не было так плохо, как у нас!

Я даже рассказал подходящий к случаю анекдот.

В бане моются два еврея. Один начинает стонать:

– Ой, мне плохо!

Второй откликается:

– Э... Кому теперь хорошо!

– Мне плохо! Мне плохо! – все отчаяннее твердит первый.

Голос его становится все слабее и наконец смолкает.

Слегка обеспокоенный, первый подходит к нему и видит, что тот отдал Б-гу душу.

– Ах, вам так плохо? – обескураженно говорит он. – А я думал, что вам так плохо.

Разницу между первым и вторым «так» можно было передать только интонацией, что я и сделал. И заключил:

– Понимаете, Виктор Борисович, разницу?

– Ваши жалобы, – ответил Шкловский со своей неповторимой «улыбкой Будды», – напоминают рассуждения девицы, которая боится выходить замуж: «Вам небось хорошо, маменька! Вас-то выдали за папеньку! А мне за чужого мужика идти!»

– Да нет же! – орал я. – Поймите! Тут совсем другое... Вам тоже было плохо, я знаю. Но вам дали родиться! Вы успели стать Шкловским! А нам не дают даже вылупиться из яйца!

Вряд ли я тогда смог его переубедить. Ведь эта его реплика про девицу, завидующую маменьке, что она вышла не за чужого мужика, а за папеньку, была не случайной обмолвкой и не острой, родившейся в полемическом запале.

Это была концепция.

Он искренне полагал, что для писателя не бывает плохих и хороших времен. Писателю всегда плохо. Больше того: ему должно быть плохо.

Сравнивая (еще в 20-х годах, в своей книге «Третья фабрика») писателя со льном на стлище, он имел в виду именно это:

Лен, если бы он имел голос, кричал при обработке. Его дергают из земли, взяв за голову. С корнем. Сеют его густо, чтобы угнетал себя и рос чахлым и не ветвистым.

Лен нуждается в угнетении. Его дергают. Стелют на полях (в одних местах) или мочат в ямах и речках.

Речки, в которых моют лен, – проклятые – в них нет уже рыбы. Потом лен мнут и треплют...

Бедный лен.

И чтобы никто не сомневался, что именно он имеет в виду, так прямо там и написал, что угнетение идет литературе на пользу. Для того чтобы талант писателя по-настоящему раскрылся и окреп, его надо «мять и трепать».

Это свое рассуждение про «бедный лен» он тогда закончил так:

Из жизни Пушкина только пуля Дантеса не была нужна поэту. Но страх и угнетение нужны.

Когда я спорил с Виктором Борисовичем, доказывая, что мне и моим сверстникам не в пример хуже, чем было ему, – я имел в виду главным образом то, что нам не дают (не позволяют) выражать свои мысли (вернее, мысли, казавшиеся нам своими) – своими словами.

Делая самые первые свои шаги в литературе, я страдал только от того, что редакторы терзают, калечат, уродуют, нивелируют, приводят к общему знаменателю мой стиль. (Правильнее, конечно, было бы сказать, – то, что я считал своим стилем.)

Споря с Виктором Борисовичем и тупо повторяя, что ему дали родиться, а мне (нам) не дают, я имел в виду прежде всего и главным образом то, что он успел утвердить свое право быть Шкловским (с этими своими причудливыми ассоциациями, с этими своими короткими фразами, каждая из которых начиналась с красной строки, с абзаца) именно вот в этой сфере чистого стиля.

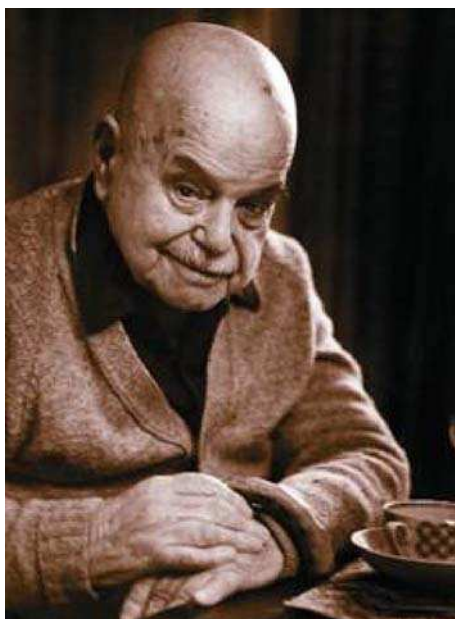
Смешно, не правда ли?

Но, если вдуматься, так ли уж это смешно? Даже наивная реплика Сельвинского, над которой я в свое время глумился («Вы сформулируйте вашу мысль, товарищ Сталин, а я выражу ее своими словами»), в сущности, не так смешна, как трагична.

Несчастный литератор пытается отстоять, не сдать свой последний плацдарм. Сохранить свое право оставаться собой если не на глобальном, мировоззренческом (где уж там!), так хотя бы на клеточном, на молекулярном уровне.

Вообще-то, есть, наверно, некий глубокий смысл в том, что посягательство на этот молекулярный, клеточный уровень для художника даже большее, мучительнее, чем стремление власти взять под контроль его мировоззрение (идеологию). И власть проявила просто поразительное понимание существа дела, не оставив советским писателям и этот их, последний плацдарм. (Это было, конечно, не понимание, а инстинкт. Бешеный инстинкт власти, такой же мощный, как инстинкт самосохранения или инстинкт продолжения рода.)

К этой теме я, наверно, еще не раз буду возвращаться. А сейчас – назад, к тому моему разговору со Шкловским, в котором он сравнил меня с девицей, которую, в отличие от «маменьки», выдают замуж не за «папеньку», а «за чужого мужика».

В.Б. Шкловский:

«Для литературы не бывает хороших времен»

Разговор этот имел продолжение. И не одно.

Кажется, в тот же вечер (а может быть, в другой, сейчас уже не вспомню) Виктор Борисович спросил меня, что я пишу или собираюсь написать. Я сказал, что главный редактор «Дня поэзии» (это был Смеляков) предложил мне написать о ком хочу. Дал мне, так сказать, карт бланш. Я сказал ему, что хочу написать об Ахматовой. (Тогда после долгого перерыва вышла ее маленькая зелененькая книжка, которую она называла «лягушкой».) Ярослав Васильевич на это мое предложение отреагировал без энтузиазма. Хмуро буркнул:

– Ну, пишите.

Когда я рассказал об этом Виктору Борисовичу, он вздохнул:

– Ведь не напечатают.

Я согласился, что да, конечно, скорее всего не напечатают. А когда он сказал в ответ, что не понимает, зачем тратить время и силы на заведомо обреченное предприятие, стал доказывать, что наше дело – барахтаться, пытаться сделать все, что в наших силах, не думая о том, каков будет результат.

Спокойно выслушав эти мои доводы (сейчас я изложил их значительно короче, чем в том своем монологе), он сказал – все с той же, хорошо мне знакомой, ласковой и печальной «улыбкой Будды»:

– Понимаете... Когда мы уступаем дорогу автобусу, мы делаем это не из вежливости.

Это была все та же концепция. И родилась (сложилась) она у него, конечно, не от хорошей жизни.

* * *

Примерно в то же время, о котором я сейчас вспоминаю, году этак что-нибудь в 1960-м или 1961-м, случилось мне быть свидетелем такого эпизода.

Дело было на каком-то вечере поэзии – одном из тех многолюдных сборищ, где выступали совсем молодые тогда Евтушенко и Вознесенский и куда многочисленным их поклонникам приходилось прорываться сквозь кордоны и оцепления конной милиции.

Если память мне не изменяет, в тот раз это происходило в Политехническом.

Уж не знаю, как и почему, на сцене, за столом президиума вместе с выступавшими на том вечере поэтами оказался Виктор Борисович.

Громовым своим «голосом Дантона» (так писали о нем во время его поездки по Франции французские газеты: «Человек с голосом Дантона») он проорал в зал несколько не очень понятных собравшимся фраз и прочел какое-то – сейчас уже мне не вспомнить, какое именно, – стихотворение Мандельштама.

Ему довольно прохладно похлопали: все жаждали выступлений своих кумиров, и Шкловский (да, пожалуй, и Мандельштам тоже) в той аудитории мало кого интересовал. Но вслед за ним к микрофону вышла юная, прелестная Белла Ахмадулина. Промяукав что-то высокопарное и тоже не слишком понятное, она вдруг обернулась к президиуму и, обращаясь прямо к Виктору Борисовичу, с пафосом произнесла:

– Я еще не родилась, а вы – вы все! – уже предали друг друга!

Пафос этого ее разоблачения был, конечно, нацелен во всех «отцов», во всех писателей и поэтов старшего поколения, которых за тем столом тоже сидело немало. Но прозвучало это так, как будто имела она в виду именно Шкловского. Прежде всего и главным образом – его одного.

И так оно, наверно, и было.

Что-то такое она про него, наверно, слышала.

Я думаю, что слышала она про то, как он «предал Зощенко». Про это тогда было много охотников рассказывать.

Слышал про это тогда и я.

Рассказывали, что, прочитав повесть Зощенко «Перед восходом солнца», Шкловский был от нее в восторге. Будто бы даже прямо так и сказал автору: «Миша, ты гений!» А когда повесть сверху было приказано «расклевать» (подлинное выражение Жданова), присоединился к дружному хору его гонителей.

Сейчас я про ту давнюю историю знаю гораздо больше, чем знал тогда. Пожалуй, даже больше, чем мог бы мне тогда рассказать о ней сам Виктор Борисович.

В вышедшем несколько лет тому назад (в 1999 году) томе документов «Власть и художественная интеллигенция» был опубликован «Протокол беседы М.М. Зощенко с

сотрудником ленинградского управления НКГБ СССР». Беседа, как явствует из этого протокола, происходила 20 июля 1944 года.

Белла Ахмадулина:

«Я еще не родилась, а вы все уже предали друг друга!»

В этой «беседе» Михаил Михайлович жаловался расспрашивавшему (лучше, наверно, сказать, допрашивавшему) его энкавэдэшнику на «двuruшничество» своих собратьев по перу, которые ему повесть хвалили, а на заседании Президиума Правления Союза писателей, где ее приказано было ругать, – камня на камне от нее не оставили. Называл он при этом Николая Семеновича Тихонова. Упомянул и Шкловского, о котором высказался так:

В частности, могу назвать Шкловского – Булгарина нашей литературы – до «разгрома» повести он ее хвалил, а потом на заседании Президиума Союза ругал. Я его обличил во лжи, тут же на заседании.

Казалось бы, яснее не скажешь.

Но сказано это было все-таки в особых обстоятельствах и, как выразился однажды (в одном своем рассказе) по сходному поводу сам Михаил Михайлович Зоценко, – «в минуту сильного душевного волнения».

А совсем недавно (в 2002 году, в сборнике «Михаил Зоценко. Материалы к творческой биографии. Книга третья») была опубликована каким-то чудом сохранившаяся записка М.М. Зоценко Виктору Борисовичу, написанная на том самом заседании Президиума и, судя по всему, под прямым и непосредственным впечатлением от той самой «предательской» его речи.

Вот она:

Витя, ты сказал так сильно и едко, что только очень тупые люди могли не услышать. А я после тебя не могу говорить – я почти равнодушен к тому, что тебя тревожит. Я не верю, что искусство сейчас возможно. Даже в малой степени. И что

говорить – слова повиснут в воздухе. Как, в сущности, повисли и твои великолепные слова. От этого погода не изменится. Даже если б мы с тобой тут плакали.

Твой несчастный Зоценко.

В газетном отчете о том заседании Президиума было сказано, что в прениях по докладу Фадеева выступили Л.С. Соболев, который назвал повесть Зоценко «антихудожественной», П.Ф. Юдин, сказавший о ней, что «книга вредная», так как сеет «душевную расслабленность». Ольгу Форш, которая неосторожно сравнила повесть Зоценко с «Исповедью» Руссо, тут же поправил Маршак, сказавший, что у Зоценко нет «живого чувства», которое есть у Жан-Жака.

О Шкловском в отчете сказано только, что он тоже выступил в прениях.

Если б он впрямую лягнул Зоценко, автор отчета, надо думать, какое-нибудь его высказывание процитировал бы.

Судя по этому газетному умолчанию и обращенной к нему записке Зоценко, Виктор Борисович под «автобус», конечно, не кидался, но и участвовать в общем хоре хулителей гонимого писателя не стал: ушел в какие-то общие рассуждения об искусстве, которые бедному Зоценко были уже «до лампочки». Но, судя по первой фразе записки («Витя, ты сказал так сильно и едко, что только очень тупые люди могли не услышать»), эти его «общие» рассуждения по тем временам тоже были не вполне безобидны. Говорил, наверно, что вообще с искусством у нас дело обстоит плохо.

Но что-то, наверно, все-таки сказанул и такое, что потом, задним числом, Михаил Михайлович мог расценить и как «двурушничество» – особенно в сравнении с теми восторгами, которые Виктор Борисович вылил на него сразу по прочтении повести. (Как сказано у того же Зоценко в одном его рассказе, «ведь он же не знал, что будет землетрясение».)

Я с Виктором Борисовичем на эту тему заговаривать, естественно, никогда не решался: мне даже в голову не приходило спросить у него, как это было на самом деле. В предательство его, по правде сказать, поверил. Но осуждать Виктора Борисовича, а тем более судить его был не больно склонен. Во-первых, потому что его любил, а во-вторых, потому что гораздо лучше, чем Белла, понимал, какое тогда было время. Разница в возрасте все-таки.

* * *

Был такой литературный критик – Владимир Барлас. По профессии он был, если не ошибаюсь, геолог. Но, влюбленный в поэзию, бредивший стихами, он стал писать статьи о своих любимых поэтах, и постепенно это его хобби стало профессией. Его даже приняли в Союз писателей.

Время от времени мы с ним встречались и разговаривали. Иногда спорили. Бывало, часами. И вот однажды, когда очередная такая наша поэтическая встреча сильно затянулась, я хватился, что меня давно уже ждут друзья.

– Да, мне тоже уже пора, – сказал Барлас, озабоченно взглянув на часы.

Мы вместе вышли, вместе спустились в метро, вместе доехали от моего «Аэропорта» до «Маяковской», продолжая какой-то наш бесконечный, не сегодня начавшийся спор.

Выйдя из метро, я спросил:

– А вы куда?

Спросил в том смысле, что, если нам и дальше по пути, мы, может быть, сможем перекинуться еще парочкой-другой аргументов в нашем затянувшемся споре.

Барлас ответил:

– Я – в Союз. Там сегодня закрытие сети партийного просвещения. Последнее занятие.

Ответ этот меня изумил. Среди моих знакомых не было, кажется, ни одного, кто ходил бы на эти казенные лекции и семинары. Но Владимир Яковлевич Барлас, пожалуй, даже менее, чем кто-либо другой из всех моих друзей и приятелей, был похож на человека, которого можно было бы заманить «под своды таких богаделен».

– Вы в самом деле ходите на эти занятия? – не удержался я.

Он сухо ответил:

– Хожу.

– Зачем? – спросил я, искренне желая понять эту загадку. Черт его знает! Может, там, на этих партийных семинарах, и впрямь бывает что-то интересное? А может, ему интересны члены Союза писателей, посещающие эти занятия? Для меня это привычная и мало привлекательная, а для него все-таки совсем новая, незнакомая ему среда.

Но ответ Барласа на мой бестактный вопрос лежал, как оказалось, совсем в иной плоскости.

– Бенедикт Михайлович, – тихо сказал он. – Сколько вам было лет в тридцать седьмом году?

Я сказал:

– Десять.

– А мне – двадцать...

Дело было вечером, спорить было нечего.

Мы молча пожали друг другу руки и разошлись в разные стороны. Я – по своим делам, уж не помню сейчас куда. А он – в Союз писателей, на последнее в том сезоне занятие сети партийного просвещения.

* * *

Между Беллой и мной разница в возрасте была такая же, как между мной и Барласом.

Она в тридцать седьмом родилась. А я к тому времени уже целых десять лет жил на свете. Немного, конечно. Но я дышал тем воздухом и, как ни был мал, кое-что о том времени знал не понаслышке.

Немудрено, что к «предательству» Виктора Борисовича я относился гораздо терпимее, чем она.

...Написал я сейчас эту фразу и вдруг сообразил, что тот грубый выпад юной Беллы против Шкловского, скорее всего, был вызван не тем, давним, о котором она, быть может, знать не знала и ведать не ведала, а совсем другим, гораздо более свежим его грехопадением.

Осенью 1958 года, когда разразилось «землетрясение», вызванное присуждением Нобелевской премии Борису Пастернаку, Виктор Борисович был в Ялте.

Услыхав по радио радостную весть (это было еще «до землетрясения», до самого первого его толчка), он и живший в том же ялтинском Доме творчества Илья Сельвинский решили поздравить товарища, удостоившегося самой высокой, какая только есть в мире, литературной награды.

У Шкловского с Пастернаком отношения были давние, еще с ранних футуристических, а потом и лефовских времен. А Сельвинский числил Бориса Леонидовича в ряду главных своих поэтических кумиров. В написанном во время войны стихотворном своем признании в любви к России так прямо и написал:

Èpáëp áâèèèèé ðáññèé ñòèã

Àùá í á í í ÿ ò ú é, í á í á è í,

È áññ ò ó: è ò á è á é ññ è õ -

Í ò Í ó è è í à áñ Í áñ ò á ð í à è à

И.Л. Сельвинский:

«Вы сформулируйте вашу мысль, товарищ Сталин, а я выражу ее своими словами»

Поделившись друг с другом радостной вестью, они вдвоем отправились на почту и отбили Борису Леонидовичу телеграмму, в которой от души поздравляли его с заслуженной высокой наградой.

А наутро разразилось «землетрясение».

Пришли газеты, из которых они узнали, что литературная общественность, а с нею и весь советский народ гневно осуждают отщепенца, продавшего свое перо империалистам.

Выяснилось, таким образом, что вся рота шагает в ногу, и только один прапорщик (в данном случае – два прапорщика) шагают не в ногу.

Допущенную роковую ошибку надо было срочно исправлять.

А как?

Шкловский и Сельвинский не придумали ничего лучшего, как побежать в местную, ялтинскую «Курортную газету» и опубликовать там «Письмо в редакцию», в котором спешно присоединяли свои голоса к голосам товарищей, дружно клеймящих предателя, пробравшегося в их стройные ряды.

Участие Виктора Борисовича в той развязанной начальством идеологической кампании как будто тем и ограничилось. Чего нельзя сказать о втором участнике этой постыдной эскапады. Вернувшись из Ялты в Москву, он продолжал клеймить Пастернака – то в прозе, то в стихах. И даже когда кампания давно уже пошла на убыль, опубликовал в «Огоньке» обращенное к Борису Леонидовичу стихотворение, начинавшееся строкой: «А вы, поэт, ласкаемый врагом!..»

Этот его подвиг был отмечен блистательной эпиграммой, истинной жемчужиной тогдашнего нашего «интеллигентского фольклора».

Тексту ее предшествовали два эпиграфа:

...âñîõ ó:è ò äëäé ì îèõ -

Î ò Î óøééí à äñ Î àñò àñí àéà!

(Из старых стихов И. С.)

× äëî ää: üä óí òñò è è ý ñ: àñò üä

Î á çàäèè í è îäí îäñ äñ çÿÿ.

(Из новых стихов И. С.)

А сама эпиграмма звучала так:

Âñ ì î çàäè - è ñëääè, è îí àéà,

Î ñò à è è ñ ñ ç à è ñ ò ù è ò à ÿ ç è ñ ò ù ..

È ñ ñ à ò ñ è ñ à ó : è ò à è ÿ ð à ñ ÿ è à ,

Î ð è ø è è è À ù - ç à è è ò ù ñ ñ è ñ à ð à ñ è ñ ñ ç à ù

М.М. Зощенко:

«Я не верю, что искусство сейчас возможно»

Назвав этот текст произведением «интеллигентского фольклора», я слегка погрешил против истины. Фольклором ведь мы именуем обычно произведения, автор которых остался неизвестным. Что же касается автора этого маленького шедевра, то им был человек хорошо мне известный – добрый мой приятель Миша (Михаил Львович) Левин. К стыду моих коллег, не литератор, а ученый, физик.

Вернусь, однако, к Виктору Борисовичу.

Его участие в антипастернаковской кампании, как я уже сказал, ограничилось только тем постыдным письмом в редакцию «Курортной газеты». Да и было оно, в сущности, вынужденным. (Так, во всяком случае, ему это представлялось: «Когда мы уступаем дорогу автобусу...») Но даже и это, не самое активное соучастие во всенародной травле несчастного поэта наверняка время от времени томило его угрызениями совести.

Как-то во время одной из наших вечерних дачных посиделок зашла у нас – сейчас уж не помню, в какой связи, – речь о Пастернаке.

И Виктор Борисович вдруг задумчиво сказал:

– Да, с Борей мы поступили нехорошо. Неправильно.

– Виктор Борисович! Почему вы говорите «мы»? – удивилась моя жена.

Это ее удивление было искренним, я бы даже сказал – простодушным: про тот его ялтинский подвиг она ничего не знала.

Поскольку она нечаянно, сама о том не подозревая, наступила ему на «любимую мозоль», я сразу понял, что эта невольно допущенная ею неловкость даром нам не пройдет.

Но реакция Виктора Борисовича оказалась совершенно непредсказуемой.

– Я никогда не был внутренним эмигрантом! – вдруг заревел он своим «голосом Дантона».

Ничего не понимающая моя жена испуганно молчала. Испуганно молчала и Сима (Серафима Густавовна). Она была бледна и, как мне показалось, была напугана этим внезапным взрывом даже больше, чем непосредственная его виновница: наверно, лучше, чем мы с женой, знала, каков ее Витя в гневе, и боялась, как бы этот его гнев не обрушился и на нее.

Я тоже на некоторое время лишился дара речи. Но, уловив момент, все-таки прорвался сквозь Дантонов рев Виктора Борисовича первой пришедшей мне на ум умиротворяющей фразой:

– Успокойтесь, Виктор Борисович, – сказал я. – Мы знаем, что вы никогда не были внутренним эмигрантом. Вы были внешним.

Эта незатейливая шутка неожиданно его отрезвила: что-что, а юмор он чувствовал хорошо.

В общем, он постепенно остыл, и вечер закончился вполне мирно.

ВОЙСКО ДАВИДОВО»: ЛЮБАВИЧСКАЯ ЕШИВА «ТОМХЕЙ ТМИМИМ» НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ

Еשיׁת עײשׂתא

В праздник Симхат Тора 1900 года пятый лидер любавичских хасидов рабби Шалом-Дов-Бер Шнеерсон (1860–1920) обратился к своей пастве с драматической проповедью, основывавшейся на талмудическом речении: «Всякий, идущий на войну Дома Давида, оставляет разводное письмо своей жене» (Нашим, 9б).

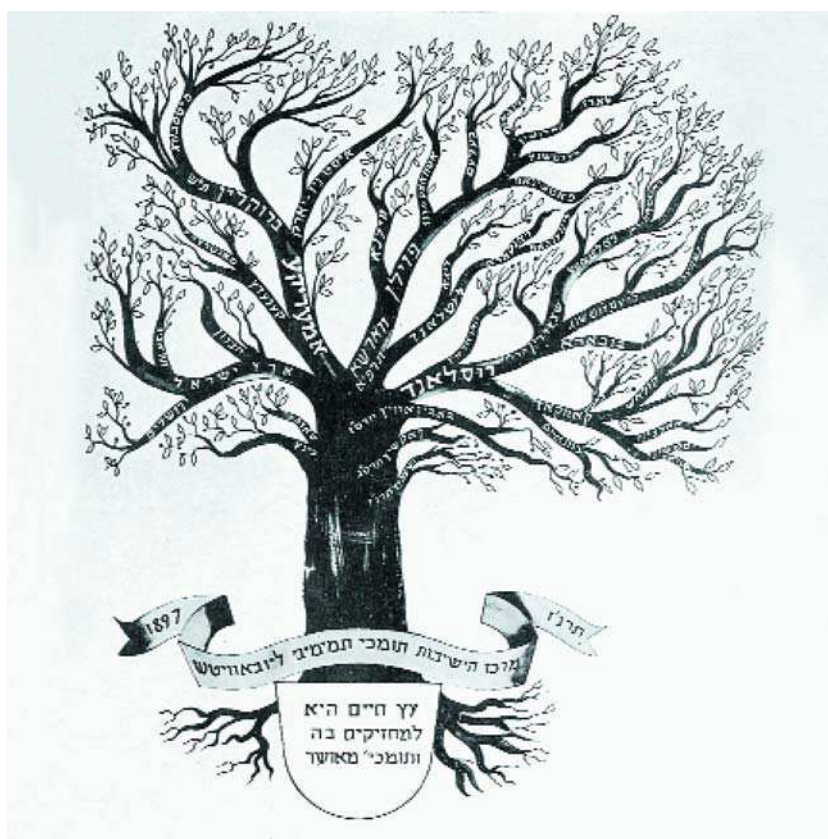

Схема ешив – филиалов «Томхей тмимим», открывшихся по всему миру.

Рабби говорил о грядущей войне с врагами Г-сподними, на которую выйдет Войско Давидово в канун прихода Мессии-избавителя. Война эта, можно сказать, уже началась и ведется за самую суть иудаизма. Под врагами Г-сподними рабби подразумевал просвещенные и модернизированные круги, которые к началу XX века заняли прочные позиции в еврейском обществе и создали ряд влиятельных идеологических систем, бросивших вызов традиционным устоям. А роль спасителей традиции, самоотверженных солдат Войска Давида, дающих «развод» материальным благам и комфорту, была предназначена ученикам созданной им за три года до этого ешивы «Томхей тмимим». Таким образом, Шалом-Дов-Бер позиционировал на карте еврейского общества новую

идеологически сплоченную силу, которой, как он считал, суждено было определить облик всего еврейства Российской империи.

Что представляла собой эта сила и каким образом она формировалась в стенах хасидской ешивы «Томхей тмимим?»

1. ХАСИДСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

Как ни странно это может показаться сегодня, но в еврейском обществе Восточной Европы, где еще в конце XVIII столетия хасидское движение получило столь широкое распространение, вплоть до конца XIX века не существовало никаких особых учебных заведений, в которых подрастающее поколение хасидов приобщалось бы к идейным основам хасидизма.

Дети из хасидских семей учились в обычных хедерах и ешивах, и даже если меламед или глава ешивы были хасидами, это никак не сказывалось на программе или системе обучения, сохранявших свой вполне традиционный облик на протяжении многих поколений.

Это, конечно, не означало, что дети были совершенно изолированы от какого-либо контакта с хасидским учением. Наоборот: особые отношения между хасидами, их ритуалы и обычаи, рассказы о чудесах, которые совершали святые праведники (цадики), оказывали огромное влияние на формирование внутреннего мира ребенка и его хасидской самоидентификации. Но этот процесс не носил формального характера. Пока семья и непосредственное окружение ребенка играли основную роль в его образовании, в такой системе не ощущалось никакого изъяна: в хедере и бейт мидраше приобретались начатки торанического знания, а хасидские верования воспринимались непосредственно в общении с членами семьи и людьми своего круга. Однако когда в результате процессов модернизации в еврейском обществе местные общинные институты образования утратили свою былую привлекательность и наряду с ними появились современные школы нового типа, ситуация принципиально изменилась. Часть молодежи устремилась в новые учебные заведения, которые пестовали совсем иную систему ценностей, и таким образом вышла из-под контроля хасидского окружения. Но даже те молодые люди, которые стремились к традиционному образованию, зачастую не получали удовлетворения от учебы в местных ешивах и бейт мидрашах и направляли свои взоры к большим литовским ешивам (в Воложине, Тельши, Минске и др.), ставшим во второй половине XIX века флагманами еврейского традиционного образования.

Историк и публицист Пинхас Марек, командированный ОПЕ в 1901 году в белорусские губернии, чтобы оценить там уровень еврейского образования, писал, что в большинстве ешив региона учатся мальчики 12–14 лет (а не 15-летние, как ранее), в основном иногородние. Они ночуют на скамьях бейт мидрашей, столуются у обывателей и редко сидят больше года в одном месте. Их карьерные перспективы туманны, и они редко поднимаются выше должности служки или меламеда. Наиболее одаренные из детей идут затем в литовские ешивы и только тогда могут рассчитывать на раввинскую ординацию^[1]. Понятно, что в элитарных институтах литовской учености терялась или ослабевала первоначальная хасидская идентичность учеников^[2].

Эти процессы, по всей видимости, были характерны для всех хасидских регионов черты оседлости, но особенной силы они достигли в тех областях, где хасидские общины приходили в непосредственное соприкосновение с литовской ученостью: в белорусских и малороссийских губерниях, являвшихся главной базой любавичского

хасидизма. Таким образом, к концу XIX века в хабадском обществе стала ощущаться постепенная «литаизация» представителей ученой элиты, что, вне всякого сомнения, должно было восприниматься как реальная угроза сохранности коренной религиозной культуры, базировавшейся на столетней традиции Хабада.

Ощущение угрожающей новому поколению опасности исходило и из другого источника. В 1896 году влиятельное объединение еврейских просветителей-маскилим – Общество для распространения просвещения между евреями в России (ОПЕ), до того не проявлявшее особого интереса к еврейскому начальному образованию, выступило с инициативой по оказанию широкой поддержки еврейским школам нового типа, которые открывались в городах и местечках черты оседлости. В рамках этой инициативы активисты Общества вступали в контакт с местными просвещенными кругами, чтобы подготовить почву для сотрудничества в деле образования, стимулировать создание новых школ на местах и оказать им необходимую поддержку. Весной 1897 года началась подготовка к созданию такой школы и в Любавичах, заповедном месте хасидского движения Хабад^[3].

2. РОЖДЕНИЕ ЕШИВЫ

В этих обстоятельствах – и в непосредственной связи с ними – Шалом-Дов-Бер предпринимает беспрецедентный шаг в истории хасидского движения. В конце лета 1897 года он объявляет о создании ешивы, в которой будут систематически изучаться Алаха и хасидизм под руководством старейших хасидов. Предложенная любавичским цади́ком модель означала появление принципиально нового института образования, который должен был упорядочить и стабилизировать процесс формирования ученой элиты, обладающей выраженной хасидской (а точнее, любавичской) идентичностью.

На первом этапе реализации этого плана были отобраны 18 учеников, которых отослали в город Зембин Минской губернии, где шефство над ними взял Шмуэль-Гронем Остерман, один из старейших любавичских хасидов, известный своими познаниями в наследии Хабада. Первое время ешива не слишком выделялась в социальном ландшафте любавичского хасидизма. Практика отсылки небольших групп молодежи на обучение к заслуженным членам движения существовала в пастырской деятельности любавичских цади́ков и ранее. По всей видимости, рабби Шалом-Дов-Бер еще сам не был уверен в успехе своего начинания и поэтому хотел воспользоваться знакомой схемой для проведения эксперимента, причем сделать это подальше от своего двора. Но по прошествии года, когда стало ясно, что эксперимент удался, в самих Любавичах открылся филиал ешивы и вокруг него стал формироваться целый административный аппарат. Его возглавил сын цади́ка, рабби Йосеф-Ицхак, тогда еще молодой человек 18 лет, назначенный отцом на должность «исполнительного директора» (менаэль позль). В подчинении рабби Йосефа-Ицхака был преподавательский состав, секретари, посланцы ешивы в общинах, бухгалтеры, служки и т. п. Новый образовательный институт стремительно разрастался: помимо двух центров ешивы в Любавичах и Зембине один за другим открывались филиалы в Городище, Невеле, Докшицах, Щедрине, а в 1911 году был основан особый в своем роде филиал любавичской ешивы в Хевроне. Для поддержания деятельности всей этой сложной системы был создан коллегиальный орган, куда вошли видные хасиды и представители хабадской финансовой элиты. Он получил название «Общество Поддерживающих Праведных» («Хеврат Томхей тмимим»), и в соответствии с этим сама ешива стала называться «Томхей тмимим», а ее студенты – «тмимим». В 1910 году во всех подразделениях ешивы в России училось около 300 студентов.

3. ИДЕЙНЫЕ ОСНОВЫ ЕШИВЫ

Следует отметить, что цели, поставленные рабби Шаломом-Дов-Бером перед созданным им новым хасидским институтом, с самого начала его существования выходили далеко за рамки непосредственной нужды в углублении и укреплении системы образования в хасидском обществе. При помощи ешивы хабадский лидер хотел произвести настоящий переворот в жизни своей паствы, а может быть – и в жизни всего еврейского традиционного общества.

Рабби Шалом-Дов-Бер Шнеерсон.

Осенью 1897 года, убеждая своих последователей в необходимости создания ешивы нового типа, рабби Шалом-Дов-Бер говорил:

Верно то, что нынешняя ситуация смущает умы, замораживает кровь в жилах и приводит к неверию в возможность какого-либо улучшения. Но, в то время как вы возлагаете всю вину поколения на прогрессивную молодежь, я усматриваю корень зла в общем застое, царящем во всех областях иудаизма. Страшный холод и лед, сковавший мир Торы и заповедей, породил мрак в этом поколении, семимильными шагами идущем к бездне свободы и вольнодумству....

<Современный религиозный еврей> остерегается нарушать запреты и заботится о соблюдении заповедей, все делает в свое время и согласно требованиям Торы, но нет во всем этом и тени чувства. Все окоченело. Сердце его отдано заботам о мирских благах и повседневной жизни, и стремление к пользе охватило его со всех сторон. И что остается делать молодежи, детям этого поколения? Там, где нет Б-жественного чувства, материализм подчиняет себе весь внутренний мир человека. Там, где Тора и заповеди не являются смыслом жизни и ее назначением, <люди будут> искать другой смысл и другое назначение – на рынке, в школах и т. п. Что даст им тогда ешива и учеба в ней, если глубоко в их сердцах укоренилось стремление к материальному^[4].

Мрачная ситуация, сложившаяся в еврейском традиционном обществе, вызвана, таким образом, вовсе не отсутствием ешив. Корень проблемы глубже: сама еврейская религиозная традиция потеряла свою жизненную силу и не может предложить молодежи притягательную систему ценностей и идеалов, которая смогла бы противостоять современным материалистическим и прагматическим настроениям.

В этих условиях обычные ешивы, утверждает цадик, не в состоянии сдерживать угрожающие традиционному обществу разрушительные тенденции, потому что они не затрагивают внутреннего мира человека^[5]. Здесь нужно действовать иначе:

Я не предлагаю создать еще одну ешиву в дополнение к уже существующим. Не ешив нам не хватает – благодарение Всевышнему, наш народ богат ешивами и домами учения. Не хватает нам воспитания, именно в этом ощущается недостаток в народе нашем в последнее время...^[6]

Именно этот недостаток и должна была восполнить ешива «Томхей тмимим».

Шалом-Дов-Бер открыто выступил против традиционного этоса учености, абсолютизирующего процесс приобретения торанического знания, и провозгласил иной педагогический идеал: не образование, а воспитание, т. е. забота о формировании внутреннего мира молодого человека. Главным инструментом такого воспитания должно было стать усвоение внутреннего смысла Торы в соответствии с учением хасидизма^[7]. Таким образом, хасидизм как религиозно-мистическая концепция приобрел новые социальные функции: он становится средством обновления традиционного общества и главным фактором, сдерживающим разрушительное влияние современности.

4. СТРУКТУРА ЕШИВЫ

Новая социально-педагогическая концепция, предложенная Ребе, во многом определила внутреннюю структуру ешивы «Томхей тмимим» и ее функционирование. Как было сказано выше, уже со второго года своего существования ешива функционировала в двух центрах – Зембине и Любавичах. Управление ими было поручено двум ветеранам движения Хабад, приближенным к любавичскому двору (Ш.-Г. Остерман в Зембине и Х.-Г. Кугель в Любавичах). Для определения их функций использовался распространенный в Хабаде термин «машпиа»: так называли в XIX веке посланников двора, разъезжавших по хасидским общинам и проповедовавших учение цадика. Теперь этот термин приобретает иное значение: «машпиа» в ешиве должен был наставлять учащихся в служении Б-гу в соответствии с принципами хасидского учения и следить за их учебной и образной жизни. Собственно изучение Гемары, занимавшее, как в любой ешиве, большую часть учебного дня, осуществлялось студентами самостоятельно.

Со стабилизацией учебного процесса и ростом числа учащихся возникла необходимость в структурных изменениях ешивы и расширении ее преподавательского состава. На должность директора ешивы назначается сын цадика рабби Йосеф-Ицхак, и, помимо административных функций, в его полномочия входит общий надзор за деятельностью машпим и за самим процессом обучения, а также поддержание непосредственного контакта с учащимися и наставление их как в учебной, так и в духовной сфере^[8].

Эти три должности, необходимые для контроля за воспитанием учащихся и приобщением их к миру хасидизма, отсутствовали в структуре традиционной ешивы, и их появление было непосредственно связано с новыми педагогическими ориентирами, объявленными рабби Шаломом-Дов-Бером. Более того, в иерархической трехчастной системе управления учебным процессом отсутствовала традиционная статусная должность раввина – глава ешивы («рош метивта»), который регулярно дает учащимся урок Гемары и Алахи и являет собой воплощение идеалов учености. Правда, в 1899 году вводится должность «машпиах» («надзиратель»), которая в какой-то мере явилась параллелью традиционной главы ешивы. Машпиах был ученым-талмудистом, который

вел фронтальные занятия Гемарой и занимал второе после директора место во внутренней иерархии. Однако главной его функцией, широко обсуждавшейся в переписке между рабби Шаломом-Дов-Бером и его сыном, была кропотливая наставническая работа с учениками. Машгиах должен был следить за продвижением своих подопечных, подтягивать отстающих, разрабатывать особый подход к каждому из учеников в соответствии с его индивидуальными качествами, с тем чтобы оказать на него наиболее эффективное влияние^[9].

Следует особо подчеркнуть: новаторский характер ешивы не был связан с изменением главного содержания учебного процесса – изучением Талмуда и Алахи. Этому по-прежнему была посвящена большая часть дня. Главным новшеством стало введение в программу изучения хасидских текстов (по два часа утром и вечером) и установление особенно тесного контакта между преподавателями и учениками. Понятно, что ключевую роль в этом играли машпиим, и их число естественным образом росло вместе с расширением ешивы, так чтобы к каждому из них прикреплялась небольшая группа студентов^[10].

Педагогические функции самих лидеров – Шалома-Дов-Бера и Йосефа-Ицхака – не были сколько-нибудь четко определены. Однако стремление создать иерархический механизм обучения, в котором главную роль играет дисциплина и контроль, естественным образом требовало от них участия в самом учебном процессе. Это участие проявлялось как в преподавании, так и в личном наставничестве. С самого начала своей деятельности директор поддерживал личный контакт со студентами и обсуждал проблемы каждого из них со своим отцом. Когда оба лидера находились в отъезде (что случалось нередко из-за их активной общественной деятельности и слабого здоровья цадика) машпиим и машгиах посылали им подробные еженедельные отчеты о происходящем в Любавичах^[11]. Шалом-Дов-Бер, в свою очередь, давал персоналу ешивы четкие указания и инструкции как в отношении учебного процесса в целом, так и в отношении воспитания конкретных учеников^[12].

Важнейшим каналом участия цадика в формировании внутреннего мира тмимим были его проповеди – «слова Б-га живого» по хасидскому определению. Когда рабби Шалом-Дов-Бер находился в Любавичах, он проповедовал перед своими учениками и приезжими хасидами по субботам, и эти проповеди сразу же становились предметом изучения студентов под руководством своих наставников. Кроме того, Шалом-Дов-Бер издавал иногда специальные методички – «кунтресы» – по вопросам учебы и служения, которые были непосредственно адресованы студентам.

5. ПРИНЦИПЫ ОБУЧЕНИЯ В ЕШИВЕ

Главной задачей ешивы «Томхей тмимим» было формирование хасида нового типа, осознающего свою миссию, готового бросить вызов порокам современного общества и повлиять на свое непосредственное социальное окружение. Для того чтобы решить эту задачу, в рамках ешивы внедрялись новые методы воспитания и обучения молодежи, которые основывались на жесткой дисциплине и контроле за студентами. Шалом-Дов-Бер обосновывал такой подход обилием соблазнов и опасностей, подстерегающих юные души в современном мире. Но, помимо этого, требование беспрекословного подчинения учеников своим наставникам напрямую было связано с особым характером образования, которое предлагала ешива. Если бы речь шла о рационально-прагматическом подходе, ориентированном на приобретение учениками определенных знаний и представлений, можно было бы опираться на добрую волю и здравый смысл самих учеников, как это и было принято в литовских ешивах. Однако в

любовичской ешиве царил иной дух: дух «тотального образования», которое затрагивает глубинные пласты душевного строя учеников и способствует их духовному перерождению. В такой ситуации нельзя доверять силам самих учеников и нагрузка ложится на наставников.

Однако успех деятельности наставника зависел не только от глубины его проникновения во внутренний мир учеников, но и от степени изоляции последних от внешнего мира. Поэтому, в отличие от принятого в других местах, тмимим – по крайней мере, в первые годы обучения – не покидали ешиву даже для кратковременной побывки дома в праздники. Рабби Шалом-Дов-Бер не только не полагался на собственные силы и мотивацию учеников – он не доверял и их семьям. Еврейская семья в новых условиях, сложившихся в конце XIX – начале XX века, больше не являлась надежным убежищем для утверждения традиционных ценностей и приоритетов в душе подростка, и цадик стремился заменить ее особым идеологическим братством – типа «святого братства» первых хасидов. Типологически разработанная рабби Шаломом-Дов-Бером модель напоминала орден, члены которого с раннего возраста изолируются от отчего дома и внешнего мира и оказываются в абсолютном подчинении наставников и их харизматического лидера.

יְהוָה אֱלֹהֵינוּ

^[1] Недельная хроника «Восхода». 1902. № 19. С. 38.

^[2] О литовских ешивах XIX века см.: Ш. Штампфер. Формирование литовской ешивы. Иерусалим, 2005 (на иврите); Литовская ешива. Отрывки из воспоминаний / Ред. И. Эткес, Ш. Тикочинский. Иерусалим, 2004 (на иврите).

^[3] Отчет ОПЕ за 1896 год. СПб., 1897. С. 9–12.

^[4] См.: М. Розенблюм. История «тмимим» // Керем Хабад. 1987. № 3. С. 11–14 (на иврите).

^[5] См. критическую оценку Шаломом-Дов-Бером литовских ешив: Священные послания нашего учителя Моаршаба. Нью-Йорк, 1986 (далее: Моаршаб. Письма). Т. 1. С. 212 (на иврите).

^[6] М. Розенблюм. С. 11–12.

^[7] Ш.-Д.-Б. Шнеерсон. Кунтрес «Древо жизни». Иерусалим, 1974. С. 50.

^[8] М. Розенблюм. С. 17; Моаршаб. Письма. Т. 1. С. 93–94.

^[9] Моаршаб. Письма. Т. 1. С. 219–220, 227–229.

^[10] Там же. С. 257; Т. 3. С. 246.

^[11] См. Розенблюм. С. 19; Ш.-З. Гавелин. Машпиа. Иерусалим, 1982. С. 43 (на иврите).

^[12] См. Моаршаб. Письма. Т. 1. С. 205–206, 255–259; Т. 3. С. 51, 93–94; Розенблюм. С. 19–22.

ЖАНДАРМ И ЦАДИКИ

Капитан Васильев в поисках российского Бар-Кохбы

יְהוּדָיִם וְיֵצֵעֵי אֵל

Еврейское население черты оседлости в первой половине XIX века представлялось сторонним наблюдателям из среды российской администрации непонятным, чуждым и опасным. Подозрения властей были во многом обусловлены своеобразным устройством еврейского общества, не имевшего четкой иерархической структуры, которая соответствовала бы модели централизованного абсолютистского государства. С установкой на унификацию подданных были связаны и меры насильственного «исправления» евреев, благодаря которым эпоха Николая I справедливо определялась еврейской исторической памятью, а затем историографией как время гонений и бедствий. «Либеральные» колебания предшествующего периода, ознаменованного попытками наладить сотрудничество с еврейской элитой, сменились жестким административным давлением. Российские бюрократы, видимо, полагали, что обманутая в своих ожиданиях еврейская верхушка может предпринять определенные действия против властей. Они были убеждены в существовании тайной организации, якобы объединявшей всех евреев империи и представлявшей потенциальную угрозу ее благополучию.

В проекте, поданном Николаю I в 1835 году, вскоре после издания нового «Положения о евреях», прямо указывалось на угрозу появления опасного «самозванца», «нового Бар-Кохбы», способного поднять еврейский народ на открытое выступление против имперской власти. Источником потенциальной опасности в проекте объявлялась хасидская среда: «беспреданно вновь рождающиеся секты евреев, одна другой хуже и изуверственнее вследствие их невидимого никому брожения в темноте»¹¹.

АМАН В «ЛАЗОРЕВОМ» МУНДИРЕ

Автор проекта, капитан корпуса жандармов А. Васильев был одним из инициаторов печально знаменитого «Славутского дела» по обвинению типографов братьев Шапиро в убийстве переплетчика Лейзера Протагаина за донос. А. Васильев, по-видимому, происходивший из мелких дворян, был произведен в капитаны за отличие при штурме Варшавы российскими войсками в ходе польского восстания 1830–1831 годов. Последствия ранений заставили его перейти на куда менее почетную службу в корпусе жандармов, где он состоял «для особых поручений» при шефе жандармов А.Х. Бенкендорфе. Однако честолюбие капитана не было удовлетворено: «не грустно ли же истинно ревностному, истинно трудящемуся для блага Отечества видеть себя опереженным по службе людьми, коих вся жизнь – ничто», – жаловался он. Случай выслужиться перед начальством представился Васильеву в 1834 году, когда он был командирован в местечко Староконстантинов для расследования доносов местных священников о якобы имевшем место ритуальном истязании евреями пятилетнего мальчика Мервицкого.

Свое первое столкновение с евреем капитан описывает следующим образом: «Взгляните на еврея, когда он, по обыкновению незванный, входит в комнату новоприезжего, чувствуя, что подвергает себя воле незнакомого, быть может, вспыльчивого, человека, зная, что руки, карманы и все платье его наполнены вещами

обманными – золотом, камнями подделанными, материями контрабандными или гнилыми – с первого шага он подозрительно осматривается, рассчитывает на случай побега положение выходных дверей, потом, согнувшись, притряхивая ермолкою и униженно кланяясь, приближается, почти подползает понемногу...»

Вошедший оказался староконстантиновским раввином Мойзманом. Последовавший разговор был, по словам Васильева, коротким и резким: «Мойзман как еврей предлагал деньги, я, как дворянин и офицер корпуса жандармов, побранил его за предложение».

Расследование, между тем (вероятно, не без соответствующих указаний высокого начальства), приняло неблагоприятный для евреев оборот. Мальчик, «со всем простодушием детства» рассказывал, как евреи заманили его в хату коржиками и булками и сделали несколько надрезов на коже. Нетрудно узнать в этих «показаниях» пересказ распространенных в тех местах страшных сказок, которыми пугали христианских детей. Васильев же пришел к выводу, что «изуверственное кроводобывание» было произведено евреями с ведома кагала, однако конкретных «преступников» не обнаружил. Капитан также обвинял евреев соседней Славуты в том, что они якобы отрезали язык двадцатилетнему крестьянину, и поддержал выступление местного священника, обвинившего типографов братьев Шапиро в убийстве работника типографии Л. Протагаина. Так было положено начало «Славутскому делу»^[2].

Васильев, по его словам, возлагал большие надежды на реформу, готовившуюся на тот момент Еврейским комитетом, учрежденным еще при Александре I для подготовки нового «Положения о евреях» взамен старого «Положения» 1804 года^[3]. Новый закон должен был привести к «исправлению» еврейских «пороков». Однако, ознакомившись с текстом «Положения о евреях» 1835 года^[4], сводившегося к подтверждению старых репрессивных мер и дополнительной мелочной регламентации (по выражению капитана, «подтверждение уже данных, но до сих пор худо наблюдаемых правил»), Васильев пришел к выводу, что ему следует представить императору свой проект реформы. Значительную часть проекта занимало описание современного автору состояния еврейского общества.

ЕВРЕЙ ОБРАЗЦА 1835 ГОДА

Наблюдения Васильева местами принимали почти художественную форму. Таково, к примеру, описание распорядка дня «среднестатистического» еврея того времени: «Утром выходит еврей, предлагая каждому свои услуги, он готов на все: и быть вожатым (проводником. – О. М.), и шпионить, и бегать на посылках, и все за злотый в сутки. Получа его, бежит за заставу, где покупает, часто с помощью крика и почти при насильственной помощи своих единоверцев от мужика, везущего что бы то ни было на продажу в местечко, и опять с помощью других голодных братий продает на площади с выгодой нескольких грошей, и этим живет – и как живет, питаясь часто одним хлебом и чесноком». Но даже бедняки, наподобие описанного здесь мелкого торговца, стремились к изучению Торы. Это явление также (и крайне неодобрительно) изображено в проекте капитана: получив небольшую прибыль, которая позволит ему несколько дней не думать о хлебе насущном, еврей «не пойдет работать: он целые дни сидит за своим Талмудом, тешит себя самыми глупейшими сказками, например, описанием жирности гусей, живущих где-то в ожидании Мессии, который в день пришествия сделает из них обед для верных закону своему израильтян или наполняет свое воображение изуверственною злостью к иноверцам». К проявлениям этой «злощости» капитан отнес даже эрув – символическое ограждение еврейских дворов, позволяющие переносить вещи в субботу.

Согласно трактовке капитана, евреи, приравнивая всех неевреев к свиньям, «отгораживают улицы и дома свои от христиан веревками».

От Васильева не укрылось и разделение еврейского общества на две основные группы – шейне (идиш «красивые») и просте идн. Основными признаками принадлежности к элите в традиционном обществе выступали родовитость, традиционная ученость и богатство. Приведенное выше описание еврея относится к тому, «что зовется народом, чернью, – взгляните же теперь на высшее сословие евреев, на их так называемых ученых, вмещающих в себе раввинов, мудрецов или умников и тех, кои, не занимаясь сами торговлею, пользуются избытком, составленным отцами их, – я уже употребил все средства, чтобы обратить на них внимание правительства». Поскольку, согласно трафаретной полицейской логике, «не народы развращают народы, а явные и тайные пропагандисты от них», капитан Васильев рекомендовал власти обратить особое внимание на духовных лидеров еврейства: хасидских цадиков.

Еврейская семья.

Рисунок 1840-х годов. Россия.

ГЛАВНЫЕ ПОДОЗРЕВАЕМЫЕ, ИЛИ ПОРТРЕТ ЧЕТЫРЕХ ЦАДИКОВ

Моисей Шлиомович (имеется в виду рабби Моше-Цви из Саврани [?-1838], влиятельный подольский цадик, противник брацлавского хасидизма) удостоился наиболее пространного и красочного описания: «пятидесяти лет, имеет уже третью жену и много детей», невежествен, «происходит от неизвестных предков», «толст и румян, но выказывает из себя постника. Евреи его обожают, при проездах местечек возят на себе, целуют колеса его кареты, и Моисей Шлиомович мастерски шарлатанствует: дает хартии на дома, защищающие от пожара на один, два и даже три года, разрешает беременность неродящим женщинам, рассылет монеты на благословение для умножения богатства, лечит болезни таинственными словами, написанными на бумаге», «заклинает не только демонов, но и ангелов, даже и тех, кои поставлены стражами над царями». Последнее обстоятельство, очевидно, кажется капитану особенно подозрительным, равно как и то, что веру в магические способности рабби Моше-Цви разделяло и христианское население края, часто прибегавшее к его «шаманству».

Вторым подозреваемым оказался рабби Натан (Нусн) из Немирова, Натан Штернхарц (1780–1845), фигурирующий в проекте Васильева под именем Нахман Гершкович Штырнгерц, ученик рабби Нахмана из Брацлава (1772–1811), возглавивший брацлавских хасидов после его смерти (Васильев ошибочно называет рабби Натана потомком рабби Нахмана). На момент написания проекта рабби Штернхарцу было около пятидесяти лет. По словам капитана Васильева, Штернхарц «волхвует и пророчествует» на могиле рабби Нахмана, и «многие евреи считают его пророчества за несомненный оракул». В отличие от предыдущего цадика, «невежественного» рабби Моше-Цви, рабби Штернхарц характеризуется капитаном как видный ученый.

Третий цадик, тридцатипятилетний рабби Исраэль-Моше Фридман (1797–1850; таким образом, Васильев почти точно определил его возраст), Ружинский цадик (в проекте: «Исруль Шулимович») – «потомок многих раввинов», «однако худо знает и самый Талмуд». Он «шаманствует каббалистикой и очень уважен»^[5]. Отметим, что негативная характеристика, данная Ружинскому цадику капитаном Васильевым, могла учитываться властями в скандальном «ушицком деле», затеянном властями тремя годами позже, в 1838 году. Тогда рабби Исраэля Ружинера (по-видимому, ложно) обвинили в том, что он был замешан в убийстве двух доносчиков. Возможно, в благоприятном исходе этого дела для рабби Исраэля сыграла свою роль высокая его покровительница – жена адмирала А.С. Грейга, Юлия (Лея)^[6].

Последний, четвертый, цадик, рабби Мотл из Чернобыля (рабби Мордхе бен Менахем-Нахум [1770–1837]; в проекте: «Мотель Нахумович»), кстати, уже навлекший на себя гнев российских властей в связи с якобы имевшим место сбором денег на подкуп чиновников в столице для отмены указа о воинской повинности^[7], был, по мнению капитана Васильева, «набожен и глуп, обманывая всех других каббалистикой, кажется, обманывает и самого себя, он весь вдался в гадания, и потому имеет вид мечтающего, в душе же изувер истинный и просвещения не терпит»^[8].

«МСТЯЩИЕ ЕВРЕИ»

Описание еврейской элиты в проекте Васильева совпадает со штампами русской романтической литературы^[9]: «...это изуверы, фанатики, каких, по крайней мере, новая история не представляет, это сумасшедшие, которые, видя разрушающимися все свои вычисления и надежды, вдавшись в полное отчаяние, прибегли к последнему средству невежд: каббалистике и волхвованию, они вспомнили кровавые гадания древних безумцев и стали в них искать открытия будущего»^[10]. Заметно здесь и влияние «романического» слога. Похоже, что капитан был большим охотником до подобной литературной продукции. Восходящие к церковной традиции стереотипы «злостности» и «мстительности» евреев приобретают у бдительного служаки «политический» оттенок. Упомянувшиеся выше якобы имевшие место истязания христиан (мальчика и крестьянского парня, который, кстати, несмотря на отрезанный язык, якобы сумел дать показания против евреев), интерпретировались Васильевым как «каббалистические» ритуалы, направленные на то, чтобы добиться улучшения положения евреев в государстве. Таким образом, Васильев косвенно признавал, что условия, в которые власть поставила евреев, были настолько невыносимыми, что могли довести их до кровавых «безумств».

Еще более опасным, чем жестокие ритуалы, казалась Васильеву потенциальная опасность еврейского заговора и еврейского бунта. Каждый из перечисленных выше цадигов вполне мог принять на себя роль «российского Бар-Кохбы» и «подстрекать народ на противоборство правительству»^[11]. Неудивительно, ведь само слово «хуссид» (т. е.

«хасид», написание слова в проекте близко к произношению, характерному для подольского диалекта идиша), по словам Васильева, означало «почти то же, что иллюминат»^[12]. Иллюминаты являлись одним из ответвлений масонства, казавшегося российским властям крайне подозрительным. Несмотря на то что реальный баварский «Орден иллюминатов» прекратил свое существование в 1780-х годах, сам термин в российском политическом словаре стал обозначать якобы существующую масонскую организацию, которая ставила перед собой целью захват власти в ряде государств^[13]. Примечательно, что характеристика хасидов как еврейских «иллюминатов» присутствовала и в «Мнении о евреях» Г.Р. Державина^[14]. По признанию самого Васильева, ему не был известен ни один проект реформы российского еврейства. Таким образом, высокопоставленный государственный деятель Державин в 1800 году и офицер невысокого ранга Васильев тридцать пять лет спустя независимо друг от друга обнаруживают одинаковые представления о евреях (и о том, как ими управлять), видимо, характерные для всех слоев российской администрации первой половины XIX века.

ПОЛИЦЕЙСКАЯ УТОПИЯ, ИЛИ МЕРЫ ИСПРАВЛЕНИЯ

По мнению Васильева, вместо того чтобы потакать «преступной» деятельности цадиков, российская власть должна была объявить их фактически «вне закона». Следовало учредить по округам подконтрольные власти «Бевсины» (т. е. бейт дин, раввинский суд, – Васильев опять воспроизводит идишское произношение).

Точнее, власти предстояло легализовать уже существующие еврейские «тайные общества», происхождение которых Васильев возводил ко времени разгрома Синедриона царем Иродом. Вопреки крайне негативной трактовке Ирода в христианской традиции (согласно словарю В.И. Даля, «ирод» или, в искаженной форме, «аред» было распространенным русским ругательством того времени) капитан Васильев высоко оценивал его деятельность. Борьбу Ирода с иудейской знатью Васильев описывал в привычных официозных терминах своей эпохи как разгром абсолютным монархом «заговорщиков», разоблачение и уничтожение «тайного общества». Однако «остатки» этого «злонамеренного общества» образовали «секретный “Бевсин”», благополучно переживший все превратности еврейской истории и продолжавший свое существование и в пределах черты оседлости. С таким опасным противником, согласно измышлениям Васильева, и предстояло бороться российской власти. Конечно, лучше всего было бы по примеру Ирода полностью искоренить «тайное судилище». Но, «ежели уже необходимо существование Бевсина, то почему не сделать его гласным, видимым всем, и, следственно, состоящим под бдительным надзором правительства, тогда само зло это может быть обращено на великую пользу и навсегда будет сковано».

Члены «Бевсина» должны были избираться «не из ханжей, не из скакунов – так зовутся в простонародье беснующиеся при молениях евреи (имеются в виду экстатические молитвенные практики хасидов, характерные, к примеру, для последователей, упоминаемых в проекте Чернобыльского цадика и брацлавских хасидов; здесь они уподобляются еще и русской секте “скакунов”. – О. М.), не из изуверов, тревожащих мирность сограждан (как нам уже известно, к этой категории Васильев относил цадиков. – О. М.), и, наконец, не из презрительных бедняков, которые слепо смотрят на волю богатого еврея». Таким образом, ни цадика, ни их ревностные последователи не имели шансов войти в состав подконтрольного государству «Бевсина». Их религиозная деятельность также оказывалась под угрозой, поскольку «тайные самовольные Бевсины и все народные трибуналы (значимое выражение, особенно в устах жандармского офицера, явно намекающего на “революционный” характер этих “сборищ”. – О. М.) будут законно преследоваться уже как преступные собрания,

дерзающие нарушать покой граждан». Следовало учредить институт «великих раввинов», назначавшихся правительством из числа «благонадежных» евреев. При этом раввинские училища объявлялись ненужными и вредными как поддерживающие «антихристианское» учение: «для чего образовывать диспутаторов нашим деревенским попом и соблазнительей простому народу». Недостатки евреев, по мнению Васильева, в значительной степени объяснялись тем, что они «перешли черту образования, нужного народу», – примечательно, что этот вывод Васильев делает на основании данных по региону, мягко говоря, не слышшему среди евреев средоточием учености.

Каббала. Гравюра И. Шора.

Для того чтобы «исправиться», евреи должны были стать простыми земледельцами. Следовало преобразовать местечки в еврейские земледельческие колонии со строгой военной дисциплиной, приравнять большинство еврейского населения к государственным крестьянам, сосредоточить в колониях органы управления евреями, подконтрольный государству раввинский суд (упоминавшийся выше «Бевдин»), книгопечатание и книготорговлю, заставить евреев перейти на общий календарь (при этом «в виде особой милости» «оставить» им Новый год 1 сентября), ввести специальный налог на ношение традиционной еврейской одежды, запретить всю традиционную систему еврейского образования и отправить еврейских детей в казенные школы, где они обучались бы вместе с христианскими детьми, пресечь «вольное и тайное книгопечатание» и уничтожить имеющиеся «вредные книги» (список прилагался)^[15].

Отметим, что некоторые из этих мер были действительно проведены в последующие десятилетия. Уже в 1836 году начались гонения на еврейские книги – те самые, на которые указывал бдительный капитан^[16]. Обрушившиеся на евреев в 1840-х и в первой половине 1850-х годов репрессии против еврейской одежды, отмена кагалов, «разбор» евреев на «полезных» и «бесполезных» – все свидетельствовало о массивной атаке властей на основы еврейских традиционных порядков. Это наступление издавна приписывается еврейскими историками влиянию маскилов, «просвещенных» евреев, обратившихся к содействию властей в своей борьбе против традиционной общины, раввинистической учености, каббалы и хасидизма. Радикальные маскилы действительно периодически представляли николаевской администрации обличительные записки о тлетворном влиянии хасидизма на «нравственность» российских евреев, предоставляли цензурному ведомству списки «вредных» еврейских книг, подлежащих уничтожению. Записки маскилов находили определенную поддержку в правительственных кругах^[17]. Однако можно предположить, что власти были более склонны прислушаться не к обличениям маскилов, а к тем, кто был «глазами и ушами режима», к таким людям, как капитан Васильев. По крайней мере, упомянутые выше

«культурные» реформы выглядели скорее результатом применения обычной практики Третьего отделения, нежели реализацией просвещенческой утопии первых российских маскилов.

^[1] РНБ. Ф. 550. ФП 196. Л. 20, 94.

^[2] РНБ. Ф. 550. ФП 196. Л. 6, 13об.-14, 84, 107об.-108.

^[3] Четвертый Еврейский комитет был учрежден 1 мая 1823 года. В состав комитета вошли министры внутренних дел, финансов, юстиции, духовных дел и народного просвещения; в дополнение к этому «министерскому» комитету 14 февраля 1825 года был учрежден так называемый «директорский комитет», который составили директора департаментов соответствующих министерств.

^[4] Полное собрание законов Российской империи. 2. Т. X. Отделение 1. 8054. 13 апреля 1835 г.

^[5] РНБ. Ф. 550. ФП 196. Л. 11–11 об., 104 об., 50–50 об., 25.

^[6] Подробнее о ней см.: Фельдман Д.З., Минкина О.Ю., Кононова А.Ю. «Прекрасная еврейка» в России XVII–XIX веков: образы и реальность. М., 2007. С. 82–91.

^[7] О еврейском раввине еврее Айзике, собиравшем с евреев деньги для депутатов еврейских, находящихся в Петербурге / Публ., вст. статья и комментарии А.Е. Локшина // Лехаим. 2007. № 8. С. 45–49.

^[8] РНБ. Ф. 550. ФП 196. Л. 26.

^[9] Вайскопф М. Покрывало Моисея. Еврейская тема в эпоху романтизма. М., 2008. С. 158–174; о «каббалистике»: с. 101–111.

^[10] РНБ. Ф. 550. ФП 196. Л. 11 об.

^[11] РНБ. Ф. 550. ФП 196. Л. 29.

^[12] РНБ. Ф. 550. ФП 196. Л. 19.

^[13] Подробнее об этом см.: Гордин Я.А. Мистики и охранители. Дело о масонском заговоре. СПб., 1990.

^[14] Державин Г.Р. Сочинения. СПб., 1876. Т. VII. С. 254. Совпадает также характеристика каббалы как «чародейства и изуверства» и приписывание ритуальных убийств отдельным «фанатикам» (при признании, что иудейское вероучение в целом не требует человеческих жертвоприношений), а также идея централизации управления евреями.

^[15] РНБ. Ф. 550. ФП 196. Л. 26–60; 93–99 об.

^[16] Подробнее об этом см.: Эльяшевич Д.А. Правительственная политика и еврейская печать в России. СПб.; Иерусалим, 1999. С. 176–184. Эти репрессии приписываются Д.А. Эльяшевичем усилиям маскилов. Капитан А. Васильев удостоивается беглого упоминания в связи со «Славутским делом».

^[17] Stanislawski M. Tsar Nicholas I and the Jews. The Transformation of Jewish Society in Russia. 1825–1855. Philadelphia, 1983. P. 63–69; Эльяшевич Д.А. С. 148–156, 164–172; Вайскопф М. С. 261–279.

УЧЕНЫЙ ЕВРЕЙ

Ėāā Āāāī ēēīā

Он был первым евреем, окончившим российский университет, издавшим сборник своих стихотворений на русском языке и ставшим первым переводчиком А.С. Пушкина на иврит. Поэт Осип Манделъштам приходился ему внучатым племянником. Этот еврейский юноша совершил беспрецедентный по тем временам поступок: он покинул отчий дом и отправился в Москву, чтобы учиться в тамошнем университете. По пути в Первопрестольную он встретил кантора, который, узнав о цели его путешествия, спросил: «Зачем вы едете? Вы могли бы быть первым в своем народе, а оставляете все, чтобы быть последним среди ученых христиан». «В Талмуде сказано: будь лучше последним у львов, чем первым у зайцев!» – парировал наш герой. Звали его Леон Иосифович Манделъштам (1819–1889).

Леон Иосифович Манделъштам.

Впрочем, кантор был отнюдь не единственным в иудейской среде, у кого поступок этого молодого человека вызвал, мягко говоря, недоумение. О Леоне сокрушались прежде всего его домочадцы, воспринявшие сей его шаг как отступничество от еврейства. «Отец дал тебе платье, ты его переменяешь, – взывал к беглецу его брат, – мать играла твоими кудрями, ты их срежешь. Ты станешь говорить языком, для нас непонятным, и будешь писать рукою, для нас незнакомою...»^[1]

Между тем Леон – или Арье-Лейб, как он был назван родителями, – происходил из семьи далеко не самой ортодоксальной. Он родился в городе Жагоры Виленской губернии, что располагался на границе с Курляндией. То был важный торговый город с населением в 3 тыс. человек, половину из которых составляли евреи. Отец Леона, Иосиф Манделъштам, был человеком эрудированным и весьма энергичным. Видный купец, он исколесил по торговой надобности Россию, Польшу, Германию; знаток Талмуда и раввинистической книжности, он не был чужд и просветительских идей. Благодаря отцу Леон получил не только традиционное еврейское, но и общее образование, изучал иностранные языки и европейскую литературу. Он овладел, наряду с древнееврейским, немецким и французским языками и даже пробовал свои силы в сочинительстве в духе модного тогда романтического направления.

В шестнадцать лет он стал углубленно заниматься русским языком и освоил его настолько, что по прошествии нескольких лет легко мог писать на нем не только прозу, но и поэзию. При этом он проявил столь завидное владение версификацией, что мог справиться с прихотливой рифмовкой русского сонета. Из своих стихотворных опытов он составил целую рукописную книгу, которую всегда держал при себе.

Чтение литературы Хаскалы и европейского Просвещения очень рано наполняет его решимостью стать защитником и просветителем своего народа, в большинстве своем далекого от современной европейской культуры. Вот какие сокровенные чувства поверяет бумаге двадцатилетний Леон: «Так я стою теперь – дикий, сильный, свободный сын природы, любящий свое отечество и язык родимого края, но несчастный несчастием моих единоверных братьев. Я разгневан на их ожесточение, губящее их способности, но я привязан узами родства и чувства к их бедствиям. Цель моей жизни есть оправдать их перед светом и помочь им удостоиться этого оправдания»^[2].

Жажда самых разносторонних знаний возбуждает в нем желание получить систематическое образование, что было возможным только вдали от родных пенатов, в столичном университете. Накануне отъезда он посвящает своим родным Жагорам такие строки:

Спи, отчий дом, уж бдит твой друг,

Уж бдит твой гений над тобою;

Лишь за тебя ушел он вдруг

В чужую даль, борясь с судьбою;

За вас пошел он в дальний путь,

За вас открыл стрелам он грудь;

И только вы – его награда,

И честь, и слава, и отрада...^[3]

По счастью, «стрелы судьбы» пролетели мимо нашего героя: русская Фортуна к нему явно благоволила. Он приехал в Вильно, чтобы сдать экстерном экзамены за курс губернской гимназии. И не беда, что первая попытка оказалась неудачной, зато вторая дала свои плоды. Вот что писал по этому поводу попечитель Виленского учебного округа ректору Московского университета: «По вторичному испытанию Мандельштама совет Виленской гимназии хотя и не признал за ним сведений соответствующими полному гимназическому курсу, но нашел их, однако же, достаточными для дозволения поступать в университет... Основываясь на этом заключении и приняв в соображение природные способности помянутого Мандельштама, составляющего необыкновенное среди единоверцев своих явление, его любовь к наукам и особенные дарования к языкам и словесности <...> я решился отправить его в Московский университет вольным слушателем»^[4]. По приказу министра народного просвещения графа С.С. Уварова Мандельштам «без дальнейшего испытания» был допущен к слушанию университетских лекций.

Столь благосклонное отношение высших правительственных сфер к юному литератору было вызвано определенной политической конъюнктурой. В 30-х годах XIX века российские власти провозгласили главной своей задачей нравственное и религиозное преобразование еврейской нации, ее сближение с христианским населением империи. А для этого надлежало создать сеть школ и казенных училищ, в которых наряду с традиционными еврейскими дисциплинами преподавались бы предметы общеобразовательные: математика, физика, риторика, география, иностранные языки (и прежде всего, русский), отечественная история, литература и т. д.

Проводить эту реформу в жизнь и стал министр народного просвещения С.С. Уваров. В своих реформаторских усилиях министр делал ставку на просвещенные еврейские круги, однако не найдя в отечестве «русского Мендельсона», привлек к делу просвещения немецкого еврея Макса Лилиенталя^[5]. Можно представить себе, какой сладкой музыкой для его ушей стало неожиданное известие о появлении здесь, в Вильно, своего, русского еврея, стремящегося к высшему образованию! Именным приказом он санкционирует зачисление Мандельштама в Московский, а затем и в Петербургский университет, причем внимательно следит за его академическими успехами.

Будучи натурой сложной, Леон совмещал в себе склонность к наукам с поэтической мечтательностью. По прибытии в первопрестольную он вскоре дебютирует и как сочинитель: издает за счет неизвестного благотворителя книгу «Стихотворения Л.И. Мандельштама» (М., 1840). Это издание интересно уже тем, что является первым поэтическим сборником на русском языке, написанным еврейским автором.

Сохранилось письмо Мандельштама некоему Александру Васильевичу (не он ли спонсировал это издание?), где Леон раскрывает творческий замысел книги, ее цель и читательское назначение. Он говорит здесь о несовершенстве своего творения и просит критиков указать ему на «ошибки в выражениях, в размере, в слоге» и т. д. Но исключительно важен и значим пафос этого произведения. Вот что говорил об этом сам Мандельштам: «Я смотрю на свои стихи как на перевод с еврейского, перевод мысленный и словесный <...>; мрачный мученический призрак духа без тела, так же, как иудаизм, вьется по ходу моего сочинения <...> Вы найдете [здесь] ту пылкую страсть, те болезненные стоны, свойственные «несчастливым изгнанникам мира»^[6].

Создатели современной «Краткой еврейской энциклопедии» восприняли эти слова в буквальном смысле и заключили, что стихотворения и переведены с древнееврейского языка^[7]. На самом же деле Мандельштам, владевший русским вполне свободно, имел в виду совсем другое: речь шла об особом еврейском духе, коим проникнуты произведения сборника. Он хотел тем самым подчеркнуть, что книга его – не столько достояние русской словесности, сколько часть русскоязычной еврейской культуры. В этом смысле он не мог не ощущать себя преемником писателя-еврея Л.Н. Неваховича, автора сочинения «Вопль дочери иудейской» (1803), написанного на русском языке в защиту соплеменников. «Это [мое] сочинение, – резюмирует Мандельштам, – как редкость со стороны русского еврея, может подать повод к разным беседам о моей нации, и если б можно было одолжить моих единоверцев несколькими словами защиты и утешения!»

Но обратимся к самой книге. Ее предваряет предисловие «К читателям», где также делается акцент на том, что «сочинитель, родом из Русских Евреев, не имел счастья получить воспитание пластически-Русское»^[8]. Отмечается, что стихотворения извлечены из рукописи автора (причем это только малая толика его трудов!) и что в самом порядке их напечатания в книге «видна какая-то связь, знакомая, может быть, вполне его

родственникам и ближайшим друзьям». Совершенно очевидно, что таким связующим звеном между текстами выступает здесь сам сочинитель. Так, под пером Мандельштама впервые в русской культуре иудей становится лирическим героем книги, обретает эстетический статус. Названия произведений («К Родине», «К певцу», «Действительность», «Мечта», «Стремление» и т. д.) подчеркивают их исповедальный характер. И речь ведется здесь исключительно от первого лица:

*Í á ñ: àñò èèá èè çááñü, ëpáíáñp ðíáí üõ
È äðæáíé çí àèíì üõ, ññáüü ìò: àá äíì á?
Çá: áí æá äóøà ì ìÿ, áóüò ì àèáèíì à,
Í áññòñÿ áñ, á ñò ðáíü ëpááé ì íá: óæèð?
Í ðíáèí á ì èèíé, ì äáò ñèèõ öááò àõ
Áíðp: èá ñèáçú á: óæèõ èðáÿõ èáí óó;
Í íèà áí çáðáì óñÿ, í á áñá èè óáÿí óò
Ëpáèì üá ðíçú á ðíáèì üõ ì áñò àõ!¹⁹¹*

Переживания героя, оторванного от еврейской среды, естественны и глубоко прочувствованны, поскольку поверены жизнью самого автора. Подчеркнуто биографичны и стихи, навеянные прибытием в Петербург:

Столица России! Мечта моей жизни! –

Изгнанника мира, как сына отчизны,

С любовью матери примешь ли ты?..

Глядит он, глядит на твои красоты, –

И сердце в нем ноет, и рвется, и скачет, –

Он вспомнил о доме, – и плачет,

и плачет!..¹⁹²

Порой автор поражает читателей неожиданными образами, явно опережая свое время. В программном стихотворении «Поэт» он, развивая традиционную тему о творце и невежественной черни, вдруг восклицает:

Í á äèÿ ò ì ðáá á ÿááí ñèèé èðèí!..

Òíèí á í á áíÿò áí çáí àõ öááò à,

Òíèí á í á áíÿò áí áçáíõ ì ìÿò à,

È ÷œœä çàì í ùì í ááááá ùé ñíí!..^{III}

В словах «запах цвета» заключен весь своеобразный художественный мир поэта, недоступный для понимания непосвященных. Так и кажется, что сия метафора взята из арсенала поэзии символистов начала XX века!

Вообще, стихотворения Мандельштама отличаются метрическое разнообразие, как правило, богатые точные рифмы, что позволяет видеть в нем умелого версификатора. И хотя его опыты не обходятся без натужностей и поэтических штампов, для автора, пишущего стихи на неродном языке, это совсем неплохой результат.

Хотя на титульном листе книги и значился 1840 год, она (как видно из цензурного разрешения) вышла не ранее июля 1841 года, когда Леон был уже студентом. Интересно, что Уваров никак не желает выпускать нашего героя из поля своего зрения. Вот знаменательный факт: в 1843 году он приглашает Мандельштама для участия в качестве секретаря в работе созданной в столице специальной Раввинской комиссии, которая должна была определить ход правительственной реформы еврейского образования.

В 1844 году Леон с блеском заканчивает Петербургский университет и, защитив диссертацию «Библейское государство», получает степень кандидата философии по разряду общей словесности. Под патронажем того же Уварова он направляется за границу в престижную научную командировку для изучения клинописи, где не только овладевает тайнами письма древних шумеров, но и несколькими европейскими языками (в том числе английским, на котором весьма бойко пишет газетные фельетоны!). В 1846 году, по возвращении из чужих краев в Петербург, он, по примеру берлинских маскилимов прошлого столетия, намеревается издавать для своих соплеменников просветительский журнал на древнееврейском языке. Издание, однако, не состоялось, возможно, потому, что петербургская еврейская община находилась тогда в младенческом состоянии и не располагала необходимыми средствами. Сыграло роль и то, что вскоре после приезда Мандельштама в столицу Уваров назначил его «ученым евреем» при Министерстве народного просвещения – должность, которая требовала от Леона полной отдачи и не оставляла времени для других дел. После внезапного ухода Макса Лилиенталя со службы именно Мандельштаму было поручено осуществить на практике уваровский проект еврейской школьной реформы, а также курировать работу около полутора сотен вновь открывшихся казенных училищ. На месте он не сидит – ездит с инспекцией то в Виленский, то в Киевский, то в Дерптский учебные округа...

Помимо таланта организатора и администратора, востребованным оказалось и литературное дарование Мандельштама. По поручению министерства он составляет ряд катехизисов и учебных пособий на иврите, немецком и русском языках. Страстный пропагандист русского языка и культуры, он в 1847 году издает «Опыт руководства к практическому упражнению евреев в русском языке», куда включает (первый в истории!) подстрочный перевод на иврит фрагментов из поэмы «Медный всадник» и трагедии «Борис Годунов» А.С. Пушкина.

Из-под пера Мандельштама выходит пятитомный труд «Извлечения из Маймонида» (1848) на древнееврейском и немецком языках. В числе подготовленных ученым евреем изданий мы находим и руководство по изучению иврита «Хиннух неарим» («Воспитание подростков», 1849) и очерки о гражданских обязанностях «Шней прахим» («Две главы», 1852).

Еврейское Преображенское кладбище в Петербурге. Левая галерея синагоги.

Поистине неоценимы и составленные Мандельштамом «Еврейско-русский словарь» (1859) и «Русско-еврейский словарь» (1860), сыгравшие важнейшую роль в образовании русского еврейства.

В 1857 году Мандельштам оставляет службу в министерстве. Причину сего историки усматривают в его ярком, независимом характере, противостоявшем автократическим замашкам некоторых бюрократов от просвещения. Но, перестав исполнять должность ученого еврея де-юре, Леон продолжал оставаться им де-факто, и это вызывало в нем законную гордость. «Обязанный своим исключительным положением первого еврея, удостоенным университетской степени кандидата, себе одному, своим способностям, энергии и трудолюбию, – замечает его биограф С.М. Гинзбург, – соединяя в себе огромную еврейскую эрудицию с обширной и разностороннею ученостью в области филологии и исторического знания, овладев в совершенстве большинством европейских языков, Мандельштам не мог не сознавать своего превосходства над поколением “маскилим” 30–40-х годов, не сумевшим выйти на широкую дорогу европейского образования, не сумевшим даже в область своих еврейских знаний внести необходимую систематичность, дисциплинированность... Он вносил во все, за что ни брался, широкий размах, крупный аллюр»^[12].

И оказавшись в отставке и проживая за границей, Леон Иосифович не оставляет своей просветительской деятельности. Он публикует, преимущественно на немецком языке, капитальные труды по методике изучения Библии и Талмуда. Мандельштам также сотрудничает в ряде немецких, английских и русских периодических изданий. В 1862 году он издает в Берлине «в пользу русских евреев» свой перевод Пятикнижия на русский язык (в 1872 году вышло 2-е издание, дополненное переводом книги Псалмов). И здесь он выступает пионером, ибо это – первый перевод книг Танаха на русский язык, выполненный евреем. Перевод не был допущен к обращению в России (из-за запрета пользования книгой Священного Писания на русском, а не на церковнославянском языке). Это издание, напечатанное за счет автора в большом числе экземпляров, существенно подорвало материальное положение Леона. Лишь в 1869 году, на основании именного повеления Александра II, доступ этой книги в империю был разрешен.

Занимается Мандельштам и литературным творчеством. В 1864 году он за собственный счет печатает в Берлине драматическую повесть в стихах «Еврейская семья». Однако цензурное ведомство не допустило ее распространения в России ввиду «тенденциозности и предосудительности в содержании означенного сочинения». И это несмотря на верноподданнический дух повести, завершающейся общим хвалебным хором

«Боже, царя храни!», и на многократно повторяемые там славословия тому миропорядку, «когда все племена Отчизны стеною встанут вокруг Царя!» Возможно, цензора смутили патетические строки, воспевающие величие еврейского народа. Вот какие слова Мандельштам вкладывает в уста одного из своих персонажей – раввина Иосифа:

...Áúëúõ áâéîá

Èèøüéíèèã íàøè ý îòèðîþ, -

È ý æèáó í á ò îëüëîî ñî íáá,

Í á ò îëüëîî þ í îñòüþ ñâîáé,

Í î ò úññ:üþ è ÷ óæäüõ æèçíáé;

Áññò ì ó:áí èéîá í àøæ äáðü,

Áññò ò áõ äæèèèè ì óäðáüîá

Áäðîáâ ì ðäááüü üõ öäðáé,

Èî ò îðüõ í àì ì îñææ Á-ñ î áüü

Á ò á:áí è á ò ðáõ ò úññ: è á ò

Í î áññü è î í ó à ì ç à ì í í ä ø ä ò à!

Í î ý ò î ì ó è í áññü ç í æ í í,

× ò í á ü í á ð î á ò æ í é, è æ í à ø,

Í î á è ñ ò î ð è ÷ á ñ è ì î á æ á í ó ò ü

Пока есть люди на земле... [113](#)

Принадлежность к еврейству выражена здесь как неразрывная связь с деяниями славных пращуров Б-гоизбранного народа. И на этом фоне особенно горьким и жгуче несправедливым выглядит положение семьи честного портного, еврея Баруха, отверженной, униженной и гонимой. Барух в сердцах восклицает:

...Í î ç í ð

Í áññüëüü î è í á æ è í í í ÷ áññò î

Í á ð ä ä ä ä ò ä ä ð á é á í á ñ è ä ä ñ ò ä î

Ñ â î á é ñ â ì ü ä; ñ î í á é í ó æ ä î é

Ñ î ì ð ý æ á í à ñ ü ä ä ä ä ä ä ä ä ò á é;

Ñ ò î ð ä ç á í á ä ä è þ ý, è æ í è ü è é,

Ἰθιὸ ὀδαίτῳ ὁ ὀ ἀϊεῖν ἱαε;
Ἰ αῖϋ ὀ ἱεεᾶρὸ, ὀ ἱεεᾶρὸ,
Ἰ ἱαὸ-εεᾶρὸ ἱαῖ ἱ ἱε;
Ἀἱ ἱ ἱαἱ ἱ ἱεᾶᾶρὸ ὀ ὀἱῶᾶ;
В ἑрᾶῖ - æèä ἱá ÷ æῖἱæ^[14].

Только в 1872 году пьеса «Еврейская семья» была напечатана в Петербурге, причем со значительными купюрами.

Последним по времени изданием Мандельштама был поэтический сборник на немецком языке «Голоса в пустыне. Избранные еврейские песни» (Лондон, 1880), который так же, как и его «Стихотворения» 1840 года, остается достоянием прежде всего еврейской культуры. Исповедальность и непосредственность чувства облечены здесь в выразительную художественную форму, лишённую какой-либо выпренности и навязчивой рассудочности.

Под старость Леон Мандельштам, разорившийся на собственных изданиях, жил жизнью нелегкой. Он пробавлялся работой в некоторых русских и заграничных печатных органах и не гнушался никаким заработком – писал то о работе почт, то о питейном сборе, то о государственном кредите, то о железных дорогах. Обширная библиотека, любовно собираемая им в течение всей жизни, была подвергнута описи и с согласия кредитора оставлена не во владении, а лишь на хранении у Мандельштама. Бодрость духа, однако, не покидала его. В часы досуга он деятельно трудился над составлением сравнительного словаря еврейских корней, вошедших в европейские языки, в том числе и в русский. Леон, по словам очевидцев, и на склоне лет отличался редкой отзывчивостью к чужому горю и обостренным честолюбием. «Его хлебосолие, радушие, предупредительность по отношению ко всем, кто обращался к нему, – сообщает его биограф, – напоминают собой черты родовитого барина старого времени, и с этим впечатлением гармонировала и внешняя осанка, исполненная достоинства, которая не покидала Мандельштама и в последние годы, когда он, одинокий и всеми забытый, доживал свой век в нищете, никому не жалуясь на свое положение»^[15].

Превратности судьбы преследовали Мандельштама и за гробовой доской. Так уж получилось, что он, всецело посвятивший себя еврейству, был поначалу похоронен на православном кладбище. А произошло это так: 31 августа 1889 года Леон скоропостижно скончался на пароходе, переплывавшем Неву. А поскольку никаких документов при нем найдено не было, тело его было отправлено в покойницкую при Выборгской части, а затем и захоронено на Успенском кладбище. И только когда его хватились, и дворник дома, где он проживал, по приметам, платью и ключу от квартиры опознал усопшего, бранные останки Мандельштама были перевезены на Преображенское еврейское кладбище...

^[1] Л. Мандельштам. Из записок первого еврея-студента в России // Пережитое: Сборник, посвященный общественной и культурной жизни евреев в России. № 1. СПб., 1908. С. 19.

^[2] Там же. С. 17.

^[3] Л.И. Мандельштам. Стихотворения Л.И. Мандельштама. М., 1840. С. 1.

^[4] Л. Мандельштам. Из записок первого еврея-студента в России. С. 11.

^[5] См.: Stanislawski M. Tsar Nicholas I and the Jews. The Transformation of the Jewish Society in Russia: 1825–1855. Philadelphia, 1983. P. 97–122.

^[6] Л. Мандельштам. Из записок первого еврея-студента в России. С. 49–50.

^[7] Краткая еврейская энциклопедия. Т. 5. Кол. 73–74.

^[8] Там же.

^[9] Л.И. Мандельштам. Стихотворения. С. 1.

^[10] Там же. С. 15.

^[11] Там же. С. 36.

^[12] Л. Мандельштам. Из записок первого еврея-студента в России. С. 6.

^[13] Мандельштам Л.И. Еврейская семья: Драматическая повесть в трех отделениях. СПб., 1872. С.

59.

^[14] Там же. С. 21.

^[15] Л. Мандельштам. Из записок первого еврея-студента в России. С. 7.

ЕВРЕИ-ИЗДАТЕЛИ «РУССКОГО БЕРЛИНА»

Ėiĩ ėiĩ Pĩ ėiĩ

Если в дореволюционное время евреев-издателей и книготорговцев было сравнительно немного (объяснялось это, главным образом, ограничением для них прав жительства в основных культурных центрах России – Москве и Петербурге), то после революции по меньшей мере треть частно-кооперативных издательств были организованы евреями. Назовем, для примера, «Алконост» С.М. Алянского, «Геликон» А.Г. Вишняка, «Петрополис» Я.Н. Блоха, А.С. Кагана, «Творчество» С.А. Абрамова и др. Немало евреев было и среди ведущих сотрудников разного рода государственных, научных или общественных издательств. Однако уже к концу Гражданской войны стало ясно, что большевики, ранее отвлеченные военными действиями, теперь решили вплотную заняться работниками «культурного фронта». И если раньше частные издательства не трогали, пытаясь как-то использовать их богатый опыт и связи в государственных целях, то к началу 1921 года положение «частников» резко ухудшилось: ожесточилась цензура, были национализированы последние, «не охваченные» ранее типографии, реквизированы все бумажные запасы «буржуев»... Таким образом, советские власти одновременно боролись с литературой, по словам В. Воровского, «безразличной для политической и экономической работы пролетариата и Советской власти», а также с явной конкуренцией, которую создавали частно-кооперативные издательства Госиздату, незадолго до того возникшему из недр малопрофессиональных советско-партийных структур.

Издательство
З. И. Гржебина
ПЕТЕРБУРГ
ПР. 25 ОКТЯБРЯ №4
(В. НЕВСКИЙ 64)
— ТЕЛ. 0.44.56 —
МОСКВА
М. Знаменский пер.
— Д. 7. ТЕЛ. 2.50.47 —

Z.J. GRSCHEBIN
VERLAG
BERLIN W.35
LÜTZOWSTR. 27 II
TEL. KURFÜRST 2089
— TELEGRAMM —
— ADRESSE: —
„JSDATELSTWO“

Фирменные знаки русских издательств в Берлине.

Результаты этой неравной борьбы не заставили себя ждать. По свидетельству одного из пострадавших – известного петроградского издателя Ф.И. Седенко-Витязева, «...целый ряд издательств погиб безвозвратно. У большинства из них сведены на нет все их издательские планы или грубо исковерканы их литературные начинания. Все те литературные течения, которыми была всегда так богата наша художественная беллетристика и поэзия, почти вычеркнуты из нашей жизни <... >. Литературная работа, как профессия, начала исчезать в Советской России»^[1]. В подтверждение этому писатель Михаил Осоргин приводит сведения, полученные во Всероссийском союзе писателей в начале 1921 года, что в одной лишь Москве у членов Союза скопилось до 1500 печатных листов готовых к изданию и переизданию произведений. При этом за предыдущие два года увидели свет только 200 печатных листов. И вот незадолго до 500-летия с начала книгопечатания в Европе русские литераторы вынуждены были вспомнить своих далеких догуттенберговских коллег и, подобно им, обратиться к созданию рукописных книг. В московской «Книжной лавке писателей» они стали продаваться уже в октябре 1920 года, а в апреле следующего года их было уже 220!

Доверие к новой большевистской власти у многих литераторов было окончательно подорвано, и при первой возможности они эмигрировали, увлекая за собой и издателей – своих верных друзей и помощников. Таким образом за рубежом, в основном в Берлине, вскоре обосновалось весьма значительное число русских издательств.

Почему все же именно Берлин стал книгоиздательским центром русского зарубежья с конца 1920-го по начало 1924 года? Наиболее убедительно, на мой взгляд, это объясняет историк литературы Глеб Струве, считавший, что условия послевоенной инфляции и относительной дешевизны в Германии создали в Берлине особенно

благоприятную обстановку для издательского предпринимательства. Не последнюю роль тут сыграло и то обстоятельство, что во Франции, да и других странах Западной Европы, советское правительство еще не было признано, а потому советские подданные не имели туда доступа. В то же время с концом Гражданской войны, введением нэпа и установлением дружественных отношений между Советской Россией и Веймарской республикой ничто более не препятствовало началу активных советско-германских экономических и культурных связей. Именно тогда и возник в немецкой столице целый ряд русских издательств, которые, как отмечает Струве, «печатая книги в Германии, готовы были обслуживать и советский, и эмигрантский рынок и печатать авторов, проживающих как внутри, так и вне России»^[2]. Добавим, что многие из этих издательств в этот период еще сохраняли иллюзии демократичности советской власти и продолжали указывать на титульных листах своих книг как место издания: «Москва–Берлин» или «Петроград–Берлин». Всего в эти годы в Берлине было организовано около 40 русских книгоиздательств, развивших столь бурную деятельность, что в 1922 году был установлен своеобразный рекорд: русскоязычных книг вышло больше, чем немецких! А ведь таких издательств было немало и в других русских эмигрантских центрах – Париже, Праге, Софии, Белграде, Риге, Харбине, а также ряде городов Северной и Южной Америки... Однако такого взлета русского книгоиздания, как в Берлине, нигде не было, даже в Париже – тогдашнем политическом центре русского зарубежья. Удивляясь этому обстоятельству, известный писатель-эмигрант Роман Гуль писал:

«Может быть, это вопрос курса франка – не знаю. Но больших издательств, как берлинские “Петрополис”, “Слово”, издательство З. Гржебина, “Медный всадник”, издательство О. Дьяковой и др., – в Париже не было. Возникали и почему-то быстро умирали: “Франко-русская печать”, “Русская земля”, “Родник”, кое-что издавал книжный магазин Я. Поволоцкого, издавало “Возрождение” (редакция газеты. – Л. Ю.), <...> “Современные записки” (книжное издательство, возникшее при редакции одноименного журнала. – Л. Ю.) <...> ИМКА-пресс издавала, но только книги по религиозно-философским вопросам – Бердяева, Булгакова, Шестова и др. Так, в 20-х годах русские писатели-парижане часто издавались в Берлине, Праге, Белграде, Софии»^[3]. И в качестве иллюстрации к сказанному Гуль приводит шуточную пародию И.А. Бунина:

Àâò îð é àâò îðó éâèèò,

Àâò îð àâò îðó éðè÷èè:

«Èâé áú í àì ñ ò í á í é äí ç í à ò ü ü ŷŷ,

Ãäá áú í àì ñ ò í á í é è ç ä à ò ü ü ŷŷ?»

Î ò ä ä ÷ ä ä ò è ì Ç ä è þ é -

«Ä ŷ ŷ ŷ , î è ŷ ŷ è è , ä à ì è ä þ é !»

Î ò ä ä ÷ ä ä ò è ì Ä ö è ä ŷ ŷ Ä :

«Î á ò ä ð ï è þ ä ŷ ŷ è ŷ í á ò ð ŷ ŷ ŷ á !»

Î ò ä ä ÷ ä ä ò È Ì È Ä : - «Î ù

È ç ä ä ä ì í á í è ì ŷ ŷ è ì ù !»

Эта пародия, по мнению известного поэта-сатирика Дона Аминадо, метко отражала положение книжного дела в парижской эмиграции. «Мecenаты выдыхались, – вспоминал он, – профессиональные издатели кончали банкротством, типографии печатали календари».

А несколько раньше, где-то с конца 1923 года, когда в Германии стали вводить твердую валюту, такого же рода картину можно было наблюдать и в Берлине, что послужило началом конца книжного ренессанса русского зарубежья.

Тут нельзя не упомянуть о ряде публикаций, касающихся данной темы и сделанных сравнительно недавно известным петербургским книговедом А.В. Блюмом на основе архивных документов советской цензуры 20-х годов. Согласно приведенным им материалам, выясняется, что даже во время нэпа – периода сравнительно либерального отношения властей к проявлениям духовной и интеллектуальной жизни – Главлит и ГПУ не только очень бдительно наблюдали за любым шагом бывшего российского ученого или литератора, но и тщательно следили за политической физиономией каждого эмигрантского издательства или органа печати. Такого рода исследования также могут способствовать восстановлению подлинной картины книжного дела русского зарубежья.

Следует отметить, что большая часть русских книгоиздательств и книготорговых фирм за рубежом была основана и принадлежала евреям. На первый взгляд это не столь заметно, так как еврей-предприниматели, наученные горьким российским опытом, предпочитали не давать лишнюю пищу антисемитам и скрывали свои весьма выразительные фамилии под звучными, но нейтральными названиями собственных фирм. Попробуем, к примеру, определить родословную ряда берлинских издательств начала 20-х годов.

«Возрождение» – основано в декабре 1921 года А.Б. Левинсоном и Л.З. Кацем одновременно в Москве и Берлине (зав. отделением – З.М. Зильберберг).

«Геликон» – основано в Москве в 1918 году А.Г. Вишняком и возрождено в Берлине в 1921 году. Просуществовало там до 1924 года, после чего издатель с семьей переехал в Париж, где Вишняк время от времени выпускал отдельные издания до 1937 года.

«Мысль» – основано в Берлине в 1921 году Г.А. Гольдбергом и С.Л. Кучеровым.

«Огоньки» – основано в Берлине в 1921 году А.Г. Левенсоном.

«Петрополис» – основано в Петрограде в 1918 году как книжный склад, а как издательство начало работать в конце 1921 года. В число его учредителей, помимо поэта М.А. Кузмина (председатель редакционной коллегии), вошли библиофилы Я.Н. Блох, А.С. Каган и Г.Л. Лозинский, фактически руководившие всем издательским процессом. В 1922 году они открыли отделение издательства в Берлине, а с 1924 года целиком перенесли туда свою деятельность. (Кроме того, А.С. Каган стал владельцем еще трех берлинских издательств: «Гранит», «Обелиск» и «Парабола».) С середины 1930-х годов «Петрополис» переехал в Брюссель, но еще до 1939 года в Берлине продолжали издаваться книги под его маркой.

«Скифы» – основано осенью 1920 года в Берлине Е.Г. Лундбергом, А. Шредером и И. Штейнбергом.

«Слово» – основано в Берлине весной 1920 года И.В. Гессеном и А.И. Каминкой. Половина паев принадлежала известному немецкому издательству «Ульштейн».

Обложка журнала «Русский Берлин».

1927 год.

Этот перечень можно было бы продолжить, однако лучше отметим одно из наиболее ярких исключений – «Издательство З.И. Гржебина»: Зиновий Исаевич сохранил свое имя в названии фирмы. В конце 1923 года, незадолго до отъезда во Францию, Гржебин устроил в Берлине прощальную итоговую выставку – свидетельство его чрезвычайно напряженной и необычайно плодотворной деятельности с мая 1922 по октябрь 1923 года. Среди 225 книг, выпущенных им за это время, посетители могли увидеть самые разнообразные издания: от русской художественной литературы и изданий по искусству до учебных пособий и географических атласов. Наряду с сочинениями М. Лермонтова, Н. Лескова, Н. Некрасова и А. Чехова в издательстве увидели свет произведения А. Белого, М. Горького, С. Есенина, Ф. Сологуба, А.Н. Толстого и др. Встречались на выставке и изысканные библиофильские издания, такие, как трехтомное сочинение П. Муратова «Образы Италии», выпущенное в малом формате на рисовой бумаге; третье (и лучшее!) издание замечательной книги И. Лазаревского «Среди коллекционеров»; очаровательное издание «Первой любви» И. Тургенева с иллюстрациями В. Конашевича... А любители поэзии могли увидеть здесь едва ли не лучший сборник Б. Пастернака «Сестра моя жизнь», с портретом автора работы Ю. Анненкова. Выставка заинтересовала весь «русский Берлин» и имела большой успех.

В нашу задачу не входит экономический анализ деятельности и характеристика издательского репертуара интересующих нас книгоиздательств – это дело будущих исследователей. Стоит лишь отметить, что ими в основном выпускались и продавались книги гуманитарного характера, большую часть которых составляла художественная литература (главным образом, русская классика и произведения современных писателей-эмигрантов), детские книги, учебники, мемуары, произведения философов, литературоведов, искусствоведов, эмигрировавших или высланных из России... Интереснее для нас то, что еврей-издатели способствовали также поддержанию (а в чем-то и развитию) высокого уровня книжного искусства, достигнутого Россией в предвоенные годы. Достаточно напомнить о прекрасных художественных изданиях,

выпущенных, например, издательствами «Геликон» или «Петрополис», сумевшими привлечь к сотрудничеству таких мастеров книжной графики, как М.В. Добужинский, Л.М. Лисицкий и В.Н. Масютин. А чего стоили 14 номеров знаменитого литературно-художественного журнала «Жар-Птица», выпущенных Александром Эдуардовичем Коганом в его издательстве «Русское искусство»! По свидетельству современника, он приобрел в Берлине огромное влияние не только в русских, но и в немецких профессиональных кругах: «Лучшие немецкие типографы учились у него, как надо печатать художественные издания, а лучшие немецкие издательства учились, как надо оформлять и издавать книги».

Нельзя также не отметить и то, что среди инициаторов создания в Берлине «Общества ревнителей русской книги», ставившего себе целью «объединение любителей русского книжного искусства и содействие последнему путем специальных изданий, выставок, докладов, конкурсов и т. п.», мы встречаем рядом имена известного историка искусства В.Н. Ракинта и совладельца «Петрополиса» Я.Н. Блоха. Искренний интерес Якова Ноевича к оформлению книги был хорошо известен и ценим не только художниками, но и всеми авторами, работавшими с ним. Однако это увлечение обходилось издателю весьма дорого, что нашло отражение, в частности, в дружеской поэтической шутке, сочиненной совместно Н. Гумилевым, Г. Ивановым и О. Мандельштамом:

Í à Í ääæäëí ñêé öëöä

Æë íäëí

Ëçäò äü ñò èöîâ

Í í î ðîçäí èþ

Äîñî äëí Äëîä

Äîî òî ðîø,

Ëëøü íäí èí

Î í äü è í ëîä:

Ôðí ò èñî èñî í ÷ äí ü èþ äëë

Äëîä

Ôðí ò èñî èñî äñ è ñäëëë

Î ô! [è ò. ä]

Интересно также отметить, что секретариат «Общества ревнителей русской книги» находился в помещении антиквариата «Россика». В планы Общества входило также издание специального журнала «Библиофил», однако впоследствии увидел свет единственный номер другого журнала – «Русская книга за границей», в редколлегии

которого мы встречаем Я.Н. Блоха, С.И. Гринберга, А.С. Кагана и В.Н. Ракинта, а в числе авторов – известного библиофила, владельца «Россики» Ю.С. Вейцмана.

Конечно же, столь активное участие евреев в книжном деле русского зарубежья не могло не вызвать в эмигрантских антисемитских кругах разговоров о «еврейском засилье» в печати. Об одном эпизоде, подтверждающем эти настроения, вспоминает И. Левитан – бывший сотрудник «Издательства И.П. Ладыжникова»: «В памяти <...> жив тот день в начале двадцатых годов, когда берлинское издательство И.П. Ладыжникова получило от одного из своих покупателей письмо примерно следующего содержания: “Многоуважаемый господин Ладыжников, прилагаю чек на <...> марок и прошу выслать только что выпущенные в свет тома Гоголя, Тургенева и Достоевского. Пользуюсь случаем выразить мою бесконечную радость по поводу того, что существует Ваше русское дело, которое свободно от еврейского засилья и трудится на ниве русской культуры, издания русских классиков и достойных сочинений русских писателей” и т. д. <...> Я ответил автору этого письма, что Иван Павлович Ладыжников, бывший одним из основателей фирмы в начале века, еще до войны вышел из издательства, и что оно с тех пор принадлежало Борису Николаевичу Рубинштейну (погибшему впоследствии в газовых камерах нацистов) и, увы, руководящую роль играют... евреи»^[5].

Обложка книги Б. Пильняка «Петербургская повесть, или Святой камень» (М. – Берлин: Геликон, 1922).

Художник В.Н. Масютин.

После всего сказанного возникает естественный вопрос: почему русские еврей-эмигранты, несмотря на антисемитизм, на погромы, пресловутую черту оседлости, унижительные процентные нормы и тому подобные «прелести» их жизни в России, все же не отступились от попавших в беду бывших хулителей и, более того, наиболее состоятельные из них помогали чем могли российской эмиграции пережить тяжелые времена? Наконец, чем вызвана столь активная поддержка евреями литературно-художественных и общественных организаций русского зарубежья?

Думается, что на то есть, по крайней мере, две причины. Одна из них, как мне представляется, связана с той крайне щепетильной ситуацией, в которой оказались русские еврей-эмигранты после октябрьского большевистского переворота. В ответ на

постоянно дебатировавшийся в эмигрантских кругах вопрос: «Ответственны ли евреи за крушение русской державы и, следовательно, за бедствия, испытываемые русским народом?» они должны были занять какую-либо определенную позицию. И хотя все знали, что русское еврейство пострадало от революции не меньше, чем сами русские (особенно во время погромов); что на ниве еврейской культуры также все выворочено и растоптано; что, наконец, сотни тысяч российских евреев тоже рассеялись по миру, тем не менее психологически, благодаря зримому присутствию евреев на самой вершине новой, советской политической иерархии, определенная доля вины евреев представлялась всему миру очевидной.

Вот как расценивал эту ситуацию один из авторов известного сборника «Россия и евреи», выпущенного в разгар упомянутых дебатов «Отечественным объединением русских евреев за границей»: «Превращению легенды в правду способствовали отчасти те евреи, которые громко заявляли о генетической связи между большевизмом и иудаизмом, которые громко хвастались широкими симпатиями еврейской массы к комиссародержавию. Психологическая правда нашей ответственности обязывает нас к тому, чтобы мы взяли теперь на себя часть ответственности за свержение большевизма <...>. Только этой борьбой мы спасем еврейство». При этом автор статьи призывал действовать не теряя времени, так как большевизм мог пасть в любую минуту и тогда: «Горе нам, если мы опоздаем!»^[6]

Однако далеко не все придерживались такой точки зрения. Более того, большинство предпочитало вообще не касаться этого провокационного вопроса, сама постановка которого, по их мнению, лишь играла на руку антисемитам. Многие из евреев-эмигрантов ограничивали проблему утверждением, заимствованным из статьи В. Жаботинского «Вместо апологии», написанной по свежим следам «дела Бейлиса»: каждый народ вправе иметь своих выродков (в данном контексте – большевиков). В то же время еврей-эмигранты, невзирая на их взгляды, всячески помогали выжить русской эмиграции: кто участием в благотворительных акциях, кто активной поддержкой ее литературно-художественной и общественной жизни, в частности организацией и финансированием издательского и книготоргового дела... Тут мы подходим ко второй и, на мой взгляд, главной причине, позволяющей нам ответить на поставленный ранее вопрос, а именно: еврейская интеллигенция искренне считала, что она в неоплатном долгу перед русской культурой.

В подтверждение сказанного уместно процитировать редакционный комментарий к статье известного писателя и журналиста Михаила Осоргина «Русское одиночество», опубликованной в 1925 году в парижской газете русских сионистов «Рассвет». Напомним, что в своей статье Осоргин, в то время зять Ахад а-Ама, – человек глубоко порядочный и чуждый какого-либо черносотенного духа – утверждал, что может по пальцам пересчитать всех русских (по нации), принимающих достаточно заметное участие в общественных организациях прогрессивного характера, то есть «в кружках просветительных, писательских, благотворительных, рабочих, в редакциях и издательских предприятиях и т. п.». Кого же он там встречает в роли активных деятелей? Опять-таки, не русских, не славян, а главным образом евреев. И далее, пытаясь объяснить, что он понимает под «русским одиночеством», Осоргин пишет: «Короче говоря, там, где духовный уровень выше, где углублены интересы мысли и творчества, где калибр человека крупнее, – там русский испытывает одиночество национальное; там, где близких ему по крови больше, – одиночество культурное»^[7].

Библиотека и книжный магазин, торговавший русскими изданиями.

Берлин, 1920-е годы.

Возвращаясь к редакционному комментарию, следует особо отметить, что его автором, по всей вероятности, был сам редактор газеты Владимир (Зев) Жаботинский. Он, в частности, писал: «М.А. Осоргину, по-видимому, особенно больно то, что и немногие очаги русской литературы, науки, искусства вынуждены в значительной мере опираться на еврейскую, а не на русскую дружбу. Почему русские так холодны к своей культуре – это их дело, не наше. Но наша позиция ясна. Мы от русской культуры получили много ценного – даже для нашего будущего, самостоятельного национального творчества... Перед русской культурой мы, российские евреи, должники; никакими грошами мы этого долга не заплатим. Те из нас, которые делают, что могут, чтобы помочь ей пережить тяжелое время, поступают правильно и, надеемся, будут так поступать и впредь».

Целиком согласиться с автором редакционного комментария нам сегодня трудно. Не правильнее ли было бы говорить здесь не о благодарности или долге, а об уважении и любви к русской культуре, в значительной мере обогащенной через христианство (истоки которого, как известно, лежат в иудаизме) еврейскими моральными ценностями? Таким образом, речь может идти скорее о взаимообогащении двух культур, чем о долге одной перед другой. Эта, несколько скорректированная, точка зрения представляется чрезвычайно важной для понимания самого феномена вклада евреев в развитие тех национальных культур, с которыми их свела двухтысячелетняя жизнь в галуте.

^[1] Витязев П. Частные издательства в Советской России. Пг., 1921. С. 25.

^[2] Струве Г. Русская литература в изгнании. Париж, 1984. С. 24–25.

^[3] Гуль Р. Я унес Россию. Т. 2: Россия во Франции. Нью-Йорк, 1984. С. 92.

^[4] О. Зелюк – издатель; А.О. Гукасов – богатый нефтепромышленник. На его деньги была основана знаменитая парижская эмигрантская газета «Последние новости».

^[5] Левитан И. Русские издательства в 1920-х гг. в Берлине // Книга о русском еврействе: 1917–1967.

Нью-Йорк, 1968. С. 449.

^[6] Пасманик Ж. Чего же мы добиваемся? // Россия и евреи. Берлин, 1923. С. 225.

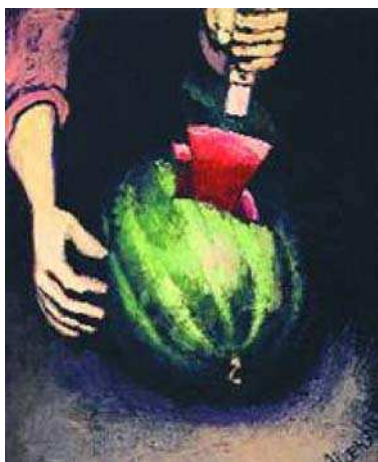
^[7] Рассвет. 1925. 15 февраля. № 7. С. 4.

ЛЮБОВНЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК

Ėāī ēā Daāçēōīāñēē

Опубликована статистика: с начала 2008 года в России убито по национальным мотивам 33 человека. Главным образом преступления совершаются в Москве – какой-то взрывной рост. Убивают в основном выходцев из Средней Азии, реже – кавказцев. Впрочем, бывает и иначе: 16 марта днем на улице в центре Москвы убили Алексея Крылова, юношу-антифашиста.

Евреи успокаивают себя тем, что на сей раз не они – главный объект ненависти.

Это не совсем так. Например, в Москве, как известно, есть пять синагог: в Марьиной роще, на Большой Бронной, Большая хоральная в Спасоглинищевском переулке, в Отрадном и на Поклонной горе.

В 1999-м в Большой хоральной синагоге какой-то парень с тесаком напал на директора Еврейского культурного центра Л. Каймовского.

В 2006-м в синагоге на Большой Бронной некто Копцев с ножом бросился на посетителей, порезал восемь человек.

В обоих случаях преступников удалось схватить на месте сотрудникам синагоги, и только чудом они никого не убили. Во всяком случае, «спокойной» обстановку в отношении евреев не назовешь!

Поэтому вполне понятно, что евреи крайне болезненно реагируют на все проявления расизма, ксенофобии, воинствующего шовинизма. Что тут греха таить: конечно, есть и нормальная общечеловеческая реакция, но понятно, что у евреев «в среднем» она куда острее, чем у представителей «титულიной нации», потому что они видят тут прямую личную угрозу себе.

Однако на самом деле постепенно в России ситуация становится такой же сложной и запутанной, как в Европе и США.

Веками евреи привыкли держать оборону и ждать ударов от «правых» – националистов «титულных наций». Как правило, это были люди политически «реакционные», часто связанные с христианскими фундаменталистами.

Поэтому еврейская интеллигенция всегда была «левой» (за редкими исключениями), яростно боролась за равноправие наций. Ничего ни странного, ни «дурного» нет в том, что прежде всего евреи – как любые люди – думали о своих интересах, в данном случае о том, как самим добиться равноправия. Но поскольку это – проблема общая, то они же оказывались в первых рядах борцов за права негров (США), против любых форм ксенофобии (скажем, в России, особенно в последние годы – против «кавказофобии»).

Только очень скоро и очень сильно выяснилось, что тут – любовь без всякой взаимности.

На стенах московского фонда «Холокост» нацисты намалевали свастику и написали: «Жид и чечен – братья навек».

Не знаю, многие ли евреи согласились бы с таким утверждением (хотя, действительно, львиную часть протестовавших против войны в Чечне составляла именно еврейская или «околоеврейская» интеллигенция). Но вот чеченцев авторы этого граффити явно забыли спросить.

Грубо антисемитские заявления лидеров «свободной Ичкерии» (включая «умеренного Масхадова») общеизвестны. Нет в этом ничего странного: эти люди ориентированы на радикальный ислам, «Аль-Каиду». Как же им не быть воинствующими антисемитами? (Я не собираюсь переносить это на «всех чеченцев» – даже не из политкорректности, а просто не имею таких данных. Но ПОЛИТИЧЕСКИЙ вектор радикальных исламистов, в том числе чеченских, – совершенно определенный.)

В начале марта член совета муфтиев России публично заявил, что «сионизм – это фашизм».

Несомненно, настоящие русские нацисты, фашисты ненавидят мусульман – и не по религиозному признаку, а просто как нерусских.

Но где же тут место евреев, в этом любовном треугольнике: скинхеды – радикальные исламисты – евреи?

В США самые ярые антисемиты – давно уже не последыши всяких ку-клукс-кланов (хотя и эта публика где-то догнивает), а негры-мусульмане, представители радикального ислама. Кстати, американские евреи с ужасом узнали, что «духовный отец» Б. Обамы, хотя и является христианским проповедником, но разделяет некоторые идеи исламистов. Больше того. Многие американские христианские фундаменталисты, до того совершенно не переваривавшие евреев, предлагают им «руку помощи... против общего врага».

Еще четче ситуация в Европе, где, понятно, живы-здоровы традиционные антисемиты-наци, но все больше «новых правых», «новых националистов», готовых сотрудничать с евреями (и наоборот) против исламистов.

А привычные мантры еврейской интеллигенции и бесчисленных организаций о борьбе «против расизма и ксенофобии» для обычных еврейских обывателей звучат все менее убедительно: с чего это нам так переживать за тех, кто нас ненавидит? «Подставь левую щеку», что ли? Но «это не наш метод», да и сами «проповедники метода» не слишком часто им пользуются...

Зато евреям не привыкать запускать в себя бумерангом.

Евреи сыграли едва ли не решающую роль в коммунистическом движении. За это получили дважды: сперва от антикоммунистов, потом – от коммунистических режимов, последних хранителей государственного антисемитизма в Европе.

Как выражается друг еврейского народа академик Солженицын, «угодило зернышко промеж двух жерновов». Скинхеды – справа, исламисты – слева.

Вот вопрос: как скоро в России станет массовой мода на радикальный ислам и остатки российского еврейства начнут, как и в Европе, соединяться с «русской правой»? Или этого все же не будет?

ИЗ ИСТОРИИ ТЕЛЕВИДЕНИЯ

Ī ēōāēē Āġōāēēē

Сорок лет израильскому телевидению. Мы продолжаем диалог, начатый в книге «Разговоры с раввином Адином Штейнзальцем».

– Сидят двое в ресторане. Выпили. Один стал уверять, что интегральное исчисление хорошо известно каждому встречающему: да вот взять хотя бы этого официанта, случайный человек, давай спросим. А он заранее заплатил официанту, чтобы тот на вопрос «Икс по де икс?» непринужденно ответил: «Икс квадрат пополам» – как само собой разумеющееся. Поспорили. Подзывают официанта, спрашивают. Тот отвечает: «Икс квадрат пополам. Плюс константа, конечно».

– Официант оказался с математическим образованием?

– Да, так уж вышло, про константу не договаривались.

– У Кишона¹¹ есть близкий сюжет. Приходит телевизионный техник к профессору. Читит. Выставляет счет. Профессор: «Да я столько за месяц не зарабатываю!» Техник: «Когда я был профессором, я тоже столько за месяц не зарабатывал».

– Социальный парадокс: официант востребован больше математика, техник – больше профессора.

– Сюжет Кишона, помимо всего прочего, связан с определенными историческими обстоятельствами. Телевидение в Израиле появилось лет на двадцать позже, чем в других странах. И это был настоящий бум. Причем оно у нас было принципиально черно-белое, в то время как во всем мире уже переходили на цветное.

– Что значит принципиально?

– Это такое следствие тогдашнего израильского социализма, своеобразно понятой идеи равенства и справедливости. Цветной телевизор стоил существенно дороже черно-белого – роскошь, которую не все могли себе позволить. Бен-Гурион считал, что цветное телевидение приведет к усилению социального неравенства, а следовательно, и социальной напряженности. Он полагал это крайне нежелательным и решил снять проблему самым простым способом. Цветные фильмы превращались в черно-белые. Однако у людей все-таки были цветные телевизоры, и, чтобы их возможности не пропадали втуне, умельцы мастерили устройства, которые позволяли возвращать фильмам краски. Телетехники тогда хорошо зарабатывали.

– Стало быть, идее равенства так и не удалось восторжествовать у вас в полном объеме?

– Не удалось. В полном объеме восторжествовать ей всегда затруднительно – даже в тоталитарном обществе, где неизбежно появляются люди, которые более равны, чем все остальные.

– А почему израильское телевидение появилось столь поздно?

– Бен-Гурион полагал, что евреям оно не нужно: в самом деле, мы взрослые, разумные люди – зачем нам эти глупости, зачем делать из людей идиотов? И потом, он считал, что для детей и подростков телевидение просто губительно.

– Такие вещи решал единолично Бен-Гурион?

– Да, у него было достаточно власти. Кроме того, многие его в этом поддерживали.

– А он был таким отцом нации и знал, что нужно народу, а что не нужно?

– Не без этого.

– Тогда почему телевидение в Израиле вообще возникло?

– Телевидения не было, но телевизоры-то были, и они принимали арабские станции. Во время Шестидневной войны по каирскому телевидению все время шла информация о мнимых арабских победах. Необходима была контрпропаганда. Остро встал вопрос обращения к арабскому населению Израиля. И не только Израиля. Наше телевидение смотрят и в соседних странах. Первые передачи были в значительной мере на арабском.

– Так что, израильское телевидение появилось только после Шестидневной войны?

– Израильское телевидение дебютировало сорок лет назад: в шестьдесят восьмом – с прямой трансляции из Иерусалима парада в День независимости.

– Что не годилось для евреев, сгодилось для арабов? Что русскому здорово, то немцу смерть?

– Просто это действительно был самый эффективный способ коммуникации. Кроме того, как вы видите, сгодилось и для евреев.

– Вы разделяете точку зрения Бен-Гуриона на телевидение? Впрочем, понятно, что разделяете.

– Вполне. Баронесса Мирьям Ротшильд, дочь того самого Ротшильда, которому Бальфур адресовал свою знаменитую декларацию, рассказала мне такую историю. В Америке у нее был дом в лесу. Вечерами она иногда включала телевизор. Однажды в открытую дверь вошла лиса и стала смотреть. Фильм кончился – лиса ушла. Баронесса сделала из этой истории вывод, что телевизор хорошо соответствует животному сознанию.

– Вы тоже так думаете?

– По-моему, эта история очень убедительна.

– Пу Сунлин^[21] с вами едва ли бы согласился. Он бы решил, что лиса – оборотень.

– Мнение специалиста заслуживает внимания, но когда есть несколько объяснений, предпочтительней самое простое. Телевизор любят смотреть кошки и собаки; я готов допустить, что среди них попадаются порой отдельные оборотни, но я бы очень удивился, если бы все они сплошь оказались оборотнями. Животным просто нравится движущаяся картинка, зрелище их увлекает. Трудно себе представить, чтобы лиса пристроилась рядом с баронессой Ротшильд почитать вместе с ней открытую книгу.

– Ну почему же, все зависит от круга чтения баронессы.

– Боюсь, что даже самой продвинутой лисе было бы затруднительно разделить удовольствие баронессы от чтения, если, конечно, лиса действительно не была оборотнем, и это независимо от качества книги, потому что чтение – все-таки специфически человеческое занятие, а телевизор – нет.

^[1] Эфраим Кишон (1924–2005) – популярный израильский писатель-сатирик.

^[2] Пу Сунлин (1640–1715) – китайский писатель, автор многочисленных новелл, герои которых – лисы-оборотни.

ДРЕЙФУС, ЗОЛЯ И «НОВОЕ ВРЕМЯ»

Из истории европейского антисемитизма

Êððëÿ Ëíàðëí

Как известно, антисемитизм изобрели не Гитлер с Розенбергом. Увы, это один из родовых пороков того, что часто называют христианской цивилизацией; только вот некоторые национальные культуры более склонны к этому пороку, нежели другие. Помню, как я был удивлен, натолкнувшись в мемуарной книге Луиса Бунюэля «Мой последний вздох» на признание автора, что впервые в своей жизни с активным антисемитизмом он столкнулся, лишь переехав жить в Париж. Как тут не вспомнить, что самым острым проявлением галльского антисемитизма стало знаменитое «дело Дрейфуса», около ста десяти лет назад расколовшее французское общество и чуть было не приведшее (как уверяют некоторые историки) к гражданской войне. Вот один из микросюжетов этой драмы.

А. Дрейфус (в центре) в зале заседания суда во время процесса. Париж, 1894 год.

Для начала – краткая историческая справка. В 1894 году капитан французского Генерального штаба Дрейфус, еврей по происхождению, был обвинен в шпионаже в пользу держав Тройственного союза. Суровый приговор, вынесенный военным судом несмотря на шаткость улик, вызвал противоречивые отклики во французском обществе. Консервативные, монархические, клерикальные круги и высшее офицерство, то есть те, кого тогда именовали «союзом сабли и кропила», использовали якобы доказанное предательство еврея Дрейфуса для антисемитской пропаганды и (в конце концов) для укрепления своих политических позиций. Демократические силы, к которым тогда можно было отнести и крайне левых, выступили в защиту Дрейфуса. На шаткость улик указывали и некоторые военные юристы. Дело несколько раз пересматривалось в течение последующих пяти лет, но, несмотря на почти полное отсутствие доказательств и появление нового подозреваемого, венгерского аристократа на французской службе

майора Эстергази, Дрейфуса не собирались оправдывать. Дилемму «кто предатель – еврей или аристократ?» суд решал, исходя из собственного сословного антисемитизма.

Издательство «Новое время» (Невский проспект, 42). Фото 1900-х годов.

И вот сто десять лет назад в «деле Дрейфуса» произошел перелом. 13 января 1898 года в газете «L'Augore» (которую редактировал будущий президент Франции, а тогда левый журналист Жорж Клемансо) появилось письмо знаменитого писателя Эмиля Золя к президенту республики Феликсу Форю. Письмо называлось «Я обвиняю» («J'accuse»), и с тех пор это словосочетание стало символом прямого (и успешного!) вмешательства литератора в дела своих читателей, всей страны, всего мира. Кого же обвинил Золя? Всех, кто выгораживал Эстергази (следователей, военных судей, Генеральный штаб, военное министерство). Автора «Я обвиняю», в свою очередь, обвинили – в оскорблении армии. Чем кончилась эта история, всем хорошо известно, а мы бросим быстрый взгляд на то, как за «делом Дрейфуса» следила одна русская газета – известное своим национализмом и антисемитизмом «Новое время».

Карикатура на Эмиля Золя. Берлин, 1898 год.

Весной 1898 года «Новое время» начало маленькую частную войну против Золя, о которой, впрочем, французский писатель так ничего и не узнал. В обзоре политической жизни Франции, помещенном в номере за 13 марта, читаем: «Внутри страны умеренно-республиканское правительство сумело обеспечить спокойствие и

правильный ход политической жизни, справившись даже с таким грозным и неожиданно воздвигнутым противником, как агитация по делу Дрейфуса, в которой еврейские капиталисты нашли поддержку у крайних радикалов и социалистов, вообразивших, что им представляется средство низвергнуть министерство, победоносно отражавшее до сих пор все их нападения. В деле Дрейфуса премьер-министр рисковал очень многим, потому что в его собственной партии умеренных республиканцев было немало людей – или находящихся в известной зависимости от еврейских финансистов, или смущавшихся вмешательством в борьбу с защитниками Дрейфуса и сторонниками господина Эмиля Золя». Итак, первый выпад сделан, имя Золя брошено – причем во вполне понятном контексте. Обратим внимание на сам этот контекст, состоящий из столь милых сердцу профессионального антисемита фраз о «еврейских капиталистах» и «еврейских финансистах». Спустя десять дней уголовная палата кассационного суда оправдывает Золя от обвинений в оскорблении чести французской армии. Журналист «Нового времени» в номере за 23 марта 1898 года крайне опечален, но торопится успокоить читателя: «Суд общественной совести (так называет газета общественное мнение страны. – А. Э.) защитил честь французской армии и признал диффамацию диффамацией. Этот же суд прикончил наглую еврейскую агитацию и расстроил ядовитый план многомиллионного синдиката. Никто из противников Золя в печати, указывавших на фальшь его агитации, не желал и не мог желать, чтобы знаменитый писатель действительно ознакомился с камерой в тюрьме Сен-Пелажи за свою неосторожность, самообольщение и непомерное тщеславие». Российский газетный антисемитизм, как мы видим, переживает еще вегетарианские времена; «Новое время» и не мечтает о тюрьме для Золя, более того, оно даже прибегает к уговорам и просьбам. В номере за 24 марта читаем: «...придется просить Золя и его друзей сжалиться над Францией. Пусть, наконец, они оставят эту великую, благородную, побежденную в 1870 году страну готовиться в труде, согласии и мире к той чудесной промышленной, художественной и литературной манифестации 1900 года, которая увенчает новым украшением ее роскошную корону “королевы наций”» (речь идет о Всемирной выставке в Париже). Любопытно, что рядом с этим умильно-пошлым текстом помещено эссе Василия Розанова о Лермонтове и обзор петербургских лекций философа Вл. Соловьева. Суворинское «Новое время» было странным изданием, как и ее хозяин был странным человеком... Но вернемся к приватной войне «нововременцев» с Эмилем Золя. Газета не сдается, она отчаянно борется со знаменитым беллетристом, хотя ситуация становится уже явно неблагоприятной для обвинителей «ядовитого плана многомиллионного синдиката». Корреспондент газеты передает по телеграфу: «По словам газеты “Галуаз” военный суд подаст жалобу об оскорблении его Золя и вчинит вместе с тем гражданский иск... “Пти Журналь” снова требует лишения Золя ордена Почетного Легиона». Впрочем, это уже редкие перестрелки при отступлении. Эмиль Золя побеждает. Он исчезает со страниц «Нового времени», зато в номере от 26 марта 1898 года появляется сухая заметка: «К делу Дрейфуса и Эстергази. Вот вкратце сенсационное сообщение “Съекль” об отношениях, существовавших будто бы между майором Эстергази и бывшим германским агентом Шварцкоппеном в Париже...» Вслед за сенсационным сообщением «Съекля» последует новый политический взрыв, новый пересмотр «дела Дрейфуса», суд над Эстергази и, наконец, к 1906 году – полное оправдание ни в чем не повинного капитана французской армии Дрейфуса. Во Франции антисемитизм не прошел. В России до «дела Бейлиса» оставалось 13 лет.

Е.В. КОРОТКОВА-ГРОССМАН:

**«ИЗ ПРОТИВОСТОЯНИЯ С СИСТЕМОЙ ОТЕЦ
ВЫШЕЛ ПОБЕДИТЕЛЕМ»**

Àéàèíá àð Ðàííííðò

С момента публикации в России романа «Жизнь и судьба» и повести «Все течет» прошло около двадцати лет, однако жизнь и судьба автора этих книг вызывают не меньший читательский интерес, чем истории его героев. О корнях Василия Гроссмана, о его человеческих качествах и особенностях характера рассказывает дочь всемирно известного писателя переводчица и прозаик Екатерина Короткова-Гроссман.

– Екатерина Васильевна, что вам известно об истории рода Гроссман, в частности, о том, откуда пришли они в Бердичев?

– Тут нужно говорить о двух семействах: о Гроссманах и о Витисах. Витис – девичья фамилия матери Василия Семеновича и моей бабушки, Екатерины Савельевны. В старой архивной справке я нашла имя, под которым она была записана при рождении: Малка. В семье Витисов, богатых, образованных купцов, было четыре дочери. По документам у них были еврейские, а в обиходе уже русские имена: Мария, Анна,

Екатерина и Елизавета. Моя бабушка получила образование во Франции, а в Бердичеве работала учительницей французского языка. Своего единственного сына она называла Васей, но в его метрике стоит имя, данное при рождении, – Иосиф.

Судя по фамилии, Витисы – евреи из Литвы, по-простому говоря, литваки. Из Прибалтики они переехали в Одессу. В семейных преданиях фигурирует некий Дувид-Мейр Витис, предприимчивый, крутого нрава человек, основатель семейного купеческого клана. Характерно, что и Витисы, и Гроссманы не из нищеты пробивались в образованное сословие, а от роскоши негоциантов переходили в трудовую интеллигенцию. Как-то отец сказал мне: «Мы не были местечковой шолом-алеихемовской беднотой. Такими, что живут в хибарках и спят вповалку на полу. Это были совсем другие евреи. Они держали собственные конные выезды, жены их носили бриллианты, а дети учились за границей».

– Кем был ваш дед, отец Василия Гроссмана?

– Семен Осипович (Соломон Иосифович) учился в Швейцарии, в Бернском университете. Он получил профессию химика, в начале прошлого века вернулся в Россию и работал на шахтах как горный инженер. Семен Осипович родился в многодетной купеческой семье. Гроссманы были купцами второй гильдии, жили в Бессарабии и занимались хлеботорговлей. По мере того как дети Осипа Гроссмана выросли, происходило расселение этой большой семьи. Братья и сестры Семена Осиповича эмигрировали до первой мировой войны, большинство – в Америку. Их потомки, американские Гроссманы, живут главным образом в штате Нью-Джерси, ведут родословную, знают о своих российских корнях. Один из них приезжал в Москву в период «оттепели» и виделся с моим отцом. А Семен Осипович остался в России. Думаю, по той причине, что за границей он воспринял социалистические взгляды, вступил в РСДРП и не на шутку увлекся идеями социального преобразования общества. При разделе партии он примкнул к меньшевикам. Известно, что он был одним из организаторов восстания в Севастополе во время революции 1905 года. Впоследствии он вышел из партии.

– Где познакомились родители Василия Гроссмана?

– В Италии. Семен Осипович увел жену от мужа. Бабушка первым браком была замужем за итальянским евреем.

– Романтическая история!..

– Семен Осипович был обаятельным человеком. И многие весьма уже немолодые дамы при встречах со мной с умилением говорили: «Я была знакома с вашим дедушкой. Я так хорошо его помню!» Первый муж моей бабушки был ужасно ревнив, и ей пришлось буквально бежать от него. Просто сказать: «я уйду к другому» было невыносимо. История и вправду романтическая.

– Брак родителей Василия Гроссмана был заключен под хупой?

– В доме Витисов старинные обряды давно уже не соблюдались. Поколение моих дедушек и бабушек придерживалось атеистических взглядов, как многие интеллигенты той поры. Получив европейское образование, молодые люди отходили от старых обычаев, общаясь друг с другом, разговаривали уже не на идише, принимали вторые, русские имена.

– Сколько времени прожили Семен и Екатерина – они же Соломон и Малка – в Бердичеве и как долго длился их брак?

– Мой отец родился в Бердичеве 12 декабря – а по старому стилю 29 ноября – 1905 года. Ни у бабушки, ни у деда больше не было детей. Не знаю, как долго Семен Осипович оставался в семье, кажется, он довольно быстро уехал, а бабушка, с небольшими отлучками, всю жизнь провела в Бердичеве. Трудно сказать, сколько длился их брак, потому что после разрыва у них сохранились дружеские, очень доверительные отношения. Шла непрерывная переписка, по тону ее трудно понять, писалось это мужу или бывшему мужу.

– Как вы думаете, из-за чего произошел разрыв?

– Дедушка вел кочевую жизнь: как горный инженер, работал в Донбассе, как революционер, создавал и вел марксистские кружки, кроме того, был влюбчив. А бабушка с молодости сильно болела, часто ездила в Одессу, где лечилась в водолечебнице. Сопровождать деда она не могла, в тихом Бердичеве у родителей ей было лучше, чем в Донбассе среди угольной пыли... Но они всю жизнь, вплоть до гибели Екатерины Савельевны в 1941 году, переписывались, и нет даты, фиксирующей их разрыв.

– Василий Гроссман остается с матерью. Как долго он прожил в Бердичеве?

– В Бердичеве он жил недолго. В пятилетнем возрасте Екатерина Савельевна повезла его за границу, какое-то время пробыли во Франции, а потом два года он учился в швейцарском лицее. В самом начале первой мировой войны они вернулись в Россию, в 1914 году отец поступил в подготовительный класс Киевского реального училища. В начале гражданской войны он вместе с матерью вернулся в Бердичев, где учился в бердичевской гимназии и – время настало голодное – подрабатывал пильщиком дров.

– Василий Гроссман понимал идиш?

– Не уверена, что в большой степени. На уровне каких-то общепринятых идиом, поговорок, песен, конечно, понимал, но не думаю, чтобы сам он мог легко на нем объясниться. По крайней мере, я никогда этого не слышала. Скорее всего, и родители его между собой не говорили на идише. Когда в начале 30-х годов я оказалась в доме Витисов и нужно было сказать что-то, чего мне не следовало знать, взрослые переходили на французский. По-видимому, в этих случаях в разговоре осуждалась власть. В доме жили тогда бабушка Екатерина Савельевна, доктор, муж ее покойной сестры, он же владелец дома, и экономка, тоже говорившая по-французски.

– С первой своей женой Василий Гроссман познакомился в Киеве?

– Он и моя мама, Анна Петровна Мацук, вместе учились в киевской профшколе – был такой вариант учебного заведения. Там и познакомились. Мама происходила из черниговских казаков, но в конце XIX века семья переселилась в Оренбург. Там все дети получили хорошее образование. Во время гражданской войны семья вернулась на Украину.

Отец с 1921 по 1922 год учился в Киевском институте народного образования, а в 1923 году перевелся на химическое отделение физико-математического факультета Московского университета.

– К моменту его отъезда в Москву они еще не были мужем и женой?

– Нет, они были еще слишком молоды. Но нравились друг другу, и после отъезда отца в Москву завязалась переписка. В одном из писем он заявил, что их отношения должны быть забыты. Но потом, в конце 20-х, он, студент МГУ, приехал в Киев навестить родных, друзей, увидел маму уже взрослой девушкой, и их роман вспыхнул с новой силой. У них была общая, очень сплоченная компания, одноклассники не могли не собраться, когда Вася Гроссман приехал в Киев.

– Брак их, как и первый брак Семена Осиповича, длился недолго?

– Несколько лет. Поженились они еще студентами, а развелись в 1933 году. Я много думала о причине разрыва. Их ведь связывало очень сильное чувство. Но они оба выросли окруженные большим вниманием и заботой и привыкли к этому. Папа был единственным ребенком, а мама – младшенькая, с большой разницей в возрасте со старшими братьями и сестрами. Конечно, ее баловали, ею восхищались. Короче говоря, оба они привыкли не проявлять, а получать внимание. Я считаю, именно это мешало им ужиться друг с другом. Я хорошо знаю своих родителей. Для отца очень важным было внимание. Внимание к его работе, ко всему, чем он живет. Отзвуки этого рассыпаны по его книгам. Например, с каким восторгом он пишет о женщине, которая внимательна ко всему, даже к тому, что у тебя заболела шея, потому что ты спал в неудобной позе. И он написал о ней, внимательной и заботливой, восторженный монолог. А произносит его герой, похожий на него самого.

– То есть, как писателю, ему необходимы были условия. А женщина может их либо создать, либо разрушить.

– Он еще не был тогда писателем. Что до условий, мама как раз все это умела: создать уют из ничего, готовила очень вкусно. Просто молодые муж и жена обижались друг на друга за недостаток внимания.

– Ваша мама была из семьи казаков. Можно предположить, что, в отличие от поколения своих родителей, Василий Гроссман был ассимилирован и не считал, что его жена должна быть еврейкой?

– У него никогда не было жены-еврейки. Вторая жена, Ольга Михайловна Губер, по одному из родителей была из дворянской среды, по другому – из духовного сословия. Его последняя любовь, Екатерина Васильевна Заболоцкая, – из купеческой семьи. Это все сословия русских людей, кроме сословия купцов, где были разные национальности.

– Уже много написано о том, что Василий Гроссман подвергался преследованию со стороны цензуры, идеологии, партийного начальства. Интересно было бы узнать о его человеческих качествах. И о его женщинах. Ведь это тоже характеризует писателя. Можно ли сказать, что он был любвеобилен?

– Это слово в высшей степени к нему не подходит. Я бы и увлекающимся его не назвала. Отец был человеком сильных чувств, и все три его влюбленности были длительными и глубокими.

– Второму браку Василия Гроссмана тоже предшествовала бурная романтическая история. Ольга Губер была женой писателя Бориса Губера, у них было двое сыновей... Дети остались с отцом.

– Да, сыновья на первых порах остались со своим отцом, Борисом Губером. Мать их навещала. Это был серьезный, прочный брак. Только жить супругам было негде – по приезде из Донбасса у отца долго не было своего жилья в Москве. Их выручила тетка моего отца Елизавета Савельевна Алмаз – некоторое время они жили в ее квартире.

Борис Губер был прозаик, участник литературного объединения «Перевал». Когда начались репрессии, все участники «Перевала» были арестованы. И мальчиков, Мишу и Федю, могли отправить в детский дом как детей «врага народа». Мать их, Ольга Губер – член семьи «врага народа», была арестована. Папа – в то время уже известный писатель – настоял на том, чтобы мальчиков привезли к нему. И оформил над ними опекунство.

После ареста Ольги Губер он писал письма Калинину и в Комиссариат внутренних дел с просьбой пересмотреть дело, убеждал, что она уже несколько лет не член семьи арестованного, а жена Гроссмана. И совершил невозможное – дело на Ольгу Губер закрыли, а ее вскоре выпустили. У меня в архиве лежат характеристики, которые отец дал писателям-«перевальцам», когда его как свидетеля допрашивали в НКВД в связи с этим делом. Он характеризовал их как честных, чистых, преданных своей родине людей. Как человек, дающий показания на арестованных, он был абсолютно безупречен. Это был 1937 год.

– В романе «Жизнь и судьба» есть глава о пожилой интеллигентной женщине, глазном враче, которая погибает в гетто. Прототип героини – мать Гроссмана, ваша бабушка?

– Да, эту главу – о женщине, пишущей сыну письмо перед уходом в гетто, – он создавал, думая о судьбе матери. Бабушка вместе с другими, не сумевшими эвакуироваться, погибла в 1941 году во время немецкой оккупации. Из дома доктора Шеренциса, где я жила ребенком, она ушла в гетто. Но тогда, в 1933-м, до этого было далеко, целых семь лет. Помню, как приехал однажды отец, я ему страшно обрадовалась, а он обнял меня, поднял на вытянутых руках, долго читал мне Чуковского, всячески развлекал меня.

– После войны вы вернулись в Украину?

– После войны мы с мамой и отчимом жили во Львове, где я окончила школу и поступила в университет. Потом переехали в Харьков, где я пошла сразу на 2-й курс Харьковского института иностранных языков, на английское отделение. Экзамены за первый курс сдала сразу, на одни пятерки. Английский язык – моя профессия. Я переводила английскую классическую прозу XIX и XX веков.

– Вы в Москве начали переводить английскую прозу?

– Еще раньше, в Донбассе. После института, получив диплом, я решила пойти по стопам отца – поехала в Донбасс, в шахтерский поселок работать в школе учительницей английского языка, а в свободное время переводила Диккенса, Голсуорси. Жила там в тех же условиях, что и все жители поселка.

– Вам хотелось попасть в эту среду?

– Мне хотелось попасть в аспирантуру. И поначалу я была не довольна. Но потом поняла, что это хорошо – пожить в гуще народа, узнать то, чего не знают москвичи. Что касается аспирантуры, то с фамилией Гроссман меня упорно не хотели туда брать. Шла полным ходом кампания по борьбе с «космополитами». Меня рекомендовали в аспирантуру преподаватели Харьковского института иностранных языков. Протестовали против этого парторг и преподаватель марксизма, а он всегда мне только пятерки ставил. Я училась хорошо, моя курсовая получила первую премию на городском конкурсе студенческих научных работ, да и помнили все, как я в институт поступала. В общем, заметная была девочка. Сдавать экзамены в аспирантуру Харьковского университета мне позволили не сразу. Долго не приглашали, но отец написал письмо депутату Верховной Рады, украинскому поэту Миколе Бажану, и меня допустили к сдаче. Я единственная сдала специальность на пять, тем не менее меня не приняли. Через год я сдавала снова, и все повторилось: у меня была пятерка по специальности, у остальных не было и четверок. После экзаменов погнали нас на собеседование в обком. В обкоме члены комиссии стали меня спрашивать о национальности мамы и отчима...

– Даже отчим их интересовал?

– И он тоже. А еще им почему-то показалось подозрительным, что моя мать, этническая украинка, уроженка Оренбурга, уральская казачка, в паспорте записана русской, хотя рядом стоит ее украинская фамилия. Это их заинтересовало: как же так, почему русской записалась? Позже я узнала, что уральские казаки охотно принимали в свою среду людей разных национальностей. Они были подданными Российской империи, воевали в составе русской армии, разговаривали по-русски, ну как им еще записываться? А в харьковском обкоме прицепились ко мне: почему мама записана русской с фамилией Мацук?

– И что же вы им отвечали?

– Что-то добросовестно объясняла. Например, стала говорить, что, когда мама родилась, в документах писали еще не национальность, а вероисповедание, а ее родной город назывался тогда не Чкалов, а Оренбург. Они смеялись и говорили: мы знаем, знаем. Вообще, они были весьма благодушны, но в аспирантуру по английской филологии не пустили. Почему я хочу заниматься наукой, не спрашивали, выясняли исключительно национальность членов семьи. Дома я сказала: «Странно, что о национальности кота не спросили».

– Когда вы переехали в Москву?

– Отца я навещала ежегодно, приезжала на каникулы. В 1955 году приехала из Харькова и устроилась на работу в Библиотеку иностранной литературы, очень недолго жила в квартире Ольги Михайловны, потом для меня сняли отдельное жилье. Отец показывал мне Москву, брал с собой, когда шел в гости, в ресторан, на прогулку. Мы много общались, какое-то время жили вдвоем на Ломоносовском проспекте.

– 1955 год – благополучный период: вышел в полном объеме роман «За правое дело», состоялся XX съезд, страна была полна надежд... Василий Гроссман чувствовал себя на подъеме?

– Да, я помню, что он тогда, к пятидесятилетию, орден получил. Вообще у него было три ордена. Два боевых – Красной Звезды и Боевого Красного Знамени; много боевых медалей. А к пятидесятилетию он получил орден Трудового Красного Знамени. Боевые ордена он получил не только за Сталинград. Редко кто из корреспондентов столько бывал на фронтах в моменты наступления, обострения боевых действий. Он был почти во всех «горячих точках» и благодаря этому стал очевидцем основных событий Отечественной войны. Курская дуга, форсирование Днепра, освобождение Одессы, Харькова, Варшава и Варшавское гетто, взятие Берлина – его дневники переполнены материалом. Сейчас они изданы.

– Задолго до истории с романом «Жизнь и судьба» пришлось прятать другую рукопись: составленную им и Эренбургом «Черную книгу». Таким образом, опыт спасения рукописи появился уже в конце 40-х годов. Вы обсуждали с ним запрет «Черной книги»? Удалось ли сохранить и опубликовать все, ими отобранное?

– Нет, этого мы не обсуждали. Насколько я знаю, они с Эренбургом включали в текст «Черной книги» не все, что им присылали, а наиболее значительные, на их взгляд, материалы. То, что они тогда отобрали, удалось в полном объеме сохранить и издать в начале 1990-х годов. Отец глубоко пережил геноцид своего народа. В Трешлинке он подобрал детскую игрушку, деревянный кубик, весь исцарапанный, со стертыми рисунками. Этот кубик всегда лежал на его письменном столе.

В. Гроссман за рабочим столом.

– Естественно, что Василий Гроссман откликнулся, не мог не откликнуться на то, что называют словом «Катастрофа». А вне этих событий еврейство его интересовало?

– Во всех его книгах есть герои-евреи: ремесленники, инженеры, солдаты, у них еврейские имена, внешность, манера говорить. Уже в рассказе «В городе Бердичеве» появляется еврейская тема. В «Степане Кольчугине», например, есть Капилевич, очень характерный персонаж... Ну и дальше, в других романах...

– Это как у писателя-реалиста, который видел, что такие люди есть, и описывал их...

– Я думаю, это несколько больше. Вот Анатолий Бочаров, выпустивший две книги о жизни и творчестве отца, обратил внимание... Можно было написать: «Пришли два молодых человека». Но Гроссман пишет: «Пришли два молодых еврея». Он не упускал случая написать о евреях. В «Кольчугине», например, царский генерал вспоминает о том, как евреи поддержали патриотический порыв в начале первой мировой войны, участвовали в шествии рядом с черносотенцами – несли свитки Торы. Если описана маевка, то ремесленник-еврей сидит рядом с заводскими рабочими, рассказывает историю о своих товарищах из местечка. У отца этого много. Я думаю, у него было интеллигентское чувство вины, точнее, чувство долга, как у человека, оторвавшегося от черты оседлости, ушедшего в другую среду. Было ощущение, что надо помнить...

– Судя по воспитанию и кругу общения, человеком религиозным, относившим себя к той или иной конфессии, его назвать нельзя. Он был атеистом?

– Да, в его прозе, особенно в довоенный период, есть много свидетельств того, что он был атеистом. Но его всегда интересовало поведение священнослужителя, и горящие своей верой священники вызывали уважение. У него описаны католик в «Жизни и судьбе», молоканин в повести «Добро вам», о них он пишет очень уважительно.

– Как вы можете объяснить разрыв, который произошел между Ольгой Губер и Василием Гроссманом? Они жили вместе больше двадцати лет. Потом он решил, что отношения исчерпаны. Появилась новая любовь?

– Ольга Михайловна была преданной и верной женой, больше того, она по натуре была подругой борца. В то же время она была властной и ревнивой. Да и характер вспыльчивый. Это делало ее несправедливой и жесткой в отношении с родней мужа. Все это накапливалось... В круге общения отца появилась другая женщина, Екатерина Васильевна Заболоцкая. Она едва ли стала бы «декабристкой», но была доброжелательной, мягкой. Завязалась дружба домами, постепенно это переросло в романтические отношения. Они познакомились в 1946 году, отцу был сорок один год, Екатерина Васильевна на год моложе, обе семьи жили тогда в коттеджном городке на углу Беговой и Хорошевки. Там же жили Каверин и Липкин, многие известные люди. У отца был один из первых телевизоров в Москве; Заболоцкие и Каверин часто приходили смотреть.

– Гроссман и Заболоцкая официально заключили брак?

– Они не расписались. Снимали комнату, потом отец получил кабинетик на Ломоносовском. Когда люди долго живут вместе, а потом расходятся, это не так, как у молодежи, которая может легко все переменить. Там бывали временные возвраты в

прежнюю семью и новые уходы. Екатерина Васильевна дала в газету объявление о разводе с Заболоцким, а отец не развелся с Ольгой Михайловной. Потом они жили в доме на Красноармейской улице, в одном подъезде, но в разных квартирах. Екатерина Васильевна принимала папиных гостей.

– Известно, что у Василия Гроссмана были и другие романы, помимо этих трех.

– Ничего об этом не знаю. Зато не раз встречала дам, склонных принимать желаемое за действительное. Меня удивляло, как немного им требовалось, чтобы вообразить себе...

– В чем, по-вашему, были причины его успеха у женщин? Его манера ухаживать, остроумие, талант, внешность?

– Мама рассказывала, каким красивым был он в молодости. Рост – 178 см, правильные черты лица, большие голубые глаза, темные волнистые волосы, да еще и усы носил. Все остальное – и талант, и обаяние, и остроумие, – разумеется, были при нем.

– Вы помните какие-то его шутки в быту, поведение в компании?

– Как-то на школьные каникулы я приехала к нему погостить, и перед уходом говорю: ко мне может подружка зайти, она такая хорошенькая была в прошлом году, а сейчас хуже. И ушла: все время моталась то в театр, то в музей. Прихожу, а папа мне говорит: приходила девочка со следами былой красоты.

Если говорить о компаниях, то он очень любил своих старых друзей, встреченных в детстве и юности: Ниточкины, Лобода, Тумаркины. Отец был склонен к долгим дружеским отношениям. Эти связи он сохранил до конца, а друзья оставались верны ему и после его ухода. В нем было что-то от гуру. Он сам это любил: научить, как правильно, как думать и как поступать. Однажды в Ялте отдыхали большой компанией, и вот раздается стук в дверь, он открывает: вся компания – писатели и их жены – стоят на коленях с протянутыми к нему руками и – хором: «Научите, как жить!»

Бердичев. Дом, в котором родился Василий Гроссман.

– Василий Гроссман тоже любил устраивать розыгрыши?

– Еще какие! Но все это в молодости, до войны. Он очень ценил дружбы, завязавшиеся во время его работы в армейских газетах. Однажды – это мне после отца еще и Алексей Каплер рассказывал, – когда отец приехал с фронта, компания военных корреспондентов собралась у него в коммуналке на улице Герцена. Вдруг звонок в дверь, входит посыльный и говорит, что Василия Гроссмана вызывают в Кремль для вручения ордена. Отец не захотел нарушать компанию и ответил, что сейчас у него встреча с фронтовыми друзьями, пусть уж орден ему позже дадут, не в торжественной обстановке.

Это был яркий, остроумный, жизнерадостный человек, хотя и не лишенный вселенской грусти. Не надо делать из него замкнутого и угрюмого страдальца. Все то, на что цензура пыталась навсегда наложить запрет, сохранено его друзьями, опубликовано в течение трех лет и переведено на многие языки. Из противостояния с системой, арестовавшей его рукописи, отец вышел победителем.

АНТИЧНЫЙ МИР, ИОСИФ И ЕВРЕИ

На четыре вопроса отвечают: Ури Гершович, Сергей Карпюк, Аркадий Ковельман, Михаил Селезнев

Ἀπὸ τῶν ἀποστόλων Ἰωάννη Ἰωσήφ

«История не терпит сослагательного наклонения» – фраза, набившая оскомину, да и много ли проку в ней для оглядывающегося назад. А назад мы все горазды поглядеть и व्यю с хрустом выворачиваем по поводам не только юбилейным, порой и без – просто души порывы захлестывают. Таков уж человек, и слова «если бы» или «как если бы» отнюдь не лишни, и вредны не всегда для составления целостности той или иной картины прошлого, для сравнительного анализа и понимания совсем недавнего и уходящего в даль необозримую. Вот «если бы» предположить, что не было бы Кумранских свитков – что знали бы мы о ессеях – оппонентах «официального» иудаизма в лице фарисеев и саддукеев? Смогли бы жить так же, как сейчас, «если бы» не было «Иудейской войны», а источник многих и многих сведений – «еврей из Иерусалима» – не уцелел бы в «самой великой из известных нам войн между городами и народами»? Эту войну он описал, по его заверению, беспристрастно как для подданных Римской империи, так и для народов, живущих на Востоке, «на своем родном языке». Вернее, наоборот: сначала «беспристрастно» для своих и только потом – «беспристрастно» для граждан Рима. Выходит, поделил Иосиф Матвеевич правду между двумя античными мирами. Насколько поровну он это сделал, великий историк, человек двух миров, и что это были за миры, потребовавшие двух правд?

В РАЗРУШЕНИИ ХРАМА БЫЛ «ЗАИНТЕРЕСОВАН» САМ Б-Г

Ури Гершович, докторант Еврейского университета в Иерусалиме, сотрудник Открытого университета Израиля

– Эпоха эллинизма характеризуется массовой еврейской эмиграцией в Египет. Не было города, где бы не жили евреи – выходцы из Палестины. В империи были еврей-чиновники, еврей-всадники и даже еврей-сенаторы. Немало было и экономических льгот, например монополия в торговле папирусом, право брать на откуп сбор некоторых денежных пошлин. Короче, известная нам картина, все хорошо, и вдруг... А может, не вдруг? В чем, на ваш взгляд, причина

александрийского погрома – монотеизм евреев и вера в свое избранничество? Были другие причины?

– В статье, открывающей сборник «Эллинизм и еврейская культура», профессор Аркадий Ковельман указывает, что непосредственным поводом конфликта, приведшего к погрому, была проблема александрийского гражданства, которое с превращением Египта в римскую провинцию стало важным социально-экономическим фактором. Если исходить из этого, то в качестве причины погрома можно предположить, что евреи по сравнению со среднестатистическим египтянином-александрийцем имели в указанном отношении определенные преимущества, что и вызвало всплеск ненависти по отношению к ним. А можно вслед за Михаилом Ростовцевым остановиться на том, что евреи попросту стали «козлами отпущения», жертвами досады александрийской аристократии, потерявшей царство, до которого евреям, в принципе, не было никакого дела. Однако, будучи далек от исторического позитивизма, я не стал бы спешить принимать ни то ни другое объяснение, ни оба, вместе взятые. Более того, на мой взгляд, современная историческая наука достигла того уровня рефлексии, когда она и не берется всерьез ответить на вопрос, что же было истинной причиной того или иного явления? Заметьте, упомянутая выше статья Аркадия Ковельмана посвящена вовсе не подобному вопросу, не выяснению причин александрийского погрома. Она формулирует гипотезу относительно зарождения овладевающих массами идеологий, то есть относится к теоретизированию по поводу историко-культурных процессов глобального характера. Действительно, вопрос об истинных причинах исторического явления зависит от того, какую систему описания мира и объяснения происходящего в нем я принимаю. Верю ли я в то, что все объясняется классовой борьбой или социально-экономическими и политическими конфликтами, полагаю ли, что историю двигают ментально-духовные импульсы личностей и социума или Б-жественное провидение. Причем об относительности любой из имеющихся систем сегодня говорить не приходится. С этой точки зрения любопытен подход мудрецов Талмуда, которые не искали причин бедственных для евреев событий во внешних факторах, но видели их исключительно в сфере морально-нравственного и духовного состояния народа. Так, в трактате «Гитин» в качестве причины разрушения Храма указывается конфликт двух евреев – Камцы и Бар-Камцы, а если точнее – оскорбление, прилюдно нанесенное частному человеку.

– Йосеф бен Маттатьяу (Иосиф Флавий) уверяет, что сожжение Храма происходило без ведома и против воли Тита. Как вы думаете, такое могло быть? Или Иосиф защищает себя и Флавиев? Себя – от крайней формы ренегатства, Флавиев – от редкостного варварства? Но если предположить, что такое могло случиться, кто больше всех был заинтересован в крушении Храма, кроме, разумеется, высокодисциплинированных римских солдат?

– При ответе на этот вопрос мне вновь придется привлечь мой исторический релятивизм. Какого рода свидетельство могло бы подтвердить или опровергнуть утверждение о том, что Храм был разрушен против воли Тита? Ведь даже найди мы документ за подписью Тита с его прямым указанием разрушить Храм, нельзя было бы исключить, что Тит действовал против своей воли, что его вынудили к этому те или иные обстоятельства. Флавий, конечно, мог быть ангажирован, но могли быть и другие причины апологии Тита. Например, хороший знакомый, которому трудно отказать, попросил написать то-то и то-то о Тите. В любом случае, на мой взгляд, подобные домыслы о движущих мотивах хороши для исторического романа и имеют соответствующую достоверность. Ведь даже обладая гораздо большей информацией – предположим, когда речь о современном событии – мы навряд ли можем быть уверены, что понимаем, каковы движущие мотивы политических деятелей. (Между тем разговор об

этом всегда спорится.) Кроме того, в истории не всегда важно, каковы были истинные мотивы или даже истинные поступки сыгравшей какую-то роль личности. Важнее образ этой личности, запечатленный в исторической памяти народа – его собственного народа либо народа, с историей которого связана его деятельность. Интересно, что не только у Флавия, но и в других исторических хрониках Тит предстает положительной фигурой. Но вот в упомянутом выше трактате «Гитин» Тит – осквернитель Храма, воинствующий язычник, выступающий против единого Б-га, поверженный комаром и наказанный глупой и мучительной смертью. Кто был заинтересован в разрушении Храма? Могут быть разные ответы с точки зрения сложной политической ситуации того времени. Но я вновь обращаю ваше внимание на ответ мудрецов Талмуда. Он достаточно радикален: в разрушении Храма был «заинтересован» Сам Б-г.

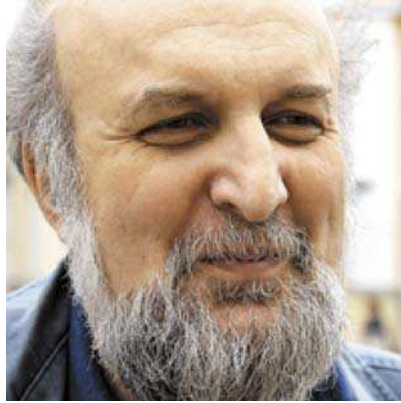
– Аммиан Марцеллин в своей «Истории», упоминая последнюю из сирийских провинций – Палестину, восхищается ее городами – Цезареей, Элевтерополем, Неаполем, Аскалоном, Газой. А Иерусалим вспоминает лишь тогда, когда речь заходит о Помпее: он «учредил там отправление правосудия по образцу провинции». Чем вызвано такое отношение последнего из великих языческих историков к городу, который по праву можно назвать колыбелью человечества?

– Честно говоря, не знаю, как ответить на этот вопрос, не повторяя того, что уже сказал выше...

– Вам не кажется, что Надежда Мандельштам и Анна Ахматова, называя Иосифа Бродского «вторым Осей», отмечали не только дарование Иосифа Бродского, петербургские корни обоих поэтов, но еще и их схожее отношение к греко-римской культуре? И Осип Мандельштам, и Иосиф Бродский для современного соблюдающего иудея не то же ли, что Филон Александрийский и Иосиф Флавий для галилеянина, иудея античных времен?

– Во-первых, я не считаю, что отношение Иосифа Бродского к греко-римской культуре было настолько похожим на мандельштамовское. Конечно, сходство есть, но есть и отличия. Во-вторых, не думаю, что Надежда Мандельштам и Анна Ахматова выделяли именно эту составляющую в качестве основополагающей, сравнивая двух поэтов. Скорее они имели в виду сходство их поэтической и личностной осанки, тон и звучание их стихов, возможно, некоторые черты их судеб. «Отношение к греко-римской культуре» – слишком литературоведческий концепт. Если под «современным соблюдающим иудеем» понимать не русскоязычного иудея, то, думаю, они знают об Осипе Мандельштаме и Иосифе Бродском еще меньше (если такое возможно), чем галилеянин о Филоне и Флавии. Более того, у писавших по-русски поэтов гораздо меньше шансов на то, что когда-либо, ненароком их имена станут известны, пусть в качестве маргинальных, отдельным представителям не русскоязычного иудейства. Разве что предположить радикальные изменения в иудаизме плюс невероятную экспансию русской культуры.

ПРОГРАММА ФАРИСЕЕВ ОКАЗАЛАСЬ НАИБОЛЕЕ ЭФФЕКТИВНОЙ

Сергей Карпюк, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, зам. главного редактора журнала «Вестник древней истории»

– Об информативной насыщенности «Иудейской войны» говорить нечего – сколько веков пользуемся этим источником. Однако давно бытует точка зрения, что история войны, взаимоотношений евреев и римлян искажена автором. При том что сам Иосиф Флавий с первых слов обрушивается на тех, «кто извращает истину и подменяет точность исторического изложения то обвинительными, то хвалебными речами». Есть ли у нас возможность прочесть сокрытое за искажением – к примеру, благодаря новейшим текстуальным или археологическим исследованиям?

– Любой исторический труд субъективен, задача исследователя отделить зерна истины от плевел вымысла. Проблема в том, что «Иудейская война» – это не просто сочинение апологетическое (оправдывающее деяния самого автора) и политизированное (восхваляющее деяния римских императоров), но и риторическое сочинение: Иосиф Флавий стремился подражать подходу и стилю знаменитого древнегреческого историка Фукидида, который жил за пять веков до него. Кстати, именно поэтому оно было написано (очевидно, с помощью секретарей) на древнегреческом языке, а не на привычном для Иосифа арамейском. Новейшие археологические находки могут что-то добавить к информации, которую мы почерпнули из «Иудейской войны», подтвердить либо опровергнуть какие-то мелкие детали, но анализ текста останется самой важной частью работы историка.

– Можно сказать, что иудейские религиозные общины начала новой эры были еще и подобием политических партий, игравших важную роль. Связана ли победа фарисеев над саддукеями и ессеями после 70 года с активной вовлеченностью фарисеев в политические события тех катастрофических для Палестины лет?

– На этот вопрос можно ответить только весьма приблизительно: многого мы не знаем, а Иосиф Флавий – автор тенденциозный, настроенный к фарисеям не слишком дружелюбно. Идеиная борьба в «послевоенной» Иудее вообще освещена в наших источниках весьма односторонне. Скорее всего, программа фарисеев оказалась (или казалась большей части евреев Иудеи) наиболее эффективной «программой выживания» в тяжелый период, последовавший за разрушением второго Храма римлянами.

– Диоген Лаэртский в сочинении «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов», вступая в диалог с Клеархом из Сол, утверждающим, что

индийские гимнософисты происходят от магов, ненавязчиво напоминает нам: «И иудеев некоторые возводят к магам». Как понимать Диогена? В III веке новой эры смысл слова «маг» тот же, что и теперь, или тут имеет место трансформация смысла этого слова?

– Греческие авторы III века до новой эры не были настроены отрицательно к евреям, но считали еврейскую религию весьма экзотической и сравнивали ее и с персидскими учениями (магов), и даже с индийскими. В то время интерес к экзотическим восточным религиям в греческом мире резко возрос.

– Греки считали евреев народом диким (у них и храм-то один на всю страну), евреи, как известно из истории, тоже особо греков не жаловали. После Маккавейского восстания, после поражения Антиоха V Евпатора, после победоносных военных действий Шимона Хасмонея, брата Йеуды Маккавея, можно было бы спровадить всех греков-язычников вместе с их философами, однако евреи этого не делают. Почему в Иерусалиме – столице Хасмонеяского царства – греческий язык, греческая культура остаются едва ли не вторыми по значению?

– Греческий язык в то время выполнял функцию «мирового» языка, подобно английскому сейчас, во всяком случае, в Средиземноморье. Хасмонеяское царство, даже добившись независимости от державы Селевкидов, оставалось частью эллинистического мира. К тому же значительная часть нееврейского населения Хасмонеяского царства говорила по-гречески.

ОБРАЗОВАННЫЕ ЯЗЫЧНИКИ ТОРУ НЕ ЧИТАЛИ

Аркадий Ковельман, доктор исторических наук, профессор и заведующий кафедрой иудаики Института стран Азии и Африки при МГУ им. М.В. Ломоносова

– Еврейский Б-г, в отличие, скажем, от богов греческих, отделен от категорий времени и пространства. Древнееврейский взгляд на мир включал в себя понятия непрерывности процесса изменения мира, приближения его к идеальному, задуманному Создателем... Вряд ли греки могли верить в возможность исправления мира путем соблюдения заповедей... Как осознавались в древности евреями и греками важные отличия их философий, мировоззрения, находили ли они точки схождения и вообще, требовала ли этого повседневная жизнь Ойкумены?

– Я не думаю, что еврейский Б-г существовал вне категорий времени и пространства. Скорее Он был больше этих категорий (Б-г – Место вселенной, а не вселенная – место Б-га). Но Он активно действовал во времени и в пространстве.

Наоборот, античные боги были совершенно равнодушны ко времени, да и пространством не очень интересовались. Верили ли греки в возможность исправления мира? Смотря какие греки. Стойки поворачивались к миру (то есть толпе) спиной, а киники (циники) – задницей. Но Платон строчил проекты построения идеального общества, управляемого философами. Есть даже безумная теория происхождения Алахи от Законов Платона. Автор этой теории – немецкий историк Байер, ставший израильским историком Бером. Как осознавались греками и евреями отличия их мировоззрений? Смотря какими евреями. Утонченные евреи Александрии одобряли и изучали Платона, который, по их словам, был учеником Моше. А Моше они отождествляли с легендарным певцом Мусеем. Напротив, мудрецы Талмуда категорически запретили греческую мудрость. Из философов они знали только киника Энома из Гадары, благо он жил по соседству. Из поэтов – только Гомера. Греческих книг не читали, считая излишним отвлекаться от Торы. Александрийский еврей Филон называл своих оппонентов «местечковыми». По-гречески житель местечка – «микрופолит», в отличие от гражданина мира – «космополита» (каковым Филон считал себя). Местечковый еврей смотрит в Тору и не видит в ней категорий Платона, а Филон, естественно, видит. В огне погромов и восстаний (в I–II веках) погибли и местечковые, и утонченные (все четыре сына Пасхальной Агады). Когда рассеялся дым, оказалось, что выжившие утонченные перешли в христианство, которое им и наследовало. Церковь сохранила трактаты Филона (посмертно объявленного христианином). Местечковые же евреи создали Устную Тору (Мишну, Талмуд и многое другое). Они создали ее в маленьких городах и больших деревнях Галилеи (на севере Земли Израиля) и в соседнем Вавилоне. Вавилоном по традиции называли Южный Ирак, где евреи жили со времен Вавилонского пленения. Устная Тора не говорила на имперских языках – греческом, латинском, персидском. Она изъяснялась на иврите и арамейском. Да и эти языки были замусорены словами из персидского, латинского и греческого, так что получался почти что жаргон, «идиш» поздней античности. Жаргона этого не понимали евреи, жившие в Италии, Испании, Британии, Греции. Они-то говорили на латинском и греческом, хотя и не были шибко образованы. Устная Тора оказалась запертой в местечке. Только арабы вывели ее на простор большого мира, отвоевав этот мир у византийцев и персов. Талмуд воцарился тогда от Багдада до Кордовы, проник за Пиренеи.

– «Сатирикон» и Агада ровесники. Помимо «смехового», «неприличного» и фольклорного что еще сближает античный роман с Агадой?

– Местечковость. И дело даже не в том, что герои «Сатирикона» и «Золотого осла» путешествуют по маленьким городам Италии и Фессалии, а герои Агады живут в маленьких городах Галилеи. Они все или почти все – маленькие люди. Рабы и вольноотпущенники (иногда богатые), крестьяне и ремесленники, проститутки и воры, софисты и ученые рабби. И события у них мелкие, анекдотические. Какой-то слуга какого-то неизвестного человека пошел и привел на пир Бар-Камцу вместо Камцы. Какой-то ученик плотника (тоже безымянный) обманул своего хозяина, увел у него жену, а его самого превратил в собственного слугу. И из-за слез плотника, которые тот ронял в кувшин, подавая вино жене и ученику, из-за обиды выгнанного с пира Бар-Камцы был разрушен Иерусалим, сожжен Храм, а евреи рассеяны по лицу земли. Даже царь Давид становится в Агаде ученым рабби, живет в доме с садом, сбегает по ступенькам, слышав шум в кроне деревьев, падает и умирает. И Агада, и роман смотрят на мир с лупой в руках, видят его мелкие и невидные подробности. Подробности эти, конечно, смешны и часто неприличны, но ровно так и можно увидеть мир через лупу. Здесь нет грандиозных полотен Библии или Фукидида, Иосифа Флавия или Вергилия. Здесь нет и философской грандиозности Платона и Филона. Но тот, кто погубит одного из этих мелких, невидных людей, уничтожит целый мир (Тора вменит ему уничтожение целого мира в вину).

– Какую роль в средиземноморском бассейне играла грекоязычная еврейская культура? И действительно ли разгром еврейской общины в Александрии в 115 году ознаменовал ее конец?

– Какую роль? Никакую. По крайней мере, до рождения христианства. Образованные язычники Тору не читали, в том числе и по-гречески, а необразованные читали только неприличные надписи на стенах и счета в лавках. Правда, были прозелиты, те, кто падал в объятия иудаизма и становился евреем. Но за пределами этого круга грекоязычные еврей-интеллектуалы не находили отклика. Коллеги-философы искренне презирали их. Я думаю, что именно стремление разорвать узкий круг вдохновляло евреев, ставших отцами христианства (Павла в первую очередь). Уже в наши дни (почти что в наши) Пастернак отчаивался: ведь его читали только «загнанные евреи»! А ведь он хотел пройти «умы и земли, чтоб преданьем в вечность пасть», чтобы «каждый тополь у порога» знал его в лицо. А тут опять эти местечковые! Христианство все изменило. Оно выросло из эллинистического иудаизма (с примесью учения фарисеев, конечно). И ненависть к местечковым евреям оно унаследовало от эллинистического иудаизма, хотя бы отчасти. Ведь эти местечковые евреи так и не научились читать Тору аллегорически, то есть видеть в ней идеи Платона и предсказания рождения и казни Иисуса. Ничего, что сам Иисус – типичный местечковый еврей, сын плотника. Христианство подняло его до ранга Логоса, мирового разума, главной из платоновских идей.

– В своей книге «Эллинизм и еврейская культура» вы пишете: «Ученая женщина – невероятность в патриархальной культуре талмудического периода. Более того, это невероятность страшная и раздражающая». А вообще насколько могла быть образована еврейская женщина в античном мире?

– А почему бы и нет? «Одна матрона» – типичный персонаж Талмуда. И вовсе не всегда это язычница. Богатые и знатные женщины жертвовали на синагоги, управляли огромными хозяйствами. Конечно, в Галилее таких было немного, но на просторах империи – достаточно. Поздняя античность – время, когда женщина впервые в истории начала эмансипироваться. Наследие этой эмансипации – гет, разводное письмо. Мудрецы допустили его ради мира и спокойствия. Свобода развода – дело невиданное прежде. Но и права жены в эпоху Талмуда были защищены брачным контрактом, который ограничивал эту свободу. Никто не мог развестись с женой, не заплатив оговоренную сумму. Образованная женщина в богатой семье – не чудо. А простые (местечковые) женщины усердно посещали проповеди, особенно если проповедник был такой, как рабби Меир. Так что мужья ревновали и выгоняли этих жен из дома. Женщина – особый случай маленького человека в Талмуде. Она не учится, но собирает сыновей в школу, достает деньги мужу, ждет (месяцами!) его возвращения из ешивы. На ее трудах и слезах вырастают великие рабби. Недавно я прочел мемуары Арона Яковлевича Гуревича («История историка»). Он был великим рабби наших дней, не зная ни Мишны, ни Талмуда. И конечно, его жена – жена рабби, так она описана в мемуарах.

РОЛЬ ИОСИФА ФЛАВИЯ НЕ СТОИТ ПЕРЕОЦЕНИВАТЬ

Михаил Селезнев, кандидат филологических наук, гебраист, главный редактор Российского Библейского общества, научный сотрудник РГГУ

– Варрон, касаясь иудейской религии, обнаруживает заинтересованность в иудаизме. По поводу изображения богов он высказывается достаточно резко в адрес своих соотечественников, напоминая им, что в древности более ста семидесяти лет римляне обходились без изображений богов. «Если бы это продолжалось до сих пор, в отношении к богам было бы больше благочестия». Были ли кроме Варрона философы, ученые римские или греческие, считавшие так же?

– Немало античных ученых и философов относилось к евреям с симпатией, считая их «народом мудрецов». Релевантные тексты собраны в издании «Греческие и римские авторы о евреях и иудаизме» (издательство «Гешарим»).

– Страбон в «Географии» пишет: «Некоторые делят всю Сирию на страну келесирийцев, сирийцев и финикиян и утверждают, что с этими племенами смешаны еще четыре – иудеи, идумеяне, газеи и азотины». После 20-х годов II века до новой эры идумеяне практически срачиваются с иудеями. Почему идумеяне растворились в еврейском народе? И не просто растворились – идумеянином, если не ошибаюсь, был Ирод Великий? И это при том, что их ненависть к евреям – известный из истории факт.

– Идумеяне не растворились в еврейском этносе, а были насильственно в нем растворены. На протяжении многих столетий между жителями Иудеи и эдомитянами шли беспрестанные войны. В эпоху своего расцвета Иудейское царство контролировало территорию Эдома. После катастрофического разгрома Иудейского царства вавилонянами в начале VI века до новой эры эдомитяне заняли ряд областей Южной Иудеи. Это, естественно, привело к дальнейшей эскалации ненависти между двумя народами. При Иоанне Гиркане вновь усилившаяся Иудея покорила идумеев. Часть идумейского населения бежала. Оставшихся насильно обратили в иудаизм, чтобы обеспечить их лояльность Иерусалиму. Можно привести ряд исторических аналогий. Например, «отуречивание» балканских славян после завоевания Балкан турками, обращение в католичество и «испанизация» арабов Пиренейского полуострова после реконкисты...

– При чтении «Войны» создается впечатление, что для половины Ойкумены основы человеческого общежития были попорчены всеми, включая римлян. Некоторые античные авторы считали разрушение Храма следствием злобы

и упрямства евреев. Это не благодаря Иосифу Флавию, занявшему нейтральную позицию?

– В древности (и не только) победители всегда провозглашали побежденных виновниками войны. Скажем, территориальное расширение Древней Ассирии шло, как правило, по следующему алгоритму: ассирийцы навязывали соседнему царству вассальный договор; договор скреплялся клятвой перед богами; через какое-то время тяжесть дани, которую этот договор подразумевал, и заносчивость ассирийцев приводили к тому, что вассальное царство пыталось отложиться; ассирийцы объявляли своих вчерашних вассалов клятвопреступниками, которые ложной клятвой оскорбили богов (ассирийских и собственных); ассирийские войска с чистой совестью уничтожали «преступное царство». Совершенно так же, по сути дела, развивались отношения Рима с Иудеей в I веке до новой эры – I веке новой эры. Римский народ был так же убежден в том, что виновники иудейской войны – иудеи, как русский народ в том, что виновники чеченской войны чеченцы. Роль Иосифа Флавия не стоит переоценивать: влияние его сочинения на римскую публику было несопоставимо с влиянием пропагандистской машины всей империи.

– Не доказал ли александрийский погром, что невозможно, оставаясь евреем, не отрекаясь от иудаизма, также быть и эллином по образованию, духу и гражданству?

– Быть стопроцентным эллином, не отрекаясь от иудаизма, невозможно, так как эллинская культура связана тысячами нитей с эллинской религией. Эллинистический полис – это не современная секулярная Европа, где все боги равны; гражданская жизнь полиса подразумевала какую-то степень участия в культе богов-покровителей полиса. Иудеи могли перенимать греческие язык, образованность, быт, философию, но стать стопроцентными эллинами они могли только отречением от своей религиозной традиции. Погром был связан с тем, что иудеи хотели обладать такими же гражданскими правами, что и эллины, оставаясь иудеями. Погром доказал, что эллины этого не хотят.

«Впереди то, что позади», – утверждали мудрецы и «восточного мира», к которому обращался на родном языке Йосеф бен Маттитьяу, и мудрецы эллино-римского, к которому обращался Иосиф Флавий. Интересно, как понял бы он это темное, требующее метафизических поисков изречение. Было бы для него «будущее-прошедшее» – застывшей лавой Везувия, а «прошедшее-будущее» – останками второго Храма? А может, он охотнее бы согласился со своим тезкой-виршеслагателем из будущего: «Что делает Историю? – Тела».

ДОПОЛНЕННЫЙ ГРИША БРУСКИН

Гעעזעאע אעגעניי אדלא

Гриша Брускин – человек известный. Известный в первую очередь как художник. Причем он один из самых успешных российских художников. Точнее, художников российского происхождения, поскольку Брускин уже давно живет в США, а в Россию приезжает время от времени. Например, когда открывается выставка его работ (последняя, если не ошибаюсь, прошла не где-нибудь, а в музее им. А.С. Пушкина).

На этот раз Гриша приехал в Москву по другой причине. В издательстве «Новое литературное обозрение» вышла его книга «Прямые и косвенные дополнения». Так что в очередной раз с еще большей уверенностью можно сказать: Гриша Брускин не только художник, но и писатель. Или даже так: Гриша Брускин художник и писатель.

«Прямые и косвенные дополнения» – четвертая по счету книга Брускина. Относительно недавно, – а теперь уже кажется, что давно, – вышла его первая книжка «Прошедшее время несовершенного вида». Сборник небольших мемуарных очерков, зарисовок, анекдотов, баек. Гриша Брускин вспоминал свое детство, семью, родителей, школу, учителей. Вспоминал не в пространном повествовании, не в последовательном хронологическом рассказе, а вспышками. Фрагментами, картинками. По существу, это и был семейный альбом, то есть альбом фотографий с подписями. Текст дополнял визуальный ряд. А может быть, наоборот, – визуальный ряд оттенял текст, конкурируя с ним в значимости. Но так или иначе, «слово было найдено», и вслед за «Прошедшим временем несовершенного вида» в том же «Новом литературном обозрении» вышли сначала «Мысленно вами», затем «Подробности письмом» и вот сейчас – «Прямые и косвенные дополнения». Презентация проходила в клубе «Апшу» – месте как нельзя более подходящем по духу и характеру книге Брускина. Хотя бы потому, что клуб семейный, атмосфера камерная и люди собрались в основном знающие друг друга. И

Брускина, разумеется. Делиться с чужими людьми семейными воспоминаниями, говорить о сугубо личном с посторонними – вряд ли кому придет в голову. Даже с поправкой на художественную отстраненность, на, так сказать, литературность продукта. А собственно презентация в главной своей части и состояла из чтения Гришей Брускиным фрагментов нового сочинения. Сначала несколько слов сказала Ирина Прохорова – как издатель. Затем несколько слов сказал Лев Рубинштейн – как один из главных вдохновителей вербального творчества Брускина. А потом Гриша читал. Кстати, вовсе не случайно Рубинштейн сказал, что ему всегда казалось, будто Гриша Брускин пишет для него, обращается непосредственно к нему, к Рубинштейну. Что это его книги. Здесь дело, конечно, не только в общей и для того и для другого «жизненной материи», в типологическом сходстве самого жизненного уклада, человеческих характеров, в среде, которая родственна, близка, памятна и Брускину, и Рубинштейну, в одних и тех же знакомых, в их собственном близком знакомстве, в конце концов. Хотя и это тоже важно. Дело в том, что стилистика Брускина, его интонация, качество его юмора, манера письма также иногда почти неотличимо «рубинштейновские» (кстати, на презентации сам факт чтения Брускиным фрагментов книги эти «рубинштейновские» черты лишь усиливал, невольно заставлял сравнивать с тем, как Лева читает свои тексты). Брускин в равной мере использует и «карточного» Рубинштейна, и Рубинштейна «колумниста», автора замечательных эссе. Именно использует, а не только цитирует (ведь Рубинштейн еще и герой прозы Брускина). Это не умаляет самостоятельности голоса Гриши Брускина. Брускин все-таки говорит со своим акцентом. В нем все время чувствуется художник, и в его миниатюрах всегда есть привкус «визуальности»:

Ā nēāçāō ò òó òđāí.

Ī à ĭ ĭāīēīī ĭ ēēā

āīōēēōā-ōēσ (ĭāī āāēæó),

ōēī āī (āīā ōāēā),

ōīðōī āē (ēþāēþ),

ĭā-āīĭ-ĭūē ĭāσ òāò (òāē nīāā),

āēī āāāò (ēōāā ĭ ē σēī),

ĭēēāīā (ĭāīāēāþ),

āōēī-ēē nēīðēōāē (ēó-σā ĭ āò).

Ē āāāσēēīĭ āāđāī ūā

ēēī ĭī ĭ ūā ēīðēē,

ēēþēāā,

āāōēēā ĭ ðāōē.

Это название, наименование вещей. И это стихи. Но еще и натюрморт. Это натюрморт в стихах, в котором дополнительный оттенок, краску дает отношение автора, по-детски простое (люблю-ненавижу), но поэтому особенно выразительное. К слову сказать, этот текст смело можно отнести к «прямым дополнениям», то есть к тому, что непосредственно дополняет предыдущие книги, что почему-то в них не вошло, хотя войти вполне могло. Но ведь в названии новой книги присутствуют и дополнения «косвенные». И это самое любопытное. Это то, что заставляет говорить об особенностях жанра «нон-фикшн», к которому, безусловно, книга Брускина относится. Тем более что презентация «Прямых и косвенных дополнений» оказалась в контексте другого события, связанного с литературой нон-фикшн. «Прямые и косвенные дополнения» вышли почти одновременно с книгой Александра Жолковского «Звезды и немножко нервно: мемуарные виньетки». «Невымышленность для меня главный признак жанра», – пишет Александр Жолковский в предисловии и продолжает: «Если задача belles letters – натурализовать вымысел, то задача non-fiction – наоборот, новеллизировать протокол». Мемуарист-виньеточник, по мнению Жолковского, должен быть прежде всего честен. Придумывать события нельзя, а вот «авторская поза» может быть какой угодно. И, пожалуй, событийная, фактическая сторона книги Жолковского гораздо более привлекательна, нежели авторская аранжировка. Однако дело не в этом. Брускина в не меньшей степени, нежели Жолковского, можно считать мастером мемуарной виньетки, причем само слово «виньетка» как обозначение литературного жанра в случае Брускина, пожалуй, даже более оправданно. Брускин лаконичнее, изобретательнее, «визуальнее». Брускин с успехом доказал свое умение «новеллизировать протокол», рассказывать мемуарные анекдоты и превращать в анекдот впечатления детства. И вот что оказывается в этой четвертой книге. Возникает ощущение, что «непридуманная» литература начинает движение вспять, подрывает собственный статус. Или не подрывает, а просто перестает держаться за «непридуманность», «достоверность» и позволяет себе откровенный волонтаризм, то есть абсолютный вымысел. Наряду с привычными голосами – самого Брускина, его родственников, знакомых, знакомых знакомых и прочих – звучат голоса людей чужих и как будто случайных. Непонятно, откуда они пришли и что здесь делают. Скажем, вдруг среди привычного хода лирически-фрагментарного повествования возникает целая новелла «о географии любви», реестр женских национальных типов, составленный по принципу женской любовной привлекательности. Кто рассказывает эту новеллу – неясно. Или вот еще один замечательный пример. Неожиданно в тексте появляется некий документ, «протокол»:

«Стопка пожелтевших самодельных тетрадей, сшитых суровой ниткой. На страницах записи, занесенные аккуратной рукой фиолетовыми чернилами. Каждая страница, как протокол допроса, была датирована и подписана: “Пантелеев”».

Это, как выясняется в дальнейшем, «лирический», или стихотворный, дневник некоего чекиста Пантелеева, который в соответствующих виршах рассказывает о своей борьбе с врагами советской власти. Что здесь примечательно? Собственно «публикацию» пантелеевского дневника предваряет история нахождения рукописи. Точнее – истории. Вариативность того, как именно был найден документ, здесь подчеркнута. Могло быть так или этак. Подобная художественная «синонимия» сама по себе не нова. У Рубинштейна, например, рефренность, повторяемость ситуаций – один из способов указания на типичность, на свойство реальности, которая с трудом поддается художественному описанию. У Пригова (который, между прочим, аккуратно откликнулся на каждую новую книгу Брускина, – его письма помещены в конце «Прямых и косвенных дополнений») ситуативная синонимия приближается к тавтологии и оказывается способом дискредитации художественности. У Брускина же множественность как будто подлинных историй нахождения рукописи – знак ее (рукописи) недокументальности, придуманности.

Это не просто пародия на документ. Это стилизация под чужой голос, которая саму себя осознает как стилизацию. И факт этой рефлексии подчеркивается. Иначе говоря, «новеллизация протокола» выходит на принципиально иной уровень. События можно придумывать, поскольку в ряду других они начинают восприниматься как документ или «как будто» документ. Но одновременно, благодаря тому, что истории придуманные бросают отсвет на истории «невымышленные», авторская стилистика становится более явной, то есть проясняется «художественность» в рамках жанра нон-фикшн. В общем, «дополнения» оказались весьма существенными, и хочется надеяться, что этим дело не кончится. У Брускина, я имею в виду.

Близнецы

Шла первая неделя Великой Отечественной войны. В 1939 году, после окончания десятилетки, я был призван на действительную службу в Красную Армию. К началу войны стал сержантом роты связи 14-го мотострелкового полка.

27 июня 1941 года мы вступили в бой за Борисовскую переправу через реку Березина. Во время боя прервалась связь штаба полка с тылом и командир роты Валуев послал меня с солдатом по фамилии Сеодолеев устранить повреждение на линии и восстановить связь. Часть телефонного кабеля проходила вблизи шоссе Минск–Смоленск. Мы обнаружили перебитый миной кабель, восстановили его, убедились в наличии связи и, переходя шоссе, направились обратно в полк.

Шоссе было заполнено беженцами. Медленно шли по дороге несчастные люди – женщины, дети, старики – в основном евреи. На обочине дороги сидела смуглая женщина с двумя крохотными, завернутыми в голубые байковые одеяла детьми. Они кричали, видно, от голода.

Я подошел, спросил, чем могу ей помочь. Она посмотрела на меня измученными глазами и сказала:

– У меня больше нет сил их нести. Нет молока кормить. Одного из них я должна бросить... С одним еще продолжила бы дорогу... Но я не могу этого сделать. Лучше нам умереть всем вместе.

– Откуда вы?

– Из Минска. Моих мальчиков я родила 30 мая, им нет еще и месяца. Двойняшки. Мужа забрали в армию в первые дни войны. Где он сейчас – не знаю. Когда бомбили город, я с малютками спустилась в бомбоубежище. А когда вышла и пошла к дому, его уже не было.

– Родных у вас никого нет?

– Родители и младший брат жили в Паричах. Мы евреи, а там уже немцы. Если они не успели уйти, их уже нет в живых. После бомбежки знакомые посадили меня на грузовик с эвакуированными. Но через несколько часов всех из грузовика высадили, грузовик забрали, а нам велели идти пешком до Смолевичей, а там, сказали, нас посадят на поезд. Так мы и шли, но я все время отставала. А вчера потеряла их совсем. Здесь я никого не знаю. У каждого свое горе. Нет больше сил... В это время Сеодолеев направился в лес по надобности. Вскоре он вернулся и сказал, что в лесу видел лошадь. Когда мы подошли к лошади, около нее стоял высокий бородатый цыган. Невдалеке, в кустах – телега, крытая серой парусиной.

Увидев нас – в армейской форме, с карабинами за плечом, он встал впереди лошади, развел широко руки и закричал:

– Не отдам лошадь – хоть стреляйте. Уже две лошади ваши солдаты забрали, а у меня семеро детей.

– А видел, сколько людей на дороге? – спросил Сеодолеев.

– Все видел. Конец нам пришел, – ответил цыган.

Гул орудий и разрывы снарядов раздавались все ближе. Я вмешался в разговор:

– На дороге сидит женщина с двумя малютками. Погибнет она. Возьми их – и лошадь мы не тронем.

– Жидовка? – спросил цыган.

– Да, моя сестра, – ответил я.

Цыган задумался и сказал:

– Что цыгане, что евреи – конец один. Ладно, веди свою сестру, только лошадь мою не трогайте.

Мы с Сеодолеевым побежали к дороге, где оставили женщину с малышами. Сеодолеев взял на руки малюток (к моему изумлению, они сразу стихли), я помог встать матери, и мы пошли в лес к цыгану.

По дороге я спросил женщину, как ее зовут.

– Люба, – ответила она, – а фамилия наша – Розенблюм.

Обезумев от горя, она не понимала, что происходит.

Цыган принял из рук Сеодолеева детей и отнес их к телеге. Потом он куда-то отошел и через некоторое время вернулся с пожилой цыганкой, которая подошла к Любе и о чем-то с ней заговорила. Мы заспешили в полк. Люба протянула к нам руки. Цыган же помахал и сказал:

– Что будет со мной, то будет и с ними. Я их не оставлю. Так мы и расстались.

Прошли годы, и многое о войне забыто. Но каждый раз, когда я встречаю молодую женщину с двумя маленькими детьми или смотрю фильм «Семнадцать мгновений весны», где радистка Штирлица ищет спасения, прижимая к себе двух малышей, мне вспоминается начало войны.

Хочу надеяться, что дорогим моим близнецам удалось выжить, и мама Люба рассказала им их историю. А прочитав в журнале «Лехаим» это воспоминание, они дадут о себе знать.

Р. Аіаіаіаі І ііііі

Вы читали? *Аііііі Діі аііііііі* Коллаборанты: украинский национализм и геноцид евреев в Западной Украине //2008, № 3

Реакция. Я родом из Западной Украины. Во время войны все мои родственники-мужчины были в УПА, но это не мешало им три года прятать у себя двух еврейских девушек – Лию и Фиру Форкаш. Сегодня на УПА можно навесить абсолютно все. Моя

мама рассказывала – а я ей верю, – что приходили люди, одетые в форму УПА, которые говорили на местном диалекте, и убивали жителей. Но они были не из УПА. Однажды в лесу мама собирала грибы и увидела каких-то людей, говоривших между собой по-русски. Они ее заметили. Как она осталась жива, неизвестно. Через несколько дней к ним в дом пришли эти же люди, но уже в форме УПА. Теперь они изъяснялись на местном диалекте. Сейчас открываются российские архивы. И я читала, что в Западную Украину под видом солдат УПА было заслано тринадцать групп, терроризировавших местное население.

Ī ēūā, Ōāēēēī (Ēī ō āōī āò)

СТАТЬ ЕВРЕЕМ

Рассказ о Биробиджане шестидесятих

Dei i à Èààî-èèí à

На улице уже кричит дворник Бенчик, значит, пора таки вставать на работу. Гремучий голос этого великана будит всю улицу, которой выпала честь быть им опекаемой. «Как папа? Как мама? Как Зуся? Как Песя? Как Йося?» – осведомляется Бенчик у сонных сограждан. Дело в том, что в нашем Биробиджане все и всё про всех знают. Хотя зачем, скажем, Бенчику спрашивать про внучатого племянника соседки из пятого подъезда, которая этого Бенчика на дух не переносит? Что вы, что вы! Ему крайне важно знать, какую оценку этот сопливый шнорер Яша получил за контрольную по математике. И попробуйте убедить Бенчика, что он прекрасно проживет без Яши и без его контрольной.

Мало того, что Бенчик с пяти утра дикими воплями оглашает окрестности, на улицу вдобавок выходят биробиджанские женщины. Надо вам сказать, что расстояние в двадцать метров между деревянными тротуарами вовсе не помеха для женских секретов. «Сореле, как там твой Хаим? Как его геморрой?» – «Ой, Дора, что тебе сказать? Азохенвэй и ему, и его геморрою – мучился всю ночь...» При этом женщины так жестикулируют кошелками, что пройти мимо и не получить кошелкой по голове просто невозможно, и потому все идущие следом поневоле становятся слушателями семейных тайн. И вот уже про мучения несчастного Хаима знает весь город. И не просто знает, теперь каждый ему готов помочь советом.

Наконец открываются окна, и голоса утренних птах тут же растворяются в женском гомоне: «Донечка, золотце, ты пердешь ко мне повесить зуновески?» «Абрам, Абрам, выгони из огорода петух! Он поклоет нам всю капусту. Какие борщичи я тебе сварю?!» «Пэтинька-сынок, одень шкеры, не дай Б-г застудишь прыдатки!» «Ой, разве это мёбель? – кричат из другого окна. – Это не мёбель, это яшчики для помидор!»

И надо вам сказать, что все фразы в этом городе завершаются восклицательными знаками. А как вы думали? Так просто здесь не разговаривают. Когда же дети выходят в школу, на улицах наступает праздник. Соседкам крайне важно знать, что Сашенька ел на завтрак, где работает мать Гершеле и тепло ли одет Ицик? Вы когда-нибудь видели в Биробиджане чужих детей? Что вы! Чужих детей на свете просто не бывает. Здесь каждая бабка считает своим долгом наблюдать за любым ребенком, находящимся в поле ее зрения. А вдруг его, упаси Б-г, обидят? Каждая считает своей обязанностью прочитать соседскому шлимазлу лекцию о хорошем поведении или сунуть ему карамельку. И, думаете, дети это ценят? Как же! Таких сорванцов, как в нашем Биробиджане, еще поискать. Если солнечным днем вы увидите на дороге яркий мячик, не вздумайте его пнуть, не то месяц лежать вам с большой ногой. Мячик набит такими камнями, какие встречаются только в Биробиджане. Нитки, лески, веревки поперек дороги, приклеенные монеты, падающие на голову целлофановые мешки с водой, посвисты, дразнилки и плевки – все это цветочки... В коммунальной квартире, где я живу, есть соседка тетя Мотя. И вот она повадилась по ночам поедать мясо из чужой кастрюли. Конечно, не от хорошей жизни... Но кому это понравится? И вот соседский пацан Вовка со своим другом опустошили кухонный шкафчик и залезли в него. До полночи они

промучились, зато когда бедная Мотя пришла съедать мясо, эти двое с воплями выскочили. Моте сделалось плохо, мясо застряло у нее в глотке. «Скорая» едва ее откачала. А как переполошился весь дом! Вот вам и дети.

Уж не знаю, проклятье это Б-жье или благословение, – но у нас уйма городских сумасшедших и знает их весь город. Еще бы! Ведь о каждом ходят анекдоты. Вот говорят, что Зяма Кручинецкий съел на спор сорок пирожков с повидлом и остался жив. А его диалог с кондуктором знает весь Биробиджан.

– Зяма, берите билет.

– Не могу. Я ненормальный.

– Тогда идите пешком.

– Как же!.. Я что – ненормальный?

А блаженный Яша Трахман?! Он всегда ходит по улицам с ящиком инструментов. Улыбается и со всеми раскланивается. Любую поломанную скамейку или песочницу он считает своим долгом починить. Если ему дать доски, то у Яши счастье. Тогда он мастерит и горки и беседки. А какой вежливый этот Яша! Вот вам пример, сама видела. Идет по лужам какая-то соплячка и выставляет на обозрение всему городу свою ручку с новыми часиками. Так ее рука вперед и торчит. И ей повезло, навстречу Яша...

– Доброе утро, мадам! Который час?

«Мадам» краснеет от удовольствия.

– Большое вам спасибо, милая девушка. Будьте здоровы! До свидания!

При этом Яша, сверкая глазами и брызгая слюной, почтительно кланяется. И таких чудиков в городе уйма. Есть ненормальная Броха, что рождает каждый год одних девочек. Их у нее выводок. Причем девки получают нормальными через одну. Но и те, что удались, бегают по улицам грязные и голодные. Благо, что их опекают сердобольные старухи, иначе бы они умерли с голоду. На углу пересечения улиц Ленина и Калинина сидит огромных размеров еврей. Ноги его не носят, а шнобель такой, что смахивает на шлагбаум. Зато этот Пантагрюэль весь в наколках. Смотрит на мир мудрыми глазами и всем сообщает, что «кушал на зоне жареные гвозди». А Макс? Ходит с судками в столовую. И зимой и летом он без шапки. Стужа минус сорок, деревья от мороза трещат, воздух звенит, глаза стынют... А Макс без шапки. Смотреть страшно. «Макс, надень шапку!» Но нет, ему не холодно. У него плешь на всю макушку, зато по бокам длинные курчавые патлы, и голову свою он совсем не бережет. Он рассказывает, что все родственники у него в Париже. И сам он туда вот-вот поедет, поэтому и шапка ему не нужна. Но он скорее поедет на кладбище, чем в Париж. И вы знаете, город любит своих сумасшедших. Их здесь никто не обижает, упаси Б-г, не бьет, над ними только посмеиваются. Ой вэй, у нашего Биробиджана внутри столько боли... но это известно одному только Б-гу! Когда с сорок восьмого года принялись сажать народ, никто в городе не мог поручиться за здоровье своей головы. Забирали журналистов, врачей, учителей, актеров и даже музыкантов. За что?! Да ни за что! Все они в нашем маленьком городе были известны с головы до ног. Это были почтенные люди. За что их могли посадить? Только за то, что дышат? Пожалуй, было проще сойти с ума, чем ответить на этот вопрос. Да ведь и ты сам мог быть следующим.

И вот в пятьдесят третьем люди стали возвращаться из лагерей. Видели бы вы их изможденные, потерянные лица. Они ни на что не жаловались, они вообще не хотели говорить о том, что с ними случилось. Будто и не покидали Биробиджан. Страх шел впереди них на целый километр. Моя соседка по коммуналке – Люба Вассерман. Она у нас известная женщина. Пишет стихи на идише. Я Любиных стихов не читала, поскольку не знаю этого языка, но ценители хвалят. За стихи ее и посадили. Хотя, казалось бы, кому нужны стихи на идише, кто в нем что понимает?.. Но отсидела Люба за стихи больше шести лет. Все эти годы ее муж Михаил Бенгельсдорф ждал жену и воспитывал сына. Я с Любой дружила до тюрьмы, дружу с ней и сейчас. И вы думаете, Люба хоть разок рассказывала мне о своем горе? Ни разу! Хотя... Однажды Люба вытирала пыль, а на этажерке лежала большая рыба кость с зазубринкой. И вот эту кость она мне показала, а потом достала из комода кружевную салфетку. «Это кружево было связано этой вот костью. Ни спиц, ни крючка в лагере не было. Подруга связала кружево тем что есть». Эту память Люба хранила в своем комод. И более ни слова.

Но Любе еще хорошо, ее ждал муж. А каково было тем, кого не ждали? Другой поэт – Хаим Эмиот вернулся из лагеря на биробиджанскую лавочку. От несчастного Эмиота осталась буквально тень. Он был разут и раздет. Вся редакция газеты «Биробиджанская звезда», в которой я работаю, кинулась ему помогать. Даже «швейной» фабрике дали задание одеть поэта Эмиота. Там ему сшили абсолютно все – от трусов и рубаш до пальто.

Ну что вам еще сказать? Половина народа не вернулось вовсе. А кто из журналистов вернулся, пришли назад в свою редакцию. И Наум Фридман, и Бузи Миллер, и Мойша Рабинович. Редакция газеты – это диковинное место, двери в ней не закрываются. Народ верит своей газете, а газета старается для людей. Я работаю в отделе писем. О! Наш отдел биробиджанцы просто обожают. Жить без него не могут. Мало того что они пишут нам по любому поводу, они еще любят навещать и спрашивать дошло ли до нас их письмо. И что мы по поводу письма думаем. О некоторых друзьях газеты так стоит рассказать. Их появление в редакцию не хуже концерта Райкина. Вся редакция, бывает, так смеется, что стекла звенят. Например, любит к нам захаживать Исаак Вассерман, он регулярно приносит нам заметки о своей швейной фабрике. В народе ее называют «Швэйка». Исаак по-русски почти не говорит, а пишет и того хуже. Но, как патриот своей фабрики, не может молчать. Весь мир должен знать о замечательной «Швэйке». И он приносит нам заметки такого содержания: «С первого марта фабрика переходит на выпуск дамских демисезонных пальто начиная с ясельного возраста». А потом перечисляет ударников, которые будут шить эти пальто. И на подобные заметки он неистощим. А чего стоит древняя старуха с мокрым носом – Гитерман Доня Симховна? Уж не знаю, какими ветрами занесло ее в к нам из Одессы, но ходит она в лохмотьях, замерзшая и голодная. На носу у нее висит капля и норовит упасть, но не падает. Однажды мы напечатали ее заметку и заплатили какой-то гонорар. И вот она повадилась носить в редакцию новые. И предположить невозможно, о чем будет ее очередной шедевр. Это может быть и негодующий вопрос, например: «Почему не поют песню “Дело было под Полтавой”»? Я внимательно слежу за судьбой этой песни, но ни по радио, ни по телевизору она не звучит. Я просматриваю программу – ее нигде нет. Будто этой замечательной песни и в природе не существует. И что же это за безобразие такое?!» А далее длинное возмущение по этому поводу. Пару дней назад Доня Симховна снова клокотала. Она написала заметку на злободневную тему: «Какой кошмар! В продаже нет медиаторов. Я обошла все магазины, но медиаторов нет!»

– Стоп, – говорю, – Доня Симховна, что такое медиатор?

– Как? Вы не знаете, что такое медиатор?! Вы не играете на балалайке?

– Ну разве я похожа на человека, играющего на балалайке?

– Так медиатором таки играют на балалайке. Это такая пластинка из целлулоида, чтобы пальцы не сдирались.

Вам надо представить балалайку и медиатор, глядя на Дону Симховну. Ну совершенно несовместимые понятия. Но это еще цветочки... Старуха любит писать воспоминания. «Я жила в Одессе, где все принадлежало Бельгийскому обществу, даже трамвайная линия принадлежала Бельгийскому обществу». И в скобках почему-то приписано: (Читайте Горького «Мои университеты»). Мы всей редакцией ломали голову, пытались связать Бельгийское общество, Одессу и «Мои университеты» Горького. С такими вот воспоминаниями Дonya Симховна является к нам регулярно.

А Лазарь Дегтярь? Это же шолом-алейхемовский герой. Колоритнейший еврей. Уж на что у нас в Биробиджане своеобразный народ, но Лазарь что-то особенное. Казалось бы, носом в наших краях никого не удивишь... Но с носом Лазаря не сравнится ничто – на него садятся голуби. Одет Лазарь в протертую до дыр форму телеграфиста не знаю каких годов. То есть это китель и фуражка, но на то и другое страшно смотреть. Приходит Лазарь Моисеевич только с практическими вопросами. А что делать? Его злейший враг – тот самый дворник Бенчик. На него и приносит Лазарь жалобы. Беда еще в том, что Лазарь и Бенчик живут в одном дворе, а про их тяжбу по поводу сараев знает весь город. Когда построили эти сараи, столько было счастья! Но Лазарь пришел с жалобой.

– Вы радуйтесь, Лазарь Моисеевич. Чего же вы жалуетесь?

– Как я могу радоваться, когда Бенчик взял и занял мой сарай. Я остался без сарая, что же мне было делать?

– И что же вы сделали?

– Как что? Я сверху его замка повесил свой замок.

Теперь ни Бенчик, ни Лазарь не пользуются новым сараем. Но пока Лазарь жалуется на Бенчика – полбеда. Однажды он заявился к нам со старой дерматиновой кошелкой, которая, казалось, вот-вот развалится. Оставил ее у двери и говорит: «Вы понимаете, этот Бенчик, он же только деньги получает, он же ничего не убирает. Вот если Бенчик найдет рубль, он его обязательно поднимет и возьмет себе, а целую дохлую кошку он не видит. Сегодня, с пяти часов утра, я шел за ним следом и заглядывал в урны – представляете, этот Лазарь встал в пять утра, чтобы шпионить за Бенчиком. И вы знаете, в одной урне, рядом с вашей редакцией, я нашел дохлую кошку, я даже могу вам ее показать». Лазарь нагибается к кошелке. Тут моя напарница, Мария Савельевна, женщина весьма брезгливая, начинает визжать и падать в обморок. «Не надо, – говорю, – Лазарь, не надо ее вынимать, мы вам и так верим. Несите кошку в милицию, в санэпидемстанцию, куда хотите, только подальше отсюда».

У Лазаря Моисеевича есть дочка, она от рождения инвалид. У нее что-то с ногами. И что бы Лазарь о ней ни рассказывал, он всегда говорит «моя дочка – калека», без этого сообщения о ней не говорится. «Я вам расскажу, что со мной вчера случилось. Сижу я со своей дочкой-калекой и, извините за выражение, кушаю. Вдруг в окно летит

камень. Я голый выскакиваю на улицу и вижу – они уже бегут по той стороне. А вокруг ни души. Вдруг вышел из подъезда какой-то еврей. Я кричу: “Хватай! Лови!” Вы думаете, мне был толк от этого еврея? Вы ошибаетесь! Он тут же забежал назад в подъезд». После долгого рассказа мы понимаем, что Лазарь таки схватил трех мальчишек и привел в милицию. «Их построили в ряд, – продолжает он, – такие красавцы! Ну такие красавцы!»

– И что же вы хотите от нас, Лазарь Моисеевич?

– Как? А кто мне будет стекло вставлять?!

Еще к нам приходят поговорить о политике. Толпы. Поговорить о ней в редакции – святое дело. Впрочем, в Биробиджане о политике говорят везде. Это не город – это пуп земли, здесь решаются судьбы всех стран и народов. И пуп этот в основном сосредоточен у ворот рынка. Там всегда толпа евреев. Вместо того чтобы обсудить цены на мясо и помидоры, они решают судьбы мира. Когда кто-то устанет рассуждать и размахивать руками, его место сразу занимает другой. Здесь гвалт на идише круглый год.

Поговорить в Биробиджане любят. Если вы, не дай Б-г, спросите у какой-нибудь трясущейся старухи, как дойти до аптеки, пиши пропало. Три часа как минимум уйдет у вас на выслушивание ее биографии, на подробности жизни ее детей и соседей... А потом она еще сама пойдет провожать вас до этой самой аптеки. На вопрос «который час?» вам ответят вопросом: «Что, вы не знаете, который час?» На вопрос «где вы живете?» – «Как, вы не знаете, где я живу?» И действительно, в городе невозможно чего-то не знать. Если с вами приключилась такая напасть, вам сейчас же всё расскажут.

А как народ здесь любит писать! Каждый, кто научился писать, уже писатель. А уж если мы опубликуем пару строк, радости нет предела. «Писатели» счастливы, я вам не передам как. Но в Биробиджане очень любят писать жалобы. И мы обязаны принимать меры. На нашу газету надеются, и мы не подводим. У нас даже есть регулярная рубрика «Письмо позвало в дорогу». В течение двух недель жалоба должна быть рассмотрена и меры приняты, поэтому каждое письмо с любой жалобой отправляется по инстанциям. А уж что нам отвечают начальники!.. Эти ответы можно издавать юмористической книгой. Например, есть у нас начальник железнодорожной станции товарищ Шпилько. И вот написали жалобу, что на виадуке нашего вокзала нет лампочек. И страшно ходить ночью по виадуку. И товарищ Шпилько нам ответил: «На ваше письмо сообщая, что виадук станции Биробиджан освещен двумя лампочками, частая перегораемость которых создает видимость неосвещенности». Вот такие перлы мы получаем.

Но у нас есть один штатный жалобщик. Он жалуется на всех подряд. И его, к несчастью, выбрали общественным контролером. Никто не захотел в контролеры, а Затонайченко захотел. Так он не дает проходу ни одному заведующему магазином, ни одному начальнику базы. Он занимается расследованием и поиском хищений, и каждый день к нам от Затонайченко идут письма, а в них жалобы: «За недопуск общественного контролера к материальным ценностям и обзыв его личности словом “засранец” требую привлечь к строгой ответственности такого-то и такого». Надо вам сказать, что Затонайченко большой моралист. Обо всех, кто «аморально» себя ведет, он тут же сигнализирует. Так он написал об одной женщине: «За шесть лет своей совместной жизни с мужем она успела шесть раз свестись и развестись, и неизвестно, сколько бы раз она еще сходилась и расходилась, если бы он не скончался». Некоторые его жалобы и вовсе неприличные. Но пусть они останутся в наших редакционных анналах. А вот наших «селькоров» часто тянет на поэзию. Так Мойше Рак из Валдгейма пишет зарисовки. Он

пытается художественно отобразить все: «Коровы при свете восходящей луны молчаливо стояли в загоне и жевали сено». И далее в том же духе.

Да, Биробиджан – город писателей. Как видите, здесь живут очаровательные люди. Покажите мне еще такой город, где бы все русские стали евреями. А что делать? Если вокруг одни евреи, правда с примесью разного народа – русских, корейцев, нанайцев. Но кто отличит здесь нанайца от еврея, а уж тем более от русского, если за твоим «выродком» присмотрит баба Рива, займет очередь за молоком тетя Фейга, а починит канализацию сосед Яша? Если вы думаете, что я – еврейка, вы глубоко ошибаетесь. Звать меня Нина Филипкина и во мне ни единой еврейской кровиночки. И все же по духу – я еврейка. А как же? У нас в Биробиджане – все евреи. И если вы вдруг хотите стать евреем, ради Б-га, кто вам мешает? Просто приезжайте к нам в Биробиджан.

ЭЛИ-ИЗУВЕР

О'е'е'и' Д'о

Лео Зуреф возник из-за белой колонны – поздороваться с Эли Пеком. От удивления Эли отпрянул, они пожали друг другу руки, и Зуреф жестом пригласил его в просевший старый особняк. В дверях Эли обернулся и увидел, как за сбегавшей по склону лужайкой, за буйными зарослями живых изгородей, за тенистой заброшенной тропой мигают фонари на улицах Вудентона. Магазины вдоль Коуч-Хаус-роуд выбрасывали снопы желтого света – Эли представлялось, что это горожане тайно сигнализируют ему: «Эли, разъясни ты этому Зурефу нашу позицию. У нас современная община, Эли, у нас семьи, мы платим налоги...» Отягощенный этим заданием, Эли тупо, устало поглядел на Зурефа.

– Вы, как я понимаю, работаете полный день, – сказал Зуреф, проводя юриста – чин-чином, при портфеле – в промозглый холл.

Каблуки Эли грохотали по растрескавшемуся мраморному полу, и, чтобы перекрыть грохот, он говорил громко.

– Дорога – вот что тяжелее всего, – сказал Эли, проходя – Зуреф распахнул перед ним дверь – в сумрачную комнату. – Занимает три часа в день... Я к вам прямо с поезда.

Он опустился в кресло со спинкой в форме арфы. Оно, против ожидания, оказалось не очень глубоким, и Эли ушиб костистый зад. Ушиб взбодрил его, заставил вернуться к делу. Зуреф, лысый, с косматыми бровями, когда-то, судя по всему, очень толстый, сидел за пустым столом, стол скрывал его до половины, и от этого казалось, что он сидит на полу. Кроме стола, в комнате не было ничего. Ни книг на полках, ни ковра на полу, ни штор на больших створчатых окнах. Когда Эли заговорил, Зуреф встал и открыл державшееся на одной скрипучей петле окно.

– Май, а уже как август, – сказал он, и Эли увидел на голове Зурефа – тот стоял к нему спиной – черный кружок. У Зурефа не было макушки! Зуреф сквозь полумрак – лампочки в люстре отсутствовали – проследовал к столу, и тут Эли сообразил, что это кипа. Зуреф чиркнул спичкой, зажег свечу, и в открытое окно ворвались приглушенные крики играющих детей. Уж не для того ли Зуреф открыл окно, чтобы Эли их услышал.

– Ну-ну, – сказал он. – Я получил ваше письмо.

Эли изготавился: ожидал, что Зуреф выдвинет ящик, достанет письмо из папки. Вместо этого старик подался животом вперед, просунул руку в карман брюк и извлек оттуда нечто, что Эли на первый взгляд принял за сильно несвежий носовой платок. Зуреф развернул его, расправил, разгладил на столе ребром ладони.

– Вот, – сказал он.

Эли указал на замызганный листок, который он слово за словом обсудил со своими партнерами, Льюисом и Макдоннелом.

– Я надеялся получить ответ, – сказал Эли. – Прошла неделя.

– Дело такое важное, мистер Пек, что я знал – вы придете.

Дети бегали под открытым окном, их непонятный лепет – вполне, впрочем, понятный Зурефу, иначе чего б он заулыбался, – проник в комнату, как третий собеседник. От детского крика Эли стало не по себе, он не смог сдержать пробравшей его дрожи. Надо было, думал он, сначала пойти домой, принять душ, поужинать, а потом уж нанести визит Зурефу. Профессионализм, обычно выручавший его, здесь не помогал: слишком сумрачный был кабинет, слишком поздний час. А там, внизу, в Вудентоне, его ждали – ждали клиенты, ждали соседи. И он представлял не себя с женой, а евреев Вудентона.

– Вы поняли, в чем дело? – спросил Эли.

– Понять нетрудно.

– Это вопрос районирования... – Зуреф ничего не ответил, лишь побарабанил пальцем по губам, и Эли сказал: – Законы создаются не нами...

– Вы их уважаете.

– Они защищают нас... Защищают общину.

– Закон есть закон, – сказал Зуреф.

– Вот именно! – Эли так и подмывало встать и забегать по кабинету.

– Но закон не всегда закон, и это тоже верно. – Зуреф поднял руки ладонями вверх, изобразил весы. – Ведь бывает и так: хоть закон и закон, но он не всегда закон? – Он покачал чаши весов. – И наоборот.

– Все проще простого, – отрезал Эли. – Школе-интернату не полагается находиться в жилом районе. – Он не допустит, чтобы Зуреф затуманил эту проблему

другими проблемами. – Мы сочли за благо предварить вас, прежде чем что-либо предпринимать.

– Ну а дому?

– Да. Жилой район он и предназначен для жилья.

Не исключено, что эти перемещенные лица знают английский не так хорошо, как могло показаться. Зуреф говорил медленно, но до сих пор Эли относил это за счет его изворотливости, а то и умудренности.

– Жилье и означает дом, – добавил он.

– Значит, это есть мое жилье.

– А как же дети?

– Это их жилье.

– Всех семнадцати?

– Восемнадцати, – сказал Зуреф.

– Но вы же обучаете их здесь?

– Талмуду. Это против закона?

– В таком случае это школа.

Зуреф снова подвигал чаши весов вверх-вниз, постепенно нарушая их равновесие.

– Послушайте, мистер Зуреф, в Америке такое заведение называется школой-интернатом.

– И там их учат Талмуду?

– Их там учат – и точка. Вы – директор школы, они – ученики.

Зуреф положил чаши весов на стол.

– Мистер Пек, – сказал он. – Я в это не верю... – Но к тому, что говорил Эли, слова его, похоже, касательства не имели.

– Мистер Зуреф, таков закон. Я пришел осведомиться, что вы намерены предпринять.

– Что меня обяжут предпринять.

– Надеюсь, это совпадает.

– Совпадает, – Зуреф вжал живот в стол. – Мы остаемся. – Он улыбнулся. – Мы устали. Директор устал. Ученики устали.

Эли встал, взял портфель. Туго набитый жалобами, претензиями и махинациями клиентов, портфель оттягивал руку. Случались дни, когда портфель был как пушинка, – в кабинете Зурефа он весил не меньше тонны.

– До свидания, мистер Зуреф.

– Шалом, – сказал Зуреф.

Эли открыл дверь и, стараясь не стучать каблуками, мрачным – ни дать ни взять склеп – коридором вышел из дома. Привалился к колонне, стал смотреть, как на лужайке играют дети. Перекликаясь то громче, то тише, они гонялись друг за другом вокруг обветшавшего дома. В сумерках детская игра напоминала ритуальные пляски. Эли отлепился от колонны, но едва он ступил на лужайку, пляски прекратились. Раздался пронзительный, долго не смолкающий визг. До сих пор еще никто при виде Эли не пускался наутек. Не сводя глаз с огня Вудентона, Эли направился к ведущей с горки тропе.

Когда Эли увидел его, он сидел на скамейке под деревом. Поначалу Эли помстилось, что перед ним глубокая черная дыра, затем в ней вырисовалась фигура. Эли узнал его по описаниям. Вот он, в той самой шляпе, из-за которой на Эли и возложили эту миссию, в шляпе, повергшей Вудентон в такое смятение. Городские огни вновь просигналили: «Займись тем, кто в шляпе. Это же черт знает что». Эли направился к нему. Ну а вдруг он более покладистый, чем Зуреф, более резонный. В конце-то концов, таков закон. Эли подошел к нему поближе, хотел было окликнуть, но не решился. Долгополый черный сюртук, сцепленные на коленях руки – вот, что его остановило. Широкополая, с круглой тульей, талмудическая шляпа сдвинута на затылок. Лицо, шея заросли бородой, такой мягкой и жидкой, что она взлетала и опускалась при каждом выдохе. Он спал, по его щекам курчавились пейсы. Судя по лицу, он был не старше Эли.

Эли поспешил навстречу огням.

Записка на столе вывела его из равновесия. Из бумажных клочков в каракулях за последнюю неделю могла бы составиться летопись. Подписи на клочке не было.

«Миленький, – оповещала цидулка, – я пошла спать. Сегодня у младенца пробудился эдипов комплекс. Позвони Теду Геллеру».

В холодильнике его ждал отсыревший обед. Он терпеть не мог холодных, отсыревших обедов, но посиди с ним Мириам, съел бы обед с удовольствием. Он был на взводе, но Мириам при всем ее зверски аналитическом уме не могла его умиротворить. Он любил ее, когда жизнь шла без сучка без задоринки, тогда и она любила его. Но порой Эли ощущал, что профессия затягивает его подобно зыбучим пескам, не даетдохнуть. Слишком часто ему хотелось представлять интересы другой стороны, а представляй он их, ему хотелось бы представлять интересы той стороны, которую он и представлял. Иногда закон не давал ответа, по-видимому, закон не имел никакого отношения к тому, что удручало людей, – вот в чем беда. А раз так, Эли не мог не чувствовать себя глупым и никчемным... Правда, сегодня дело другое: претензии горожан обоснованны. Обоснованны-то они обоснованны, но не вполне, и, если бы Мириам не легла спать, а видела, как Эли расстроен, она бы с места в карьер взялась разъяснять, чем он расстроен, понимать его, прощать с тем, чтобы все вернулось в норму, потому что, когда все приходит в норму, они любят друг друга. Закавыка заключалась в том, что все усилия Мириам не помогали ему разобраться ни в себе, ни в своих трудностях, а только еще больше расстраивали и вдобавок убеждали в ее слабости. И Эли, и Мириам не отличались, как выяснилось, особой силой характера. Эли уже дважды с этим сталкивался, и оба раза выход находил в «нервном срыве» – так это милосердно называли соседи.

Сядясь обедать, Эли поставил портфель около тарелки, вынул записки Зурефа и положил их рядом с цидулкой Мириам. Время от времени он перебирал записки – их приносил в город тот, в черной шляпе. Вот первая записка, из-за которой и загорелся сырбор:

Всем, кого это касается,

Прошу передать этому джентльмену следующее: ботинки для мальчиков на резиновых подметках и каблуках:

5 пар размера 6с

3 пары размера 5с

3 пары размера 5в

2 пары размера 4а

3 пары размера 4с

1 пара размера 7в

1 пара размера 7с

Итого: 18 пар ботинок для мальчиков. Джентльмен имеет заранее подписанный чек. Прошу поставить нужную сумму.

Лео Зуреф

Директор вудентонской ешивы, Н.-Й. 5.8.48.

– Эли, он из тех, что здесь без году неделя, совсем зеленый, – это ему Тед Геллер еще когда говорил. – И хоть бы слово сказал. Сунул записку и стоит, прямо как старики из Бронкса, ну те, что продавали вразнос разную дребедень.

– Ешива, – это Арти Берг ему когда еще говорил, – Эли, ешива в Вудентоне. Если б я хотел жить в Браунсвилле^[1], я б там и остался.

– Эли, – а это ему Гарри Шоу уже сейчас говорил, – и вдобавок ко всему в особняке старика Паддингтона. Старик перевернулся бы в гробу. Эли, когда я уехал из Нью-Йорка, я думать не думал, что Нью-Йорк потянется за мной.

Записка номер два:

Уважаемый бакалейщик,

Прошу выдать этому джентльмену десять фунтов сахара. Деньги запишите на счет вудентонской ешивы. Мы откроем у Вас счет, оплачивать будем каждый месяц. Этот джентльмен будет приходить к Вам раз или два в неделю.

Лео Зурэф

Директор

5.10.48.

P. S. Имеете ли Вы кошерное мясо?

– Сегодня этот тип прошел мимо моего окна, – это ему Тед Геллер когда еще говорил, – и кивнул мне. Эли, выходит, мы с ним теперь на дружеской ноге?

– Эли, – это ему Арти Берг когда еще говорил, – он явился, в этой самой шляпе, в «Купи здесь» и передал свою, чтоб ее, записку прямо в руки менеджеру.

– Эли, – это снова Гарри Шоу, – смех смехом, а мы и оглянуться не успеем, как сотня, если не больше, сопляков в этих их ермолках будет распевать на Коуч-Хаус-роуд свои ивритские уроки, и тогда тебе будет не до смеха.

– Эли, чем они там занимаются? Мои дети слышали какие-то странные звуки.

– Эли, у нас современная община.

– Эли, мы платим налоги.

– Эли.

– Эли.

– Эли.

Сначала ему зудел в ухо только очередной горожанин; а тут обернулся – в дверях Мириам, живот загораживал ее чуть не целиком.

– Эли, миленький, ну как?

– Он сказал: нет.

– А того, другого, ты видел? – спросила она.

– Он спал под деревом.

– Ты ему разъяснил, как наши к этому относятся?

– Он спал.

– Почему же ты его не разбудил? Эли, такое дело не каждый день поручают.

– Он устал!

– Пожалуйста, не кричи на меня, – сказала Мириам. – Не кричи. Я беременна. Мне уже тяжело носить.

Эли понял, что его сердит вовсе не то, что она сказала, а то, что она еще скажет.

– Доктор говорит: ребенок очень тяжелый.

– Раз так, сядь, чтобы я мог нормально пообедать.

Он понял: а теперь его рассердило, что она не посидела с ним, пока он обедал, хоть он и обрадовался возможности побыть одному. Казалось, за ним хвостом тянется оголенный нерв, а он все наступает и наступает на него. Но вот и Мириам на него наступила.

– Эли, я понимаю, ты расстроен.

– Нет, ты не понимаешь.

Она вышла из кухни. И уже с лестницы крикнула:

– Понимаю, миленький.

Это западня! Он будет выходить из себя, предчувствуя, что она будет его «понимать». Она, видя, как он сердится, в свою очередь будет понимать его еще лучше. Ну а он в свою очередь будет сердиться еще сильнее. Зазвонил телефон.

– Алло! – сказал Эли.

– Эли, Тед. Ну?

– Ну ничего.

– Кто этот Зуреф? Он американец?

– Нет. Перемещенное лицо. Из Германии.

– А дети?

– Тоже перемещенные лица

. Он их учит.

– Чему? Какому предмету? – спросил Тед.

– Не знаю.

– Ну а тот в шляпе, ты видел того типа в шляпе?

– Да, он спал.

– Эли, он спит в шляпе?

– Он спит в шляпе.

– Изуверы паршивые, – сказал Тед. – Эли, двадцатый век на дворе. А тут на тебе – этот тип в шляпе на нашу голову. Не успеем оглянуться, и эти субчики из ешивы разбредутся по городу.

– А там, глядишь, станут увиваться за нашими дочками.

– Мишель и Дебби и смотреть на них не станут.

– В таком случае, Тедди, – буркнул Эли, – тебе не о чем беспокоиться. – И повесил трубку.

Тут же зазвонил телефон.

– Эли? Нас разъединили. Нам не о чем беспокоиться? Значит, ты все уладил?

– Придется повидать его еще раз. Думаю, мне удастся как-то это уладить.

– Отлично. Я позвоню Арти и Гарри.

Эли повесил трубку.

– Я так поняла, что ты ничего не уладил. – А это уже Мириам.

– Так и есть.

– Тогда почему же ты сказал Теду, что все уладил?

– Так и есть.

– Эли, а не стоило бы тебе еще полечиться?

– Мириам, с меня довольно.

– С расстроенными нервами юрист работать не может. Это не ответ.

– Мириам, придумай что-нибудь поновее.

Насупившись, она отвернулась и ушла вместе со своим тяжелым младенцем спать.

Зазвонил телефон.

– Эли, это Арти. Тед звонил. Ты все уладил? Все прошло гладко?

– Да.

– Когда они уедут?

– Арти, предоставь это дело мне. Я устал. Хочу спать.

В постели Эли поцеловал жену в живот, положил на него голову – ему нужно было подумать. Положил очень осторожно: у Мириам шла вторая неделя девятого месяца. И все равно, когда она спала, тут хорошо отдыхалось – голова поднималась и опускалась в такт ее дыханию, а он тем временем искал выход: «Если б только этот тип снял свою дурацкую шляпу. Я знаю: шляпа – вот что их бесит. Сними он ее, и все наладится».

– Что-что? – спросила Мириам.

– Я разговариваю с ребенком.

Мириам села на постели.

– Эли, детка, ну, пожалуйста, улучи минутку, загляни к доктору Экману – просто поговорить.

– Я чувствую себя хорошо.

– Ох, миленький! – Она уронила голову на подушку.

– Ты знаешь, какой вклад внесла твоя мать в наш брак: шезлонг и преклонение, как заповедано Новой, черт бы ее подрал, школой^[2], перед трудами Зигмунда Фрейда.

Мириам сделала вид, что спит, но по тому, как она дышит, Эли понял, что у нее сна ни в одном глазу.

– Я говорю ребенку правду, Мириам, ведь так? Шезлонг, недополученные три месяца подписки на «Нью-Йоркер»^[3] и «Введение в психоанализ»^[4]. Я верно говорю, разве нет?

– Эли, ну к чему такая враждебность?

– Тебя только и заботит, что у тебя внутри. Целый день торчишь перед зеркалом, смотришь, как растет твой живот.

– У беременных устанавливаются особые отношения с плодом, отцам этого не понять.

– Тоже мне отношения. Что подельывает моя печень? А тонкая кишка? А не пошаливает ли мой островок Лангерганса?^[5]

– Эли, зря ты ревнуешь к крохотуле-зародышу.

– Я ревную к островку Лангерганса!

– Эли, я не могу с тобой спорить: я ведь знаю – ты недоволен не мной. Милый, неужели ты не понимаешь: ты недоволен собой.

– Тобой и Экманом.

– Эли, а вдруг бы он и помог.

– Вдруг бы он помог тебе. Между вами, можно сказать, роман.

– Эли, это в тебе опять говорит неприязнь.

– Тебе-то что – это же неприязнь не к кому другому, а к себе.

– Эли, у нас родится чудесный ребенок, я легко разрешусь, ты будешь замечательным отцом, я просто не понимаю, что тебя точит – для этого нет никаких оснований. Если нас что и должно заботить, так только какое имя ему выбрать.

Эли встал с постели, сунул ноги в шлепанцы.

– Назовем его Экман, если родится мальчик, и Экман, если родится девочка.

– Экман Пек звучит некрасиво.

– Придется ему с этим смириться, – сказал Эли и спустился к себе в кабинет, где в льющемся в окно лунном свете на портфеле поблескивал замок.

Он вынул записки Зурефа, снова их перечел. У него расходились нервы, стоило подумать о том, какими псевдонаучными доводами жена станет обосновывать, почему он читает и перечитывает эти записки. «Эли, ну почему ты так сосредоточился на этом Зурефе? Эли, ну не втягивайся ты так. Почему, как ты думаешь, ты так втянулся?» Ни от одной жены – раньше ли, позже – не укроется, в чем твоя слабость. И угораздило же его – экая незадача! – родиться невзрачным. Что бы ему родиться колченогим.

Снимая крышку с машинки, он продолжал злиться на Мириам, потому что в ее словах был резон. И все время, пока писал письмо, он слышал, как она будет растолковывать, почему он просто не способен вовремя поставить точку. Пусть так, зато она не способна понять, в чем суть дела. Но он уже слышал, что она скажет: у него «сформировалась негативистическая реакция», это же очевидно. Но заумные рацеи его не задумали: ей и всего-то было нужно, чтобы Эли предоставил Зурефу с домочадцами выпутываться самим – тогда община умиротворится, а они снова заживут счастливо. Ей всего-то и нужно было, чтобы в ее личном мире царили любовь и лад. И чем это плохо? Пусть в мире творится черт-те что, покой Вудентона ничто не должно нарушать. Как бы там ни было, письмо он написал.

Дорогой мистер Зуреф,

наша сегодняшняя встреча, на мой взгляд, результатов не дала. Но, по-моему, мы вполне могли бы прийти к соглашению, которое устроило бы и еврейскую общину Вудентона, и ешиву, и Вас – никаких препятствий к этому я не вижу. Как мне кажется, недовольство моих соседей прежде всего вызывают выходы в город джентльмена в черных шляпе, костюме и т. д. Вудентон – передовая пригородная община, и ее члены, как евреи, так и христиане, хотели бы, чтобы жизнь их семей протекала в благополучии, благолепии и спокойствии. В конце концов, мы живем в двадцатом веке, и просьба к членам общины одеваться сообразно времени и месту не кажется нам чрезмерной.

В Вудентоне, что Вам, по всей видимости, неизвестно, долгое время селились исключительно состоятельные протестанты. Лишь в войну евреи получили возможность покупать здесь недвижимость и согласно жить бок о бок с протестантами. Чтобы не ущемлять и не оскорблять друг друга, как евреям, так и христианам пришлось отказаться от кое-каких крайностей в своих обычаях. Таким согласием, несомненно, следует дорожить. Не исключено, что если бы в Европе перед войной установилось такое согласие, гонения на еврейский народ, жертвами которых стали Вы и эти восемнадцать детей, не осуществились бы с такой легкостью, а может быть, и не осуществились бы вовсе.

Вследствие чего, мистер Зуреф, не согласились бы Вы на следующие условия? Если да, то мы сочли бы возможным не привлекать ешиву к суду за нарушение положений номер 19 и 23 городского устава. Условия эти таковы:

1. Религиозная, образовательная и общественная деятельность вудентонской ешивы будет ограничена пределами ее территории.

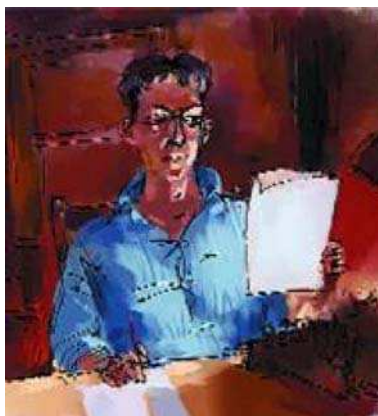
2. Появление работников ешивы на улицах Вудентона приветствуется при соблюдении одного условия: они будут одеты так, как принято одеваться в Америке двадцатого века.

Если Вы примете эти условия, вудентонская ешива сможет без помех наладить добрососедские отношения с евреями Вудентона – точно так же, как евреям Вудентона в свое время удалось наладить отношения с христианами Вудентона.

Был бы весьма признателен, если бы Вы ответили без промедления.

Искренне Ваш,

Эли Пек, поверенный.

Два дня спустя – без промедления – пришел ответ.

Мистер Пек,

он не имеет ничего, кроме этого костюма.

Искренне Ваш,

Лео Зуреф, директор.

И на этот раз, едва Эли вышел из-за купы тенистых деревьев на лужайку, дети пустились наутек. Он простер к ним руку с портфелем – хотел их остановить. Но они убежали так быстро, что перед ним пронеслась лишь стайка кип.

– Идите, идите, – окликнули его с порога.

Из-за колонны вырос Зуреф. Он что, живет за колонной? Или просто-напросто смотрит, как дети играют? В любом случае, стоило Эли появиться, и Зуреф тут как тут – не нужно и предупреждать.

– Здравствуйте! – сказал Эли.

– Шалом.

– Я не хотел их напугать.

– Запуганные, потому и убегают.

– Я же ничего такого не сделал.

Зуреф пожал плечами. Жест вроде бы ничего не говорящий, но Эли увидел в нем обвинение, и еще какой силы. Чего он недополучил дома, добрал здесь.

В кабинете они сели на свои места. Хотя сегодня было светлей, чем несколько дней назад, одна-другая лампочка не помешала бы. Чтобы уловить последние отблески заката, Эли пришлось поднять портфель повыше. Он достал письмо Зурефа из папки. Зуреф достал письмо Эли из брючного кармана. Эли достал второй, написанный под копирку экземпляр своего письма из другой папки. Зуреф достал первое письмо Эли из заднего кармана брюк. Эли достал второй экземпляр своего первого письма из портфеля. Зуреф воздел руки:

– ...Я больше ничего не имею...

Воздетые руки, саркастический тон – еще одно обвинение. Это что, преступление – хранить вторые экземпляры? У всех были свои резоны: что бы Эли ни сделал, все не так.

– Мистер Зуреф, я предложил вам компромисс. Вы его отклонили.

– Отклонил, мистер Пек? Как есть, так оно есть.

– Он мог бы купить костюм.

– Он больше ничего не имеет.

– Вы мне это уже сказали.

– Как я вам сказал, так и есть.

– Это не непреодолимое препятствие, мистер Зуреф. У нас имеются магазины.

– И для этого?

– На дороге 12 магазин сети «Роберт Холл»...

– Чтобы забрать у человека все, что он имеет?

– Не забрать, а заменить.

– Но я же вам говорил, он больше ничего не имеет. В английском есть такое слово? Nicht?^[6] Горништ?^[7]

– Да, мистер Зуреф, есть у нас такое слово.

– Матери и отца? – сказал Зуреф. – Нет. Жены? Нет. Ребенка? Нет. Десятимесячного младенца? Нет! Деревни, где все твои друзья? Синагоги, где каждый стул помнит твои штаны, где ты с закрытыми глазами узнаешь запах чехла Торы? – Зуреф так резко встал с кресла, что письмо сдуло на пол. Высунулся из окна, смотрел вдаль, за Вудентон. Потом повернулся, потряс перед Эли пальцем.

– Мало того, так над ним еще медицинские опыты производили! После такого ничего не остается, мистер Пек. Ничего, совсем ничего!

– Я вас неправильно понял.

– В Вудентон такие новости не доходили?

– Я имел в виду костюм, мистер Зуреф. Я думал, он не может позволить себе купить костюм.

– Не может.

Они вернулись туда, откуда начали.

– Мистер Зуреф! – не отступался Эли. – Вот! – И ударил по бумажнику.

– Вот именно! – сказал Зуреф и ударил себя по груди.

– В таком случае мы купим ему костюм! – Эли подошел к окну, взял Зурефа за плечи и сказал, выговаривая каждое слово отдельно: – Мы – заплатим – за – него. Хорошо?

– Заплатите? Чем, бриллиантами?

Эли полез было во внутренний карман, но тут же опустил руку. Глупо, ох как глупо! Ведь у Зурефа, заменившего отца восемнадцати детям, удар пришелся не по тому, что под пиджаком, а по тому, что глубже – под ребрами.

– О!.. – выдохнул Эли. И стал отодвигаться вдоль стены, подальше от Зурефа. – Значит, костюм – все, что у него есть.

– Вы получили мое письмо, – сказал Зуреф.

Эли остался, где стоял, в тени, Зуреф вернулся на свое место. Подхватил письмо Эли с пола, поднял его повыше:

– Очень много слов... столько доводов... столько условий...

– Что же мне делать?

– В английском есть слово «страдать»?

– Есть у нас такое слово. Есть и слово «закон».

– Хватит с нас вашего закона! У вас есть слово «страдать». Вот и пострадайте. Это такая малость.

– Они не захотят, – сказал Эли.

– Но вы, мистер Пек, как насчет вас?

– Я – это они, они – это я, мистер Зуреф.

– Ах! Вы – это мы, мы – это вы.

Эли все мотал и мотал головой. Может, сумрак тому причиной, но ему вдруг почудилось, что он мог бы подпасть под власть Зурефа.

– Мистер Зуреф, нельзя ли хоть немного света?

Зуреф зажег сальные огарки. Эли не осмелился спросить: а что, электричество им не по средствам? Не исключено, что у них всего только и осталось, что свечи.

– Мистер Пек, могу я спросить, кто пишет законы?

– Народ.

– Нет.

– Да.

– До того, когда народа не было.

– Никто. Когда народа не было, не было и закона. – Эли не хотел ввязываться в этот разговор, и освещая комнату не одни свечи, он никогда не дал бы себя завлечь.

– Неверно, – сказал Зуреф.

– Мы устанавливаем законы, мистер Зуреф. Это наша община. Они – мои соседи. Я – их поверенный. Они оплачивают мои услуги. Без законов воцарился бы хаос.

– Что для вас закон, для меня стыд. Сердце, мистер Пек, сердце – вот закон! Б-г! – возвестил он.

– Послушайте, мистер Зуреф, я пришел к вам не для того, чтобы беседовать на отвлеченные темы. Люди пользуются законами, закон – штука гибкая. Они защищают то, что им дорого: собственность, благополучие, счастье...

– Счастье? Они прячут стыд. А вы, мистер Пек, вы что, не имеете стыда?

– Мы поступаем так, – сказал Эли упавшим голосом, – ради наших детей. Мы живем в двадцатом веке...

– Двадцатый он для гоев. Для меня он пятьдесят восьмой. – Зуреф уставил палец на Эли. – Нам уже поздно стыдиться.

Эли был убит. У всех были злокозненные мотивы. У всех, всех! А раз так, что за резон покупать лампочки.

– Хватит с меня ваших мудрствований, мистер Зуреф. Помилосердствуйте, я на пределе.

– А кто не на пределе?

Зуреф взял со стола бумаги Эли, потряс ими в воздухе.

– Что вы наметили нам делать?

– Что должно, – сказал Эли. – Я изложил наши условия.

– И что – ему должно отказаться от костюма?

– Зуреф, Зуреф, отцепитесь вы от меня с этим костюмом! Я не единственный юрист в мире. Не стану я заниматься вашим делом, им займется другой юрист, а он никаких компромиссов вам не предложит. И тогда у вас не будет ни дома, ни детей, ничего. Только черный костюм, тоже мне ценность! Жертвовать собой – вот что вам нужно! Я знаю, что сделал бы я на вашем месте.

Зуреф ничего на это не ответил, лишь отдал Эли его письма.

– Дело не во мне, мистер Зуреф, в них.

– Они – это вы.

– Нет. Я – это я. Они – это они. Вы – это вы, – провозгласил Эли.

– Вы ведете речь о листьях и ветках. Я смотрю на то, что под грязью.

– Мистер Зуреф, вы меня с ума сведете вашими талмудическими мудрствованиями. Это – то, а то – вовсе не это. Отвечайте мне прямо.

– Так пусть и вопросы будут прямые.

– Г-споди!

Эли вернулся на свое место, сунул документы в портфель.

– В таком случае у меня всё, – сказал он в сердцах.

В ответ Зуреф лишь пожал плечами.

– Попомните мои слова, Зуреф: вы сами навлекаете неприятности на свою голову.

– Я?

Эли решил, что больше не даст Зурефу помыкать собой. Заковыристые словеса ничего не доказывают.

– До свидания, – сказал он.

Но не успел Эли открыть дверь в холл, как Зуреф окликнул его.

– А ваша жена, как она?

– Хорошо, очень хорошо. – Эли не остановился.

– И ваш ребенок родится сегодня-завтра?

Эли обернулся.

– Да, это так.

– Ну что ж, – сказал Зуреф, вставая. – Желаю удачи.

– Откуда вы узнали?

Зуреф указал на окно, затем жестами изобразил бороду, шляпу, долгополый сюртук, обрисовывая сюртук, он коснулся пальцами пола.

– Он ходит за покупками два-три раза в неделю, так и узнаёт.

– Он с ними разговаривает?

– Он их видит.

– И он смог узнать

, какая из них моя жена?

– Они покупают в одних магазинах. Он говорит, она красивая. У нее доброе лицо. Такая женщина умеет любить... хотя... я знаю?

– Он говорит с вами про нас? – не отступался Эли.

– Вы говорите с ней про нас?

– До свидания, мистер Зуреф.

Зуреф сказал:

– Шалом. И удачи вам – я знаю, что такое иметь детей. Шалом, – шепнул Зуреф, шепнул – и тут же две свечи погасли.

Но за миг до этого в глазах Зурефа отразилось пламя свечей, и Эли понял, что вовсе не удачи желал ему Зуреф.

Закрыв за собой дверь, Эли ушел не сразу. На лужайке, взявшись за руки, кружились дети. Поначалу он стоял недвижно. Но не может же он проторчать тут в тени весь вечер. Мало-помалу он стал перемещаться вдоль фасада. Руками нащупывал выемки там, где выщербился кирпич. И так, не выходя из тени, продвигался, пока не добрался до торца. А там, выбирая места потемнее, пересек лужайку, прижав к груди портфель. Держал курс на прогалину неподалеку, но, пробежав до нее, не остановился, а помчал сквозь, пока голова не закружилась, да так, что ему чудилось, будто деревья бегут рядом, только не в Вудентон, а от него. Когда он вылетел на горящую желтыми огнями автозаправку «Галф» на окраине, легкие у него едва не лопались.

Ī adāā nāī æēēēīā Ēādeīī Aīī aēīāē

Продолжение следует

^[1] Браунсвилль – район Ист-Сайда, где селились преимущественно евреи. – Здесь и далее примеч. перев.

^[2] Полное название – Новая школа социальных исследований (основана в 1919 году). Высший образовательный центр. Преподают гуманитарные, общественные науки.

^[3] Литературно-публицистический еженедельный журнал (основан в 1925 году). Рассчитан на образованных читателей.

^[4] Полное название – «Лекции по введению в психоанализ», труд З. Фрейда.

^[5] Эндокринная часть поджелудочной железы.

^[6] Ничего (нем.).

^[7] Совсем ничего (идиш).

АЛЕКСАНДР ГОРОДНИЦКИЙ

Ў гаёёёаёёр і іааа о іаёё Аіаа Уі іаёі

Я прожил довольно долгую по нынешним временам жизнь – в марте мне стукнуло семьдесят пять. Родители мои родились в Белоруссии, в Могилеве, откуда в начале 1920-х годов уехали учиться в Ленинград. Сам я родился в Ленинграде, пережил блокаду. Окончив Ленинградский горный институт и получив диплом геофизика, всю жизнь работал в экспедициях – семнадцать лет на Крайнем Севере и более тридцати лет на научных судах в разных районах Мирового океана. Побывал на Северном полюсе и в Антарктиде, неоднократно погружался на океанское дно в подводных обитаемых аппаратах, исколесил практически всю планету. И только сейчас, на склоне лет, я неожиданно спохватился, что почти ничего не знаю о своих предках, о языке идиш, на котором они говорили.

Перед войной мы с родителями каждый год ездили летом к бабушкам и дедушкам в родной Могилев. Весной 1941 года отцу вовремя не выдали зарплату, и от поездки в Могилев пришлось отказаться. Это нас спасло, поскольку осенью того же года немцы уничтожили там всех наших многочисленных родственников. И я отправился в Могилев и в другие города Белоруссии, где ни разу не был после войны, с наивной надеждой отыскать уцелевших родичей и следы языка идиш.

В результате этих бесплодных поисков была написана поэма, отрывки из которой перед вами.

В ПОИСКАХ ИДИША

(Отрывки из поэмы)

1.

Мелькали мимо перелески грустные.
Был вечер темен, и закат лилов.
Я ехал по дорогам Белоруссии,
Из Минска направляясь в Могилев.
Меня везя к утраченному племени,
Водитель мой крутил усердно руль.
Стал на неделю мне машиной времени
Видавший виды старенький «жигуль».
В сомнениях – в пути не ошибусь ли я,
В раздумиях о собственной судьбе,
Я ехал по дорогам Белоруссии,
Где идиш был недавно на гербе.
Вернуть стараясь времена дошкольные,
Ища следы давно забытых слов,
Я двигался дорогою окольною,
Из Минска пробираясь в Могилев.
Названия припоминал изустно я, –
Бобруйск, Воложин, Рыжковичи, Шклов.

Я ехал по дорогам Белоруссии,
Из Минска направляясь в Могилев.
Мне девы улыбались светло-русые.
Шумела у обочины вода.
Я ехал по осенней Белоруссии
Дорогою из Минска в никуда.

* * *

Меж лесов, среди которых мчусь я,
Ближнею дорогой и в объезд,
Странное испытываю чувство,
Проезжая мимо этих мест.
Почему, скажите, Б-га ради,
Могилевский вспоминаю вал?
Я рожден в холодном Ленинграде.
Ну а здесь подолгу не бывал.
Обживал я города другие.
Почему – не понимаю сам,
Точит мое сердце ностальгия
По болотам этим и лесам.
Листья с веток начинают падать.
Речка непрозрачная светла.
Может, генетическая память
Эту мне любовь передала
Из былых времен. Не оттого ли
С каждою минутой мне милей
Этот вот лесок и это поле
Нищей Белоруссии моей?
Неужели я, седой, поживший,
Обогнувший Землю человек,
Из черты оседлости не вышел,
Сердцем к ней привязанный навек?

МОГИЛЕВ

Тот Могилев, куда я нынче прибыл,
Переменился за десятки лет.
Не следует рассчитывать на прибыль
При поисках того, чего уж нет.
От Могилева прежнего немного
Осталось, откровенно говоря,
Где дядька мой перебежал дорогу
Перед машиной батюшки-царя.
Где в синагоге пекарем веселым
Пеклась на Пасху ломкая маца,
И мой отец ходил когда-то в школу –
Теперь ни школы нету, ни отца.
Огромный город строится и дышит,
Похожий на другие города.
Любой язык возможно здесь услышать,

Но идиш не услышишь никогда.
Гремят оркестры, к празднику готовясь,
Что наступает через пару дней.
Мне не собрать рассыпанную повесть
Семьи не сохранившейся моей.
Среди живых не отыщу я близких,
И я иду, в раздумиях о том,
Туда, где самодельныхobelisks
Сереет покосившийся бетон.

ПАШКОВО

После дождика небо светлеет.
Над ветвями кричит воронье.
Здесь лежит моя бабушка Лея
И убитые сестры ее.
Представительниц славного рода,
Что не встанет уже никогда,
В октябре сорок первого года
Их прикладами гнали сюда.
Если здесь бы мы с папой и мамой
Оказались, себе на беду,
Мы бы тоже легли в эту яму
В том запекшемся кровью году.
Нас спасла не Всевышняя сила,
Ограничив смертельный улов, –
Просто денег у нас не хватило
Для поездки в родной Могилев.
Понапрасну кукушка на ветке
Мои годы считает вдали.
В эту яму ушли мои предки
И с собой мою жизнь унесли.
Разделить свое горе мне не с кем, –
Обезлюдел отеческий край.
Этот город не станет еврейским:
Юденфрай, юденфрай, юденфрай.
Будет долгой зима по приметам.
Шлях пустынный пылит в стороне.
Я последний, кто помнит об этом,
В этой Б-гом забытой стране,
Где природа добрее, чем люди,
И шумит, заглушая слова,
В ветровом нескончаемом гуде
На окрестных березах листва.

* * *

Жизнь как лето коротка,
Видишь?
Я не знаю языка
Идиш,
Достоянья моего

Предка,
Да и слышал я его
Редко.
Не учил его азы, –
Грустно.
Мой единственный язык –
Русский,
Но, состарившись, я как
Скрою
Разобщенье языка
С кровью?
Мой отец перед войной
С мамой
Говорил на нем порой,
Мало,
Чтобы я их разговор
Не понял.
Это все я до сих пор
Помню.
Я не знаю языка,
Значит,
Не на нем моя строка
Плачет.
Не на нем моя звенит
Песня,
И какой же я а ид,
Если
Позабыл я своего
Деда,
Словно нет мне до него
Дела?
Вдаль уносится река,
Жарко.
Я не знаю языка –
Жалко.

ШКЛОВ

Поляны, луга, перелески.
От осени первая весть.
Заброшенных кладбищ еврейских
В земле белорусской не счесть.
Не высятся здесь обелиски.
От сгинувших нет и следа.
Из бывших знакомых и близких
Никто не приходит сюда.
Уносит нас быстрая речка
От лет позабывшихся тех,
Когда в опустевших местечках
Их песни звенели и смех.
В земле растворенные лица
Уже не вернуться назад.

И длится бессрочно, и длится
Усопших последний шабат.
Над общим узилищем тесным,
Что дало им братский приют,
На идише тихие песни
Окрестные ветры поют.

ВИШНЁВО

Здесь бессильно сказанное слово.
Позабыть убитых не веля,
На еврейском кладбище в Вишнёво
Черная шевелится земля.
Коршун в небе сумеречном реет.
С ветки лист слетает за листом.
Здесь убита тысяча евреев, –
Сто сначала, девятьсот потом.
Для чего подсчет нам этот нужен
Из далеких проклятых времен?
В городах иных бывало хуже, –
По стране погиб их миллион.
Не хочу я говорить в итоге,
С чьей подачи и по чьей вине
В Ракове сожгли их в синагоге,
В Витебске топили их в Двине.
Мне не надо черной этой краски.
Я об этом помнить не хочу.
«Дядя, ты песок мне сыплешь
в глазки», –
Девочка сказала палачу.
Я об этом часто вспоминаю,
И опять мне ночью – не до сна.
Говорят, пришла пора иная,
Новые настали времена.
Но упорно думаю я снова,
Глядя на осенние поля:
На еврейском кладбище в Вишнёво
До сих пор шевелится земля.

МИНСК

Л. Левину

Сон неотвязный терзает меня
постоянно.
Нету с ним сладу в последнее время,
хоть плачь.
Дети и женщины сходят в расстрельную
яму.
Самым последним спускается в яму
скрипач.
Короток путь их, ступени смертельные

круты.
К скрипке прижавшись худым угловатым
плечом,
Будет играть он до самой последней
минуты,
Прежде, чем пуля его остановит смычок.
В дальних пределах я жизнь свою прожил
иначе,
Стоя на сцене, по трапу сходя на причал.
Путь этот горький и мною давно уже
начат, –
Просто вначале я этого не замечал.
Но по ночам, отрывая раздумья упрямо
От неудач моих мелочных или удач,
Будет мне сниться бездонная минская
яма.
Будет мне сниться в нее уходящий
скрипач.
Лишь перед смертью родство свое
кровное ценим.
Живший годами от предков своих
вдалеке,
Следом за ним я спускаюсь по тем же
ступеням,
Хрупкую скрипку сжимая в горячей руке.
Поздно сейчас после драки махать
кулаками.
В местную землю впиталась еврейская
кровь.
Предки мои эту землю любили веками,
Да без взаимности, видимо, эта любовь.
В близкое море текут равнодушные реки.
Крик журавлиный – подобье скрипичной
игры.
Эту страну мы теперь покидаем
навек, –
Будьте здоровы, мои дорогие сябры.
Срок мой кончается. Год истекает
за годом.
Вместе с другими, из края озер и болот,
Я уйду за моим бесприютным народом,
Грустною песней его завершая исход.

БЛИЗИТСЯ НОЧЬ

Публикацию подготовил Асар Эппель

Andantino

Ви- дэр из а тог а- вэк, ди нахт кумт он цу
швэ- бн, нен- тэр мит а тог цум брэг, ву
с'эн- дикт зих дос лэ- бн; ви- дэр из а
нахт фар- бай, с'из ви- дэр тог ге- во- рн,
а- зой ё- гн зих ди цвэй шойн лан- гэ, лан- гэ ё- рн. а- зой ё- гн
зих ди цвэй шойн лан- гэ, лан- гэ ё- рн.

Ди нахт кумт он цу швэбн

Видэр из а тог авэк,
ди нахт кумт он цу швэбн,
нентэр мит а тог цум брэг,
ву с'эндикт зих дос лэбн;
видэр из а нахт фарбай,
с'из видэр тог геворн,
bis азой ёгн зих ди цвэй
шойн лангэ, лангэ ёрн.

Азой ёгн зих ди цвэй,
ништ мэр цурик зих керн,
мит а зифц баглэйт их зэй
ун кук зэй нох мит трэрн –
ун зэй флиен, глайх фун зэй

вил кэйнер зайн дэр цвэйтэр.
bis с'кумэн тэг ун нэхт ойфснай –
а блик ун лойфн вайтэр.
Азой флиен он цум цил
ди тэг шойн ланге ёрн,
фун дэм нариш вилдн шпил
шойн алт ун кранк геворн.
ви ланг нох, ир нахт ун тэг,
вэт ир зих азой ёгн?
bis Махт а соф шойн цум гээг,
Х'кен'с лэнгэр ништ фартрогн.

Близится ночь

*Nāāōēē i'āi yōē
i i'āā āiōi'āā āōōā
Ī īōāāōāy Yōēēōā*

Снова ушел день,
потихоньку подступает ночь,
на день ближе стало к черте,
где завершится жизнь:
и снова прошла ночь,
и снова наступил день –
вот так долгие-долгие годы
спешат эти двое.

Так вот спешат эти двое,
чтоб уже не вернуться вспять,
со слезами глядя им вслед,
я провожаю их вздохом –
а они летят, словно каждый
не хочет оказаться вторым.
Дни и ночи приходят сызнова –
мгновение и улетели прочь.

Так уже долгие годы
летят к своей цели дни,
от дикой нелепой этой игры
состарившись и болея.
Сколько же еще, ночи и дни,
вам длить эту гоньбу?
Кончайте вашу гонку,
мне уже больше не вынести.

АНТИНОМИИ «РАБОЧЕГО СИОНИЗМА»

יְהוֹנָתָן פֿרֶנְקֶל

Наконец-то вышла по-русски монография израильского историка Йонатана Френкеля, которая была впервые опубликована в 1984 году на английском языке в издательстве Кембриджского университета и с тех пор завоевала совершенное признание среди специалистов^[1]. Это фундаментальное исследование общественно-политической жизни российского еврейства в последние десятилетия XIX-го и первые два десятилетия XX веков.

Социальный объект исследования – особая «политическая субкультура» в «Вильно, Минске, Белостоке, лондонском Ист-Энде и нью-йоркском Нижнем Ист-Сайде»: «Ее языком был идиш; экономической базой – портновское дело и потогонная система труда; политикой – непрестанные споры и постоянное взаимодействие между социалистическим интернационализмом и еврейским национализмом; организационным выражением – пресса на идише, общественные митинги, профессиональные союзы, идеологизированные партии и – там, где требовалось, – вооруженные отряды самообороны».

Хронологические границы, указанные в заглавии, определены двумя событиями разного масштаба: выходом книги М. Гесса «Рим и Иерусалим», которая не получила никакого резонанса среди современников, и 1917-м, который ознаменовался двумя революциями в истории России и Декларацией Бальфура в истории еврейского народа. Фактически хронологические рамки уже – «постлиберальный путь развития в жизни современного еврейства». Автор начинает скрупулезный анализ не с 1862 года, а с погромов 1881–1882 годов, вызвавших формирование первой алии: «Эта книга исследует политическую реакцию на кризис, который русское еврейство переживало в 1881–1917 годах, – кризис, отмеченный демографическим взрывом; хронической бедностью, связанной с нехваткой рабочих мест (и безработицей); периодическими волнами погромов и преследованиями со стороны правительства; массовой эмиграцией, в ходе которой сотни тысяч – а со временем и миллионы – евреев Восточной Европы перебирались в новые центры, разбросанные по всему миру».

Сейчас – по прошествии более чем двадцати лет после первой публикации – можно с уверенностью констатировать, что монография Френкеля (кстати, автора и других замечательных работ, в частности о дамасском навете) приобрела базовый характер. Для всех, кто занимается такого рода проблемами, а также историей евреев и

русской общественной мысли, книга Френкеля – долгожданный необходимый справочник и отправная точка дальнейших изысканий.

Это с одной стороны, «солидной», «академической». С другой стороны, очень привлекательно, что в изложении Френкеля история оказывается «веселой наукой». Автор ценит парадоксальное мышление своих «персонажей» (см. характеристику Н. Сыркина) и сам тяготеет к острым неожиданным дефинициям, с удовольствием подвергая ревизии научные мифы и упрощенные оценки. Потому возникает соблазн сформулировать основные вопросы и ответы монографии также в виде нескольких парадоксов.

В центре внимания Френкеля находится такой причудливый идеологический продукт изучаемой им «субкультуры», как «рабочий сионизм» – синтез социализма с национализмом. «Если говорить в самых общих чертах, эта книга описывает роль еврейского социализма в зарождении современной еврейской политики. В частности, в ней подробно рассматривается конфликт между социалистическим интернационализмом и еврейским национализмом; попытки примирить один с другим, создав некоторую форму синтеза; и последующие взаимоотношения идеологий и движений, бывших – в различной мере – и социалистическими (или, по крайней мере, пролетарскими), и националистическими (или, по крайней мере, национальными). Постоянное взаимодействие идеологии политики подчеркивается на протяжении всей книги». Действительно, социалисты (от К. Маркса до Л. Троцкого) – во имя интересов пролетариев всех стран – дистанцировались от национализма, протосионизма, сионизма и т. п., а для классического сионизма Т. Герцля или М. Нордау социализм и другие левые группы далеко не союзники. Так, Герцль исхитрился посетить Россию в августе 1903 года (в апреле был кишиневский погром), вел переговоры с Витте и Плеве (на которого общественность возлагала ответственность за погром), стремился «обуздать еврейских революционеров». «А в своем публичном обращении к VI Сионистскому конгрессу в Базеле Герцль призывал своих последователей в России вести себя “спокойно и законно”. Этот призыв, да и весь российский эпизод, были восприняты левым крылом сионистов как едва ли не предательство...» Тем не менее – усилиями нескольких поколений и многих идеологов – «рабочий сионизм» был создан.

Митинг социалистов в Нью-Йорке. 1908 год.

2. Теоретики «рабочего сионизма» достигли такого парадоксального результата, как синтез (сознательный и бессознательный) современной политики с наследием иудаизма. Для них было «характерным частое обращение к Библии, в частности к Моисееву закону и к пророкам, равно как и к другим избранным главам еврейской истории: к Маккавеям, ессеям, мученичеству, мессианству. Предполагалось, что эти темы занимают важное место в коллективной памяти, в народной психологии, и потому они способны служить для мобилизации поддержки национального и социалистического дела». По словам Френкеля, хотя юное поколение второй алии «было антиклерикальным и нередко атеистическим, но мировоззрение его оставалось по преимуществу мессианским, сформированным хедером и ешивой, хасидским воспитанием или глубоко эмоциональной привязанностью к Герцлю как провозвестнику давно ожидавшегося Избавления, Конца времени. Таким образом, внушенное революционным опытом отрицание существующего усиливалось традиционной верой в то, что “галут” (изгнание) есть лишь переходное состояние, которое изменится, как только евреи смогут доказать, что они достойны явления Мессии».

3. Теоретики «рабочего социализма» (Х. Житловский, Н. Сыркин, Б. Борохов) – центральные персонажи монографии Френкеля – представляли маргиналов как в сионизме, так и в социалистическом движении, однако их ученики и последователи (Д. Бен-Гурион, И. Бен-Цви, М. Шарет, Г. Меир и др.) составили политическую элиту Государства Израиль в самый тревожный, ответственный период его истории: «К 1914 г. эта молодежь выработала новую стратегию еврейского поселения, основанную на коллективном и мелком землевладении, и эта модель позволила кибуцному и мошавному движению стать доминирующим в межвоенный период. Молодежь эта создала две партии, объединившиеся в 1930 г. в партию МАПАЙ, которая добилась главенства в “ишуве”, во Всемирной сионистской организации, а затем и в Государстве Израиль».

Подобные парадоксальные исследовательские ходы не только организуют множество фактов, скрупулезно анализируемых в монографии, но и подвигают к общим соображениям относительно специфики радикальной «субкультуры». Опыт истории еврейского народа – при всей уникальности – открывает универсальные закономерности.

Первый парадокс – при отвлечении от «рабочего сионизма» – принимает новую форму. В самом деле, социализм активно взаимодействовал (позитивно или негативно) не только с сионизмом, но вообще с национальными движениями. Достаточно вспомнить претензии анархиста М. Бакунина и марксистов к Дж. Мадзини, воинственному лидеру Рисорджименто, который, в свою очередь, никак не сочувствовал социализму и, наоборот, был готов апеллировать к католическим ценностям (ср. второй парадокс). Аналогично социалисты то объявляли якобинский террор (модель «1793 года») неотъемлемой составляющей истинной революции (в том числе социалистической), то – с изменением политической ситуации – квалифицировали его как порождение интеллектуальных пережитков буржуазного мышления. К примеру, Бакунин, осмысляя неудачные европейские революции 1848–1849 годов, писал: «Предателями всегда могут быть только свои. В 1848 г., как и в 1793 г., революцию тормозили те, кто был ее представителями. Наш республиканизм, как и старое якобинство, есть не что иное, как буржуазная прихоть без принципа и плана».

Удивительно, но второй парадокс также имеет универсальное измерение. Революционное мышление характерно для последних трех веков с их неуклонным отступлением от религиозных ценностей, однако его «звезды» часто пускали в ход

религиозную парадигму. Причем не только уступки ради, не только в целях агитации среди «отсталого народа». Религиозная парадигма – при несложной «метафорической» трансформации – позволяла отождествить мессианские ожидания (в рамках иудаизма или христианства) с общественно-политическим «новым миром», который возникнет в результате революции. В таком случае революция превращалась в антоним «переворота»: «переворот» приводит к власти новую элиту и оставляет народ в прежнем угнетенном состоянии, «революция» же полностью преобразует общественное бытие. Дж. Адамс (будущий президент США) в 1765 году так определил цели будущей революции: «Я рассматриваю обустройство Америки как начало реализации грандиозного замысла (scheme) Б-жьего – просвещения и освобождения пребывающей в невежестве и рабстве части человечества».

Наконец, третий парадокс. Превращение малочисленной группы адептов «рабочего сионизма» в эффективную правящую партию сразу вызывает ассоциации с историей большевиков. Им также пришлось, обращая вспять ход времени, искать предшественников среди не всегда успешных деятелей мирового и российского социал-демократического движения, упорно пытаясь обнаружить в прошлом источники и образцы своих новейших нестандартных политических решений.

Главный посыл монографии Френкеля – особенно впечатляющий при привлечении нееврейских аналогий – это призыв не подчиняться гипнозу «железных законов» социологии, которые якобы управляют индивидуумами (и которые обыкновенно формулируются задним числом). Так, Френкель оспаривает подход Л. Мартова (и повторяющих его позднейших исследователей), который воспринимал логику развития Бунда «не как предмет для дискуссий, но как свершившийся факт, приговор, уже вынесенный историей»: «из такого представления об органическом развитии непосредственно вытекало, что идеологические споры и внутренние разногласия, сколь бы острыми они по временам ни были, следует рассматривать лишь как временные болезни роста, серьезных последствий не имеющие». По мнению израильского историка, наоборот, ничто не предрешено: история разворачивается в результате прозрений и деяний различных личностей (самостоятельных и независимых), мучительно ищущих ответы на запросы реальности.

Б. Борохов (сидит справа). 1901 год.

* * *

Восстанавливая «роль еврейского социализма в зарождении современной еврейской политики», Френкель первую часть монографии («Подготовительный этап») посвятил идеологам-предтечам (М. Гесс, А. Либерман), погромам 1881–1882 годов, с их влиянием на первую алию, созданию еврейского рабочего движения в США; вторую часть («Партийные идеологии до 1907 года») – создателям концепции «рабочего сионизма» (теоретики Бунда, Х. Житловский, Н. Сыркин, Б. Борохов); третью («Идеология и действительность эмиграции») – адаптации «рабочего сионизма» к условиям турецкой Палестины и США.

Мозес Гесс – «первый религиозный сионист в иудаизме» (М. Бубер) – по основной «специальности» был немецким социалистом, однако в книге «Рим и Иерусалим» (1862) он пытался доказать возможность и необходимость заселения евреями Палестины с последующей организацией общества на кооперативной основе. По словам Френкеля, «вся книга Гесса вращалась, по сути, вокруг одной идеи. Глубоко сокрытые в еврейском народе семена будущего могут пустить корни, дать всходы и, в конечном счете, принести плоды, только если их надежно посеять в землю предков. Гесс не мог рассматривать иные формы национального, не территориального, возрождения, поскольку, на его взгляд, вклад евреев в историю человечества как раз и заключается в сочетании национального государства и национальной религии, формального закона и общественной этики, политики и пророчества».

Для деятельности Гесса принципиально несоответствие прогностической глубины центральной идеи ее утяжеленной историзированной аргументации и удаленности от реальной политики. Впрочем, это противоречие кажется таковым лишь с

точки зрения итога – позднейшей теории «рабочего сионизма». Напротив, с точки зрения современной Гессу революционной «субкультуры» его идеология достаточно типична.

Он принадлежал к первому поколению немецких социалистов и в этом качестве даже опережал Маркса. Его современники (не вдаваясь в исторические нюансы) – Л. Берне, Г. Гейне, А. Рунге, Д. Штраус, Л. Фейербах, Б. Бауэр, К. Маркс, М. Бакунин, А. Герцен и другие, выступившие на историческую арену в конце 1830-х – начале 1840-х годов. Их мысль определялась гегельянством, превращенным в способ решения социально-политических проблем, и агрессивным атеизмом. Это создало особый тип теоретизирования, который характеризовался: масштабностью обобщений; убежденностью в том, что философия способна объяснить любую область бытия (от политической экономии капитализма до еврейского вопроса); отрицанием традиционной религии.

Левые гегельянцы были интернационалистами, многие оказались в эмиграции, тем не менее их взаимные претензии часто окрашивались в национальный цвет. Так, Бакунин – в рамках спора в среде социалистов – обнаружил поразительную антипатию к Германии и евреям (как единому целому). По его словам, Маркс «начинает ненавидеть всякого, кто не хочет гнуть перед ним шею. Вот главная причина ненависти к нам Маркса. К этому надо добавить, что, ненавидя кого-нибудь, они считают допустимой в отношении к нему всякую подлость. Нет тех гадостей, той клеветы и лжи, которой они не стали бы распространять на его счет в своих частных беседах и переписке, равно как и в газетах. Таков метод борьбы со своими противниками немцев вообще, и в особенности немецких евреев. Маркс – немецкий еврей, так же, как и многие другие главные и второстепенные вожди той же партии в Германии...». Это с одной стороны, с бакунинской. А с другой – Маркс и впрямь славянство и Россию ненавидел, причем не утруждая себя дифференциацией империи и ее врагов-революционеров. Как пишет современный философ А. Глюксман, «вскоре после европейской революции 1848 года, ее поражения и краха “весны народов” Маркс осознал себя преследуемым совершенно иным монстром. Запершись в Британском музее, он провел там годы, сражаясь с новым “призраком, которого боится Европа”. Уже не коммунизма, но России! На сей раз Маркс не восторгался, но ужасался. Он сожалел о всеобщей инертности, которая охватила даже тех, кто бунтовал против царя Николая I, спасителя порядка в 1848 году, жандарма Европы. Маркс вел безжалостную (и коварную) борьбу против Герцена, Бакунина и прочих, подозреваемых в панславизме инакомыслящих. Во всех столицах он обнаруживал вездесущую руку русской партии». Потому Маркс не обинуясь декларировал: «Ни одному русскому я не верю...» – а Марксов двойник, Энгельс, лапидарно назвал Бакунина «жирным проклятым русским». В этой же парадигме мыслил Гесс, когда – в поддержку Маркса – публично разоблачал «интриги» Бакунина против Интернационала и обвинял его в идейном родстве с последователем Лассаля И. Швейцером, который был якобы уличенным агентом Бисмарка.

В 1860-х годах поколение основателей социализма переживало подъем, связанный с объединением Италии и Германии, Гражданской войной в США и т. п. Именно в эти годы выходят основные теоретические труды Маркса, Бакунина. В этом контексте объяснимы и пророческий пафос Гесса, и установка на реинтерпретацию многовековой истории евреев и иудаизм, и синтез социализма с национальным государством (ср. акцентированные Френкелем апелляции к успехам Италии), и, увы, отсутствие соприкосновения с общественно-политическими силами.

Гесс, как и Арон Либерман, русский социалист из круга П.Л. Лаврова, не сумевший сохранить партийное равнодушие – на фоне мировой борьбы за свободу – к

судьбе единичного, но «своего» народа, вполне предсказуемо оказались востребованными позднее, задним числом: «Оторванные от объективных условий – или от того, что считали таковыми их современники, – и Гесс, и Либерман искали истины, которые были бы политическими и личными по сути. Когда же объективные условия или, по меньшей мере, коллективные восприятия претерпевали изменения, как это произошло после 1881 г. в черте оседлости, вопросы, которые интересовали только их одних, начинали задавать целые группы людей».

Погромы 1881–1882 годов, в очередной раз напомнив евреям о горьком хлебе изгнания, обнаружили пропасть, отделяющую их от русского революционного движения. Русские революционеры поддержали погромщиков. Френкель цитирует статью из партийного журнала «Народной воли»: «Евреи, как это прекрасно объяснил когда-то Маркс, будучи народом исторически несчастным и долго гонимым, сделались народом в высшей степени нервным и восприимчивым; они воспроизводят в себе, как зеркало (и даже не в обыкновенном, а в удлинённом виде), все пороки окружающей среды, все язвы известного общественного строя, так что когда начинаются антиеврейские движения, то можно быть уверенным, что в них таится протест против целого порядка». Что называется – ничего личного, оправдание погромов никак не противоречило теории: «В том, что русские революционеры в целом приветствовали погромы, на самом деле ничего удивительного не было. Врожденная тенденция революционного народничества идеализировать “народ” в разной мере усиливалась, применительно к этим событиям, бакунинским “бунтарством” (идеологией крестьянской войны) и ткачевским, а то и нечаевским “якобинством” (оправданием средств целью)». Соответственно, ничего удивительного не было и в том, что народ отправился в эмиграцию, молодежь – в революцию, а интеллектуалы-социалисты приступили к созданию новой теории, т. е. «рабочего сионизма».

1-й красноармейский отряд Еврейской социал-демократической рабочей партии «Поалей Цион». 1919 год.

Фотография предоставлена Русским обществом друзей Еврейского университета в Иерусалиме (Еврейские политические партии в Российской империи и Советском Союзе: Каталог выставки. М., 2003).

* * *

«Рабочий сионизм» оформился в работах представителей двух течений русского социализма – народничества (Х. Житловский, Н. Сыркин) и марксизма (Бунд, Б. Борохов).

Житловский и Сыркин «резко различались по темпераменту – и почти неизменно по политическим взглядам», однако «параллели между ними выглядят поразительными. Так, например, в том, что касается общефилософских взглядов, они придавали национальному фактору не меньший вес, чем общественно-экономическому; оба предпочитали Михайловского Плеханову; оба увлекались периодом второго Храма в истории еврейства, в частности мессианскими и коммунистическими сектами; оба почитали Мозеса Гесса как своего основного предшественника. Став в 1890-х годах авторами крайне спорных брошюр по еврейскому вопросу, оба участвовали в набиравших силу после 1903 г. революционном и территориалистском движениях; в 1904 г. оба были связаны с “Возрождением” (“возрожденцы” Марк Ратнер и др. призывали к созданию партии, которая “участвовала бы в борьбе за свободу России” и одновременно “отстаивала бы максималистские решения еврейского вопроса”. – М. О.); оба стали в 1906 г. лидерами соперничавших, но схожих еврейских партий и их кандидатами на выборах в Думу; оба перебрались в 1908 г. в Соединенные Штаты, оба редактировали там конкурирующие журналы на идише; во время первой мировой войны оба были вождями движения за Американский еврейский конгресс и партии “Поалей Цион”; и оба стали после войны сионистами и восторженными (хоть и беспартийными) приверженцами большевистского режима».

Воззрения бундовских руководителей и более радикального марксиста Борохова претерпели изменения и на разных этапах выражались в разных программах. Причем Френкель неизменно подчеркивает отсутствие предопределенности и однозначности в теориях и политических заявлениях. В частности, характеризуя Борохова – учителя, авторитетнейшего предшественника Бен-Гуриона и других «отцов-основателей», израильский исследователь утверждает: «Задача историка состоит не в том, чтобы объяснить эволюцию мысли Борохова вплоть до зрелой ее кульминации 1906 г., но скорее в том, чтобы рассмотреть противоречие, составлявшее в революционный период самую суть его биографии; описать две самостоятельные доктрины, которые – по самым важным вопросам – опровергают друг друга; и попытаться найти объяснение внезапной перемены позиции Борохова и полной смены доктрины».

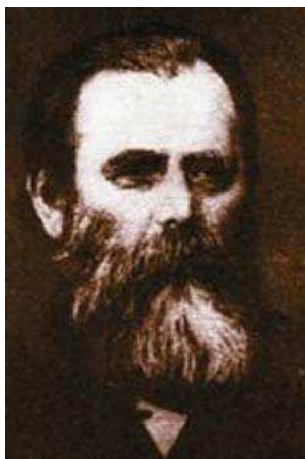
А потому не стоит удивляться финальному выводу (смыслу и, так сказать, тональности), к которому Френкель ведет читателя. Это не пафосное перечисление достижений, но отчетливая постановка проблемы, снова жесткое указание трудностей, которые преодолевала (и которые, похоже, еще будет преодолевать) идеология «рабочего сионизма»: «С учетом центрального положения еврейского социализма в двухполюсном континууме вряд ли стоит удивляться тому, что его все в большей мере тянуло в две разные стороны. В конце концов, составлявшие его политические движения старались, каждое по-своему, сочетать крайности модернизации с участием в жизни народа, который все еще был весьма традиционным; сочетать интернационализм с использованием национальных языков и литератур, в ту пору мертвых или находившихся при смерти; универсалистские устремления с партикуляристским контекстом, до крайности ограниченным в его политических возможностях. <...> И в конечном счете, в этом поиске тотальных решений проблем, которые могли быть решены лишь частично, отразилось – и с замечательной точностью – то сложнейшее положение еврейского народа, в котором он вступал в двадцатый век».

^Ш Й. Френкель. Пророчество и политика: Социализм, национализм и русское еврейство. 1862–1917. Jerusalem: Gesharim; М.: Мосты культуры, 2008.

СОЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВА ИЗРАИЛЬ КАК НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ РОССИЙСКОГО ЕВРЕЙСТВА

Àëäé Ýìòàáéí

В 2005 году иерусалимский научно-исследовательский центр «Евреи в русском зарубежье», возглавляемый М.А. Пархомовским, начал издание многотомной антологии «Идемте же отстроим стены Йерушалаима (Евреи из России в Эрец-Исраэль и Государстве Израиль)». В 2005 году вышел первый том, в 2006 году – второй; третий и четвертый тома готовятся к печати в настоящее время. Обзорная статья Алека Эпштейна, журнальный вариант которой мы предлагаем вниманию читателей, будет открывать третий том антологии.

Лео Пинскер.

Хотя основоположником политического сионизма принято считать Теодора Герцля – уроженца Будапешта, прожившего большую часть своей жизни в Париже и в Вене и лишь однажды (в 1903 году) посетившего Россию, не будет преувеличением сказать, что без русского еврейства сионистская идея не имела ни малейших шансов быть реализованной.

Во-первых, на территории Российской империи родились почти все основоположники главных направлений сионистской мысли: родоначальник так называемого духовного сионизма Ахад а-Ам (Ашер Гинцберг) родился в Украине, в местечке Сквир, в 1856 году; лидер «практических сионистов» Менахем Усышкин родился в 1863 году в местечке Дубровна Могилевской губернии; фактический создатель доктрины религиозного сионизма Авраам-Ицхак Кук родился в 1865 году в Даугавпилсе; Владимир (Зеэв) Жаботинский, ставший центральной фигурой в «ревизионистском» движении, родился в Одессе в 1880 году; ведущий идеолог рабочего движения Берл Кацнельсон родился в 1887 году в Бобруйске. Собственно, практически все ведущие идеологи построившего Израиль социал-демократического сионизма – уроженцы Российской империи: Аарон-Давид Гордон появился на свет в 1856 году в городе Троянов Житомирской области, Нахман Сыркин – в 1868 году в Могилеве, Бер Борохов – в 1881 году в Золотоноше, в Украине... Основоположником политического сионизма принято считать Теодора Герцля, но это, скорее, историческое недоразумение: за полтора

десятилетия до «Еврейского государства» практически те же идеи высказал в «Автоэмансипации» уроженец Томашполя (Волынская губерния) врач Лео Пинскер. Когда Т. Герцль прочел книгу Л. Пинскера, то записал в дневнике: «Поразительное совпадение в критической части, значительное сходство в части конструктивной. Жаль, что я не прочел это произведение до того, как моя книга была подписана к печати. В то же время даже хорошо, что я не был знаком с ним, – вполне возможно, что тогда я бы и вовсе отказался от своего труда». В высшей степени показательны, например, что первая глава фундаментальной монографии Ицхака Маора «Сионистское движение в России» посвящена именно периоду, предшествовавшему деятельности Т. Герцля.

Хотя сам Т. Герцль был ассимилированным европейцем, достаточно комфортно чувствовавшим себя как в Австро-Венгрии, так и в Германии, Швейцарии и Франции, у него были значительные проблемы во взаимоотношениях с евреями Западной Европы. Не случайно израильский исследователь Йосеф Гольдштейн называет обращение к российскому еврейству «переломным моментом» в деятельности Т. Герцля. «Отчаявшись заручиться поддержкой таких западноевропейских еврейских финансовых магнатов, как бароны Гирш и Ротшильд, Т. Герцль решил обратиться к широким еврейским массам Восточной Европы», – отмечает Й. Гольдштейн. К первым политическим шагам Т. Герцля сторонники кружков «Хибат Цион» («Любящие Сион») в России отнеслись положительно, что нашло свое отражение в аналитических статьях Нахума Соколова, редактора газеты «А-Цфира», выходившей в Варшаве и выражавшей обычно мнение национально настроенных евреев Российской империи. Три с половиной десятилетия спустя, в 1931 году, сам Н. Соколов станет главой Всемирной сионистской организации (после его смерти в 1935 году этот пост вновь займет Хаим Вейцман), а пока, начиная с 1896 года, российское еврейство проявляло постоянно растущий интерес к личности Т. Герцля. Книга Т. Герцля «Еврейское государство» была переведена на несколько языков (в том числе на русский, идиш, украинский, польский) и расходилась среди евреев как в черте оседлости, так и за ее пределами.

Одно из первых еврейских поселений в Эрец-Исраэль, созданное активистами из России. Конец 1870-х годов.

Во-вторых, создание первоначальной организационной инфраструктуры сионистского движения – тоже дело рук российских евреев. В те дни, когда Теодор Герцль только грезил о создании Сионистской организации, у российских сионистов – они называли себя палестинофилами – подобная организация уже была – Общество

вспомоществования евреям-земледельцам и ремесленникам в Сирии и Палестине (называлось также Одесским палестинским обществом, вкратце – Одесский комитет), основанное в 1890 году. Одесский комитет собирал средства в помощь евреям-поселенцам в Палестине/Эрец-Исраэль и распространял собранное при посредстве своего представительства в Яффо, возглавлявшегося уроженцем Елисаветграда Владимиром Темкиным. Аналогичные структуры были созданы и Т. Герцлем (Еврейский национальный фонд, Еврейский колониальный банк), но это случилось значительно позже, в 1901–1902 годах. Одесский комитет организовал в Одессе, Стамбуле, Бейруте, Яффо, Иерусалиме и Хайфе сеть информационных бюро для оказания помощи переселенцам. Представителем Одесского комитета в Палестине/Эрец-Исраэль был избран Йехиэль-Михл Пинес, уроженец Ружан Гродненской губернии, совершивший алию еще в конце 1870-х годов. Одесский комитет основывал сельскохозяйственные поселения – мошавот и мелкие единичные хозяйства для сельскохозяйственных рабочих, поддерживал ряд культурно-просветительных учреждений в Палестине/Эрец-Исраэль (школы, в том числе первые школы с преподаванием на иврите, детские сады), издавал книги и журналы и т. п. Среди прочего, именно Одесский комитет внес первый взнос в фонд, предназначенный на приобретение участка для создания Еврейского университета в Иерусалиме.

Хотя Первый Сионистский конгресс прошел, как известно, в Швейцарии, среди 197 его зарегистрированных делегатов было 66 представителей России. В 1898 году в России насчитывалось 373 сионистских кружка – больше, чем в какой-либо иной стране в то время; спустя всего лишь пять лет их число выросло до 1572-х! Начиная с Третьего Сионистского конгресса (он прошел в Базеле в августе 1899 года) делегаты из России составляют более трети членов руководства Сионистской организации (так называемого «Большого исполкома»).

Собственно, Первый Сионистский конгресс можно назвать первым лишь с определенными оговорками. За тринадцать лет до конгресса, прошедшего в Базеле в августе 1897 года, Первый Сионистский съезд прошел в ноябре 1884 года в Катовице. В нем приняли участие 34 делегата от различных палестинофильских групп, большинство из которых приехали из России, однако присутствовали делегаты и из Румынии, Франции и Англии. Приглашение на съезд было составлено на иврите (!), а к нему прилагались переводы на различные языки. На съезде планировалось отметить столетний юбилей Моше Монтефиоре, пришедшийся на тот же год, и отдать дань уважения его деятельности в Палестине/Эрец-Исраэль.

В речи на открытии Катовицкого съезда Лев Пинскер говорил о необходимости вернуться в Палестину/Эрец-Исраэль, которую назвал «нашей старой матушкой». Л. Пинскер говорил также, что именно труд на земле поможет возродить еврейский народ на его исторической родине. На съезде было решено направить одну делегацию в Палестину/Эрец-Исраэль – для проверки состояния поселений, выяснения их практических нужд и определения практических шагов, которые нужно предпринять, чтобы способствовать успеху заселения страны, а другую – в Стамбул, чтобы добиться от султана разрешения на дальнейшее заселение Палестины; это было за десятилетие с лишним до подобных (впрочем, столь же безуспешных) поездок Т. Герцля к Абдул Хамиду II! В июне 1887 года состоялся новый съезд российских сионистов, в городе Друскеники Ковенской губернии, два года спустя еще один съезд прошел в Вильно – и все это до конгресса в Базеле! В 1890 году – за годы до того, как дипломатическая деятельность Т. Герцля получит признание правящих кругов, и за тринадцать лет до его визита в Россию – российские власти дали разрешение на создание Общества

вспомоществования евреям-земледельцам и ремесленникам в Сирии и Палестине (ключевую роль в получении данного разрешения сыграл Александр Цедербаум).

В-третьих, именно российские евреи добились того, что сионистский проект стал реализовываться в Палестине/Эрец-Исраэль, а не в Уганде или где бы то ни было еще. Именно семь членов Большого исполнительного комитета из России во главе с уроженцем Кременчуга Йехиэлем (Ефимом) Членовым (позднее – вице-президентом Всемирной сионистской организации) покинули в августе 1903 года зал заседаний Шестого Сионистского конгресса, в ходе которого Т. Герцль представил предложение проверить возможность создания еврейского государства в Восточной Африке. Стихийно сформировалась группа из 128 делегатов Конгресса, выступивших против идеи Т. Герцля заменить Палестину Угандой. Дабы рассеять опасения, возникшие у значительной части делегатов, Т. Герцль счел необходимым успокоить их и произнес традиционную клятву: «Если забуду тебя, Иерусалим, пусть отсохнет моя десница!» И поднял правую руку в подтверждение этих слов. Однако большинство российских делегатов Конгресса ему так и не поверили, и в октябре 1903 года они собрались в Харькове, где объединились в группировку «Ционей Цион» («Сионисты Сиона»), лидером которой стал упоминавшийся выше Усышкин. Усилия российских делегатов принесли свои плоды: Седьмой Сионистский конгресс, прошедший в 1905 году, отклонил «план Уганды», подтвердив приверженность сионистского движения идее (вос)создания еврейской государственности только и исключительно в Палестине/Эрец-Исраэль.

М. Усышкин.

В-четвертых, реализация основной цели сионизма – (вос)создание еврейской государственности – была бы невозможной в принципе без массового участия евреев в переселенческом проекте, являвшемся неременным условием для формирования общества, которое могло бы претендовать на право на самоопределение. В критические для становления еврейской общины Палестины/Эрец-Исраэль годы – с конца XIX века до середины 1920-х годов, когда, собственно, и произошло международное признание сионизма, – подавляющее большинство прибывавших в страну переселенцев были именно российскими евреями. Без этой иммиграционной волны из России сионизм остался бы еще одной утопической идеологией.

Итак, сыграв центральную роль в формировании сионистской идеологии и организации структур сионистского движения в стране, которая была выбрана этим

движением как площадка для реализации национальных чаяний, российские евреи оказались в авангарде переселенческого проекта, который, собственно, и позволил сформировать так называемый «новый ишув». За годы первой алии (1882–1903) в Палестину/Эрец-Исраэль прибыло около 25 тыс. человек, что позволило увеличить еврейское население страны до 47 тыс. Кроме относительно небольшой группы йеменитов, все остальные были «русские». Почти исключительно «русской» была и сорокатысячная вторая алия (1904–1914), вызванная усилением национального самосознания евреев России после Кишиневского погрома, других антисемитских эксцессов и поражения революции 1905 года. Еще свыше 35 тыс. человек прибыли в Палестину/Эрец-Исраэль в период третьей алии (1919–1923), опять-таки – почти исключительно из России. Многие из иммигрантов, прибывших в страну в те годы, впоследствии покинули ее, но факт остается фактом: именно русские евреи, пусть и не в большинстве, но все же в довольно массовом порядке переселявшиеся в Палестину/Эрец-Исраэль, создали реальность, при которой Лига Наций постановила: «...историческая связь еврейского народа с Палестиной осознана и признана, так же как и право евреев возродить свой национальный очаг на этой земле». И именно переселение в Палестину/Эрец-Исраэль «русских» евреев (другие к тому моменту просто не ехали) заставило Лигу Наций принять решение о том, что «Администрация Палестины будет обеспечивать наиболее благоприятные условия для иммиграции евреев».

В-пятых, на территории Российской империи родились почти все лидеры «второго поколения» социал-демократического сионизма, прибывшие в Палестину/Эрец-Исраэль в годы второй алии, а в 1920–1960-х годах сыгравшие ведущую роль в создании инфраструктуры независимого Государства Израиль: первый глава Еврейского агентства, премьер-министр и министр обороны Давид Бен-Гурион (Грин, род. в Плоньске в 1886 году), многолетний глава Всемирной сионистской организации, первый президент Израиля Хаим Вейцман (род. в 1874 году в местечке Мотоль Гродненской губернии), все остальные премьер-министры и президенты страны до середины 1970-х годов: Моше Шарет, Леви Эшколь и Голда Меир; Ицхак Бен-Цви, Залман Шазар, Эфраим Кацир и др. М. Шарет (Черток) родился в Херсоне, Л. Эшколь (Школьник) – в Оратове, Г. Меир (Меерсон) – в Киеве, как и Э. Кацир (Качальский); И. Бен-Цви (Шимшелевич) родился в Полтаве, а З. Шазар (Рубашов) – в городке Мир Минской губернии. Определение «ашкеназы» не должно вводить в заблуждение: ни выходцев из Германии или Австро-Венгрии, ни уроженцев США или иных англо-саксонских демократий среди первых поколений израильских лидеров практически не было – почти все, как на подбор, были уроженцами именно Российской империи.

В-шестых, без деятельного участия российских евреев проект возрождения иврита был бы не более успешным, чем проект всеобщего перехода на эсперанто, за который примерно в то же время ратовал Людвиг (Лазарь) Заменгоф. Возрождение иврита в качестве разговорного языка заслуживает особого внимания, ибо это – едва ли не самое удивительное достижение сионистского движения, не имеющее прецедентов в истории мировой социалингвистики. И здесь ключевую роль сыграли именно российские евреи. В принципе, выделить кого-то одного трудно – главным залогом победы был добровольный выбор иврита как языка повседневного общения в прибывших в Эрец-Исраэль в первой четверти XX века семьях репатриантов второй и третьей волны, в кибуцах и сельскохозяйственных поселениях. Иными словами, иммигранты, родным языком которых был либо русский, либо идиш, осознанно переходили на иврит, тем самым и осуществив подлинную «культурную революцию». Однако одно имя не упомянуть невозможно – конечно же, Элизера Перельмана, родившегося в 1858 году в городе Лужки Виленской губернии и сменившего в 1881 году фамилию на Бен-Йеуда.

Еврейская женская школа. Первое учреждение нового типа, где преподавание велось на иврите. Яффа, 1903 год.

Т. Герцль, надо сказать, отнюдь не был ярким поборником не только ивритского монолингвизма, но и возрождения иврита как такового. Сам он в любом случае писал свои книги – и «Еврейское государство», и роман «Altneuland» («Возрожденная древняя страна») – по-немецки, и нигде в этих сочинениях он не выразил мнения, что именно иврит должен стать государственным языком в той стране, о создании которой он грезил. Э. Перельман (Бен-Йеуда) пошел гораздо, гораздо дальше – еще в статье, опубликованной в журнале «А-Шахар» (хотя журнал этот выходил в Вене, его бессменным редактором был уроженец Могилевской губернии Перец Смоленский) в 1879 году, он утверждал, что залогом обновления еврейской нации и ее жизни в будущем может быть только возвращение в Сион и возрождение иврита в качестве разговорного языка. Более того, Э. Перельман высказывал мнение, что эти явления взаимообусловлены, то есть возрождение иврита может произойти только в Эрец-Исраэль, а возрождение еврейского народа в Эрец-Исраэль возможно только в процессе возрождения иврита. Переселившись в Иерусалим, Э. Бен-Йеуда продолжил дело всей своей жизни – составление словаря языка иврит (публикация «Полного словаря древнего и современного иврита» была начата им в 1910 году; издание этой грандиозной работы было завершено спустя много лет после смерти ее инициатора, в 1959 году, когда вышел последний, восемнадцатый том). Семья Э. Бен-Йеуды была первым еврейским домом в Палестине, где говорили на иврите, а его старший сын Бен-Цион (позднее сменил имя на Итамар Бен-Ави) – первым носителем этого языка как родного, спустя более тысячи лет после утраты ивритом разговорной функции. В 1882– 1885 годах Э. Бен-Йеуда учительствовал в иерусалимской школе «Альянса», добившись, чтобы иврит был признан в ней единственным языком преподавания еврейских предметов. Таким образом, благодаря Бен-Йеуде эта школа была первой, в которой иврит стал языком преподавания. В конце 1884 года Э. Бен-Йеуда основал еженедельник «А-Цви», преобразованный в 1908 году в ежедневную газету, которая с 1910 года называлась «А-Ор» и просуществовала до 1915 года. Газета «А-Цви» была первым периодическим изданием на иврите, соответствовавшим тогдашним европейским стандартам. Большое внимание Э. Бен-Йеуда уделял обогащению языка, создав огромное количество неологизмов, значительная часть которых существует в иврите и до сих пор. После утверждения британского мандата над Палестиной именно два выходца из Российской империи – Э. Бен-Йеуда и М. Усышкин – убедили главу британской мандатной администрации Герберта Сэмюэла провозгласить иврит одним из трех официальных языков страны, наряду с английским и арабским. В 1890 году Э. Бен-Йеуда стоял у истоков «Ваад а-лашон а-иврит» («Комитета языка иврит»), председателем

которого он оставался до самой смерти. Правопреемником Комитета стала Академия языка иврит, первым президентом которой был уроженец Львова Нафтали-Герц Тур-Синай (Торчинер), оставшийся на этом посту до своей смерти в 1973 году.

Все сказанное выше не должно создать у читателя превратного впечатления, будто большинство российских евреев еще в конце XIX – начале XX века сделали выбор в пользу сионизма, – напротив, сионизм оставался уделом очень небольших групп энтузиастов. Большинство же оставалось в России, где одни поддерживали «Бунд», другие – конституционных демократов (кадетов), третьи – социалистов-революционеров (эсеров), четвертые же – большевиков, а если эмигрировали, то преимущественно в США, а не в Палестину/Эрец-Исраэль. Согласно имеющимся данным, в 1881–1914 годах Россию официально покинули 1 млн 980 тыс. евреев, из коих 1 млн 557 тыс. (78,6%) прибыли в США – в Палестину/Эрец-Исраэль отправилось в тридцать раз меньшее число переселенцев, но именно они сформировали тот костяк, без которого Государство Израиль не возникло бы в принципе. Евреи стран Западной Европы и США, в подавляющем большинстве своем, в то время относились к сионистскому движению очень и очень настороженно, и если и были готовы поддержать его, то почти исключительно финансово или дипломатически, но никак не связывая с ним свои личные судьбы. На протяжении нескольких десятилетий – от начала 1880-х до середины 1920-х – некоторая часть российских евреев была единственной группой населения, которая была готова перейти от сионистских слов к сионистскому делу, и именно эта группа заложила политические, социальные и культурные основы будущей израильской государственности.

РОМАН АРБИТМАН:

«Я СТАЛ ДЕЛАТЬ ДЕНЬГИ НА ПЕРВОМ ЛИЦЕ ГОСУДАРСТВА»

Аהאם אהאם אהאם אהאם אהאם

К началу 2008 года в издательствах Москвы, Волгограда и Саратова, слегка опережая друг друга, словно играя в салки, вышли книги «Наше все – все наше», «Поединок крысы с мечтой», «Взгляд на современную русскую литературу» и «Есть, господин президент!», принадлежащие перу одного автора – писателя из Вашингтона Льва Гурского, литературоведа из Москвы Рустама Каца, в общем, критика из Саратова Романа Арбитмана. Известного мастера литературной провокации, реанимации, реинкарнации и мистификации мы попросили рассказать читателям «Лехаима», чем же вызвано такое растроение личности.

– Я всегда завидовал актерам, которые могут проживать вместо одной много жизней: сегодня он король, завтра клошар, послезавтра какой-нибудь нобелевский гений. А чем писатели хуже? Все в их власти, кроме гонораров... Короче говоря, я завел себе сразу несколько ипостасей – на выбор. Если Арбитман серьезен и суров, то Гурский – пересмешник и анфан террибль, а доктор филологических наук Рустам Святославович Кац – вообще неведома зверушка, которой (которому) доверять нельзя ни при каких обстоятельствах, хотя и совсем отмахиваться от писаний Каца глупо – в парадоксах легче спрятать истину. К концу минувшего года я понял: раз Арбитман выпустил книгу статей, то и Гурскому с Кацем надо побыстрее тиснуть что-нибудь опричь беллетристики и заявить о своих взглядах на литературный процесс. Где Арбитману сказать нечего, та сладкая парочка тут как тут.

– Так что там с литературным процессом в детективно-фантастической сфере?

– Процесс идет вовсю, и замечательные писатели Гейман, Ниффенеггер и Мьевилль радуют читателя своими очередными сочинениями. Правда, эти авторы живут за пределами России и доходят до нас в переводах с английского – далеко не всегда

качественных и оперативных. Но они en masse все равно лучше наших нынешних. Мне, например, нравятся далеко не все сочинения британца Стивена Фрая, но по сравнению с тем, что творит наш синтетический Макс Фрай... Беда в том, что раньше российский читатель фантастики изначально обладал неким IQ, теперь же главный ее потребитель (особенно в виде фэнтези) – тинейджер, слабо помнящий таблицу умножения. Вот издатели и подстраиваются под этого недоросля, для которого вершина человеческого глубокомыслия – тексты Сергея Лукьяненко.

– В вашем сборнике рецензий и мини-эссе «Поединок крысы с мечтой» критик, выступающий проводником в мире pulp fiction, олицетворяет крысу или мечту?

– Ни то ни другое. Хотя, если верить нашим нынешним писателям-фантастам, критик, конечно же, близок к крысе, а за мечту отвечают они. И очень гордятся таким положением вещей, воображая, будто каждая их книга – некая трибуна или даже амвон, с которых можно дать бой Вселенскому Злу... Особенно сильно любят наставлять на путь истинный авторы, которые либо разучились, либо никогда не умели толком написать «Мама мыла раму». Есть легенда, будто Николай Гумилев говорил Анне Ахматовой: «Если я начну “пасти народы”, отрави меня...» К сожалению, жены современных писателей не держат под подушками склянки с крысиным ядом для своих благоверных.

– Что подвигло вас (используя дедуктивный метод своих персонажей – частного детектива Якова Штерна и капитана ФСБ Максима Лаптева) в провокативном расследовании «Наше все – все наше» биться над разгадкой феномена еврейской компоненты русской и мировой литературы?

– Книга «Наше все – все наше» стала результатом моего сотрудничества с сайтом еврейской книги <http://www.booknik.ru/>. Меня попросили сделать дюжину текстов, так или иначе связанных с современной литературой (либо с классической – в нынешнем ракурсе), но чтобы это были не рецензии, а такие игровые выступления. Вот я и подумал, что Лаптев со Штерном, которые в моих книгах никогда не встречались, здесь могли бы сойтись на одной площадке и поболтать на еврейско-литературную тему. Поскольку тут без их детективного дара не обойтись – очень уж все запутано. Тем более что тема «еврейского засилья» (в литературе или где-то еще) обожаема и юдофобами, и самими евреями. Первые стенают о том, что за русскими фамилиями на обложках скрываются «жиды пархатые», а вторые гордятся, мол, «поскреби русского гения – тотчас всплывет еврейская бабушка». Лично мне такие доморощенные разыскания кажутся несколько смешными, но раз уж дело касается расследований, пропустите к микрофонам профессионалов сыска. Мои детективные герои живо объяснят, кто есть ху, почему и как давно.

– Роман Эмильевич (или лучше Лев Аркадьевич), почему выбор Гурского пал на детектив? Взяли бы пример с литературного проекта «Повести Белкина».

– Что ж, «Гробовщик» – это фэнтези, «Барышня-крестьянка» – мелодрама, «Выстрел» – триллер... В разных жанрах мужик работал. Белкин, в смысле. Мне же всегда нравились сюжетные произведения – то есть фантастика, детектив либо женский роман. Что до фантастики, я не люблю придумывать какие-то особые миры, предпочитаю вносить изменения в реальный. Любовный роман отмечаем – здесь я не специалист. Часто повторяю: женщины настолько загадочны и фантастичны, что описать их адекватно практически невозможно.

– Да? А с чего тогда писатель, славный своим женоненавистничеством, отважился сделать героиней ехидного детектива «Есть, господин президент!» специалистку ресторанного бизнеса Яну Штейн?

– У меня однажды возникла идея побороться с российскими гранд-дамами детектива на их территории – написать нечто вроде «женского детектива» с какой-нибудь обаяшкой в главной роли. И поскольку я уже привык к своему частному сыщику Якову Штерну, проще всего было изобразить этакое «Штерна-в-юбке». Правда, я довольно быстро понял, что в одиночку этой героине большой роман не вытянуть – у меня сил не хватит все время писать от лица женщины. Так что года через три после возникновения «дамского» сюжета я сообразил, что параллельно должны идти и «мужские» главы. Тогда дело, наконец, сдвинулось с мертвой точки.

– Яна – образ собирательный?

– Лабораторный. Я представил, каким был бы Яша, если б его угораздило родиться женщиной, да еще симпатичной... А вот сам Штерн – образ, конечно, собирательный: на 90 процентов он состоит из автора, а на оставшиеся 10 – из всех известных мировых частных сыщиков, от Огюста Дюпена до мисс Марпл. Плюс Жванецкий, конечно.

– Сводите ли вы с кем-то счета в своих романах?

– Я ни с кем никогда не свожу счета. Вернее, делаю это весьма хитроумным способом: не унижаю своих врагов, выставляя их в негативном свете (как, допустим, Пелевин нелюбимых им критиков обзывает по-всякому и роняет в сортир), а, напротив, поднимаю их на котурны и окружаю сиянием. Ну а если контраст между художественным образом и прототипом невыигрышен для последнего, я не виноват. Я всегда даю человеку шанс стать лучше если не в жизни, то хотя бы в книге. Например, Эдуард Лимонов мне не нравится, а вот Фердинанд Изюмов – веселый, безбашенный и очень занятный персонаж.

– В какой ситуации Гурский мог бы уничтожить Якова Штерна?

– Даже захоти я похоронить проект Гурского, то не закрыл бы его трупом своего любимого персонажа. Вот убили Остапа Бендера, Шерлока Холмса... А потом под окнами писателей ходили поклонники: не воскресите – самих уроем! Поэтому, как говорится у Стругацких, лучше не совершать необратимых поступков.

– Скажите, а писателю-еврею стыдно писать плохо?

– Любому писателю стыдно. Другое дело, когда я вижу скверно написанное произведение своего соплеменника, думаю: что ж ты, родной? Имея за плечами Кафку, Шолом-Алейхема...

– Льва Гурского...

– Если можешь не писать – не пиши! Гурский, допустим, может. Поэтому и пишет так мало. За двенадцать лет – девять романов.

– Появилось ли какое-то принципиальное отличие от того, что вы делали ранее?

– Книжка «Есть, господин президент!» отличается от всех предыдущих хотя бы тем, что это, помимо детектива, еще и самая натуральная фантастика – с чудесами и превращениями. И герои книги пытаются эти чудеса поставить себе на службу. Но чаще всего оказываются в классической роли «ученика чародея»: включил чудо, а выключить не умеет. И – понеслось...

– Памятуя об удавшемся опыте «превращения» вашего политического триллера «Перемена мест» в популярный телесериал «ДДД. Досье детектива Дубровского», вы полагаете, ваша последняя книга тоже достойна экранизации?

– У Шекспира (по-моему, в «Макбете») было так: «Я духов вызывать могу из бездны», – говорил персонаж. А другой подхватывал: «И я могу, и каждый это может. Вопрос лишь в том, появятся ли они?» Конечно, я за то, чтобы Гурского экранизировали, но понимаю, что в ближайшее время этого, скорее всего, не произойдет. В моих книжках слишком много Кремля. Это привлекательно для Голливуда, но совершенно не интересно российским продюсерам. Вы представляете себе фильм «Убить президента» на нашем телевидении? Даже на уровне заявки... Во времена Ельцина – может быть, тогда это не было еще такой сакральностью, а сегодня все выстраиваются во фронт. Я пишу о президентах, потому что в России это совсем необычный феномен, отличающийся от президентских институтов Штатов и европейских государств.

– Президент – это диагноз?

– Это болезнь. И, кстати говоря, книги со словом «президент» на обложке намного лучше продаются. Как ни печально, но пришлось подключиться к той части бизнеса, которая, так или иначе, делает деньги на первом лице государства.

Библиография

Альтмарк Л. Сиониада, или Самая новейшая история евреев. Кн. 1. Тель-Авив – М.: Э.РА, 2007. – 496 с. (Русский роман. XXI век).

Аркадин Д. Москва бомзам не верит: Рассказы. Тель-Авив – М.: Э.РА, 2007. – 264 с.

Бель И. Серая птица: Проза. Стихи. Поэмы. Тель-Авив – М.: Э.РА, 2007. – 392 с.

Богославский М. Воробьиная ночь: Стихи. Иерусалим: Скопус, 2007. – 78 с.: портр. (Б-ка «Иерусалимского журнала»).

Букштам Г. Встречи с прошлым, или 70 лет с карандашом, кистью и резцом. Иерусалим: Филобиблон, 2007. – 140 с.: илл.

Гатье Э. «Ангел мимо пролетел, лишь крылом коснулся...»: Роман. Тель-Авив – М.: Э.РА, 2007. – 414 с. (Роман XXI века).

Гельцер Ш. Коллекция: [Воспоминания и статьи]. Хайфа, 2006. – 236 с.: илл.

Глез Э. Чудак и его жизнь: Автобиографическая проза. Иерусалим: Скопус, 2007. – 332 с.: илл.

До первого боя: Солдатские письма. Декабрь 1941 – март 1943 / Сост. Э. и А. Коэн-Цедек. Реховот, Кесария: А – Z, 2006. – 110 с.: илл.

Дудаков С. Ленинъ как мессия. Иерусалим – М.: Э.РА, 2007. – 160 с.

Ечмаева Н. Лунная дорожка: Лирика. Нацрат-Илит, 2006. – 160 с.

Злотникова А. «...И с просьбой о любви»: Эссе, новеллы, очерки. Иерусалим: Филобиблон, 2007. – 208 с.: илл.

Зов крови. Об Илье Эренбурге: Статьи, эссе, воспоминания / Сост. Ф. Палеева-Фишман, Л. Финкель. Тель-Авив: Илекниф, 2007. – 350 с.: илл.

Калинер Ю. Колесо судьбы: Повесть, рассказы, роман. Тель-Авив – М., 2007. – 176 с.

Камбург Р. Восхождение: Роман. Тель-Авив – М.: Э.РА, 2007. – 192 с.

Каминский Ю. В тени мерцающей свечи: Стихотворения 1999–2007 годов. Иерусалим: Иерусалимская антология, 2007. – 192 с.: портр. (Б-ка «Иерусалимского журнала»).

Кац И. «А помнишь, как?..» / Ред.-сост. Б. Зобин. [Иерусалим], 2007. – 190 с.: илл.

Кобринский А. Иберийские тождества: Онтология языка и культуры. Иерусалим – М.: Э.РА, 2007. – 464 с.: илл.

Корабликов-Коварский С. Отголоски мелодий: Стихи разных лет. – Иерусалим: Филобиблон, 2007. – 80 с.: илл.

Коренфельд Б. Судьбу не выбирают: Лирика. Тель-Авив, 2007. – 142 с.

Кук Авраам-Ицхак: Личность и учение / Ред.-сост. П. Полонский. Иерусалим: Маханаим, 2006. – 576 с.: илл.

Литературный Иерусалим улыбается: Приложение к альманаху «Литературный Иерусалим». Вып. 2. Иерусалим: Evgarm, 2007. – 140 с.: илл.

Мандельштам Осип. Времена года в жизни и поэзии: Избранные стихи / Иллюстрации И. Мастбаум. Иерусалим: Филобиблон, 2007. – 120 с.: илл. (В прил.: пер. на англ., фр., нем., иврит).

Маркович Д. Vis Vitalis. Жизненная сила: Роман. Тель-Авив – М.: Э.РА, 2006–2007. – 392 с.

Межберг Р. Спасибо, жизнь! Стихи разных лет. Тель-Авив – Кирьят-Гат – Киев, 2007. – 162 с.

Минин Е. Ветви: Стихи последних лет. Иерусалим – М.: Э.РА; Evgarm, 2007. – 106 с. (Поэтическая серия «ЛЕТА-А»).

Овсицер Л. Возвращение: Воспоминания. Изд. 2-е, испр. и доп. Иерусалим, 2007. – 400 с.: илл.

Оцуп Р. Оцупы – моя семья: Генеалогическое исследование. Тель-Авив, 2007. – 152 с.: илл. + 1 вкл.

Павел Зальцман: Жизнь и творчество [Статьи и альбом репрод. с работ художника]. Иерусалим: Филобиблон, 2007. – 204 с.: илл.

Псалмы Давида / Обновленный перевод Леи Гервиц. Тель-Авив, 2007. – 254 с.: илл.

Ракитская Э. Черно-белый романс: Стихи разных лет. Иерусалим – М.: Э.РА, 2007. – 166 с. (Поэтическая серия «ЛЕТА-А»).

Слуцкий В. Третья определенность. Кдумим, 2006. – 128 с.

Тивериада: Альманах лит. объединения «Галей Кинерет» («Волны Кинерета»). Вып. 2 / Сост. и гл. ред. Л. Знаковская. Тверия, 2007. – 284 с.: илл.

Требла [Альберт Лейкин]. Юмористические рассказы. Иерусалим, 2007. – 288 с.: илл.

Трибельский Д. Легенды Белого моря. Иерусалим, 2007. – 316 с.: илл.

Файн Б. Вера и разум: Наука и иудаизм. Иерусалим: Маханаим, 2007. – 368 с.

Ханан В. Осенние мотивы столицы и провинций: Стихи. Иерусалим: Скопус, 2007. – 80 с.: илл.

Шойхет А. Витражи (или Короткая длинная жизнь): Роман. Тель-Авив – М.: Э.РА, 2006. – 206 с.

Юдасин А. Куда летишь, Человек? Иерусалим – Нью-Йорк: Дварим, 2007. – 256 с.: илл. Подготовил Леонид Юниверг

Библиография

Альтмарк Л. Сиониада, или Самая новейшая история евреев. Кн. 1. Тель-Авив – М.: Э.РА, 2007. – 496 с. (Русский роман. XXI век).

Аркадин Д. Москва бомзам не верит: Рассказы. Тель-Авив – М.: Э.РА, 2007. – 264 с.

Бель И. Серая птица: Проза. Стихи. Поэмы. Тель-Авив – М.: Э.РА, 2007. – 392 с.

Богославский М. Воробьиная ночь: Стихи. Иерусалим: Скопус, 2007. – 78 с.: портр. (Б-ка «Иерусалимского журнала»).

Букштам Г. Встречи с прошлым, или 70 лет с карандашом, кистью и резцом. Иерусалим: Филобиблон, 2007. – 140 с.: илл.

Гатье Э. «Ангел мимо пролетел, лишь крылом коснулся...»: Роман. Тель-Авив – М.: Э.РА, 2007. – 414 с. (Роман XXI века).

Гельцер Ш. Коллекция: [Воспоминания и статьи]. Хайфа, 2006. – 236 с.: илл.

Глез Э. Чудак и его жизнь: Автобиографическая проза. Иерусалим: Скопус, 2007. – 332 с.: илл.

До первого боя: Солдатские письма. Декабрь 1941 – март 1943 / Сост. Э. и А. Коэн-Цедек. Реховот, Кесария: А – Z, 2006. – 110 с.: илл.

Дудаков С. Ленинъ как мессия. Иерусалим – М.: Э.РА, 2007. – 160 с.

Ечмаева Н. Лунная дорожка: Лирика. Нацрат-Илит, 2006. – 160 с.

Злотникова А. «...И с просьбой о любви»: Эссе, новеллы, очерки. Иерусалим: Филобиблон, 2007. – 208 с.: илл.

Зов крови. Об Илье Эренбурге: Статьи, эссе, воспоминания / Сост. Ф. Палеева-Фишман, Л. Финкель. Тель-Авив: Илекниф, 2007. – 350 с.: илл.

Калинер Ю. Колесо судьбы: Повесть, рассказы, роман. Тель-Авив – М., 2007. – 176 с.

Камбург Р. Восхождение: Роман. Тель-Авив – М.: Э.РА, 2007. – 192 с.

Каминский Ю. В тени мерцающей свечи: Стихотворения 1999–2007 годов. Иерусалим: Иерусалимская антология, 2007. – 192 с.: портр. (Б-ка «Иерусалимского журнала»).

Кац И. «А помнишь, как?..» / Ред.-сост. Б. Зобин. [Иерусалим], 2007. – 190 с.: илл.

Кобринский А. Иберийские тождества: Онтология языка и культуры. Иерусалим – М.: Э.РА, 2007. – 464 с.: илл.

Корабликов-Коварский С. Отголоски мелодий: Стихи разных лет. – Иерусалим: Филобиблон, 2007. – 80 с.: илл.

Коренфельд Б. Судьбу не выбирают: Лирика. Тель-Авив, 2007. – 142 с.

Кук Авраам-Ицхак: Личность и учение / Ред.-сост. П. Полонский. Иерусалим: Маханаим, 2006. – 576 с.: илл.

Литературный Иерусалим улыбается: Приложение к альманаху «Литературный Иерусалим». Вып. 2. Иерусалим: Evgarm, 2007. – 140 с.: илл.

Мандельштам Осип. Времена года в жизни и поэзии: Избранные стихи / Иллюстрации И. Мастбаум. Иерусалим: Филобиблон, 2007. – 120 с.: илл. (В прил.: пер. на англ., фр., нем., иврит).

Маркович Д. Vis Vitalis. Жизненная сила: Роман. Тель-Авив – М.: Э.РА, 2006–2007. – 392 с.

Межберг Р. Спасибо, жизнь! Стихи разных лет. Тель-Авив – Кирият-Гат – Киев, 2007. – 162 с.

Минин Е. Ветви: Стихи последних лет. Иерусалим – М.: Э.РА; Evgarm, 2007. – 106 с. (Поэтическая серия «ЛЕТА-А»).

Овсицер Л. Возвращение: Воспоминания. Изд. 2-е, испр. и доп. Иерусалим, 2007. – 400 с.: илл.

Оцуп Р. Оцупы – моя семья: Генеалогическое исследование. Тель-Авив, 2007. – 152 с.: илл. + 1 вкл.

Павел Зальцман: Жизнь и творчество [Статьи и альбом репрод. с работ художника]. Иерусалим: Филобиблон, 2007. – 204 с.: илл.

Псалмы Давида / Обновленный перевод Леи Гервиц. Тель-Авив, 2007. – 254 с.: илл.

Ракитская Э. Черно-белый романс: Стихи разных лет. Иерусалим – М.: Э.РА, 2007. – 166 с. (Поэтическая серия «ЛЕТА-А»).

Слуцкий В. Третья определенность. Кдумим, 2006. – 128 с.

Тивериада: Альманах лит. объединения «Галей Кинерет» («Волны Кинерета»). Вып. 2 / Сост. и гл. ред. Л. Знаковская. Тверия, 2007. – 284 с.: илл.

Требла [Альберт Лейкин]. Юмористические рассказы. Иерусалим, 2007. – 288 с.: илл.

Трибельский Д. Легенды Белого моря. Иерусалим, 2007. – 316 с.: илл.

Файн Б. Вера и разум: Наука и иудаизм. Иерусалим: Маханаим, 2007. – 368 с.

Ханан В. Осенние мотивы столицы и провинций: Стихи. Иерусалим: Скопус, 2007. – 80 с.: илл.

Шойхет А. Витражи (или Короткая длинная жизнь): Роман. Тель-Авив – М.: Э.РА, 2006. – 206 с.

Юдасин А. Куда летишь, Человек? Иерусалим – Нью-Йорк: Дварим, 2007. – 256 с.: илл. Подготовил Леонид Юниверг

ДАВИД ИЗ КОЛЕНА ИУДЫ

Роберт Пински

Жизнь Давида

М.: Текст, 2008 («Чейсовская коллекция»). – 221 с.

Первое, что нужно учитывать при чтении этой книги, – ее жанр. Просто для того, чтобы не испытать разочарования, не обмануться в ожиданиях. Понятно, что это далеко не первая попытка рассказать о жизни царя Давида, включая беллетристические переложения знаменитой библейской истории. Понятно, что и интерпретации этого сюжета были разными. Одной из последних в моем читательском опыте был роман «Вирсавия» шведского писателя Торгни Линдгрена (кстати говоря, роман вышел в том же издательстве «Текст»). У Линдгрена роман подчеркнуто не исторический. Более того, источником и главным импульсом к его написанию послужил даже не библейский текст, а рассказы, которые Линдгрэн слышал от своей бабушки. И Линдгрена в этом романе гораздо больше, чем Библии. По существу, он пишет скандинавскую историю о старом человеке, который вспоминает свою жизнь и главное событие своей жизни – любовь к Вирсавии. Скандинавскую по существу, по типу психологии, характеру изображения, стилистике.

Американский темперамент, образ мысли, особенности восприятия библейского текста в книге Роберта Пински не менее ощутимы. Он пишет не роман, но в то же время и не научное исследование. Это тип повествования, который лучше всего передается словом «эссе» в его современном французском смысле – свободный рассказ, претендующий на некоторую научность, но в то же время не загоняющий себя в рамки научного педантизма. Кроме того, Пински пишет не теологическое исследование. Он даже подчеркивает светский характер своей книги, точнее, исторический, а не Б-гословский ее характер. Он отстраняется от сугубо религиозного восприятия, о чем заявляет уже на первых страницах, говоря о разных исторических пластах канонического библейского текста: «Ранний источник представляет собой главным образом нарратив о национальном герое. Поздний источник – преимущественно религиозно-моральный нарратив». На восстановлении «раннего источника» и сосредоточено внимание Пински. Иными словами, в центре внимания автора скорее мифологический аспект и психология мифологического героя. «Давид из колена Иуды, восьмой и последний из сыновей Йессея Вифлеемлянина, вел свое происхождение не только от сынов Израилевых, но также от моавитян, через свою прабабку Руфь» – это отправная точка повествования и, если угодно, главный посыл исследования.

Как можно объяснить поведение, поступки Давида, как их переложить, «экстраполировать» на современность – вот что занимает Пински. А потому он не боится иллюстрировать анализ библейского текста вполне современными картинками. Например, вот так выглядит интерпретация разговора Давида и Саула, когда Саул предлагает Давиду руку своей дочери, но взамен требует «сто краеобрезаний филистимлянских, в отмщение врагам царя». «Чем-то гангстерским» веет от этого разговора, по мнению Пински: «В кино это были бы два элегантных мафиози в черных галстуках, сидящих на террасе со стаканами в руках, и кончики их сигар светились бы во мраке. Старший из них предлагает свою первородную дочь, улыбается и про себя думает, что, наверное, враги скоро пристрелят этого опасного контрабандиста».

Конечно же, Пински не может вовсе игнорировать религиозный характер библейского текста, равно как и характер мировоззрения героев, особенности мировосприятия человека эпохи Давида. Поэтому, в частности, в книге Пински появляются такого рода объяснения: «Какая разница между магией и религией? Быстрый и слишком простой ответ: твоя религия – это моя магия. Но можно ответить и по-другому: религия – это стратегия, а магия – тактика. Религия проявляется в обычной жизни с той же частотой, что счета за страховку, а магия больше похожа на быструю, отчаянную и легкомысленную поездку в Лас-Вегас, словом, магия – это экстравагантная выходка, а религия – это постепенное приближение».

И все-таки, несмотря на религиозную «политкорректность», психология выходит на первый план. Пински пишет о Давиде-человеке и с этой точки зрения анализирует его поступки. В частности, именно под этим углом зрения излагается история Давида и Вирсавии, оценивается поведение Давида: «Давид не просто вероломен и подл, он ведет себя как простолюдин в мелодраме, типаж приключенческого романа, бросающий вызов благоразумию или здравому смыслу, призванный показать читателю порок исключительный, излишне преувеличенный».

Психология, конечно, добавляет живости, делает книгу более привлекательной, но в то же время сужает, так сказать, концептуальную область. Иначе говоря, библейский рассказ сводит только лишь к «историческому источнику».

Г е е і е а е А е а е т і а д і а

ПРОЗА ЕВРЕЙСКОЙ ЖИЗНИ

Шолом Аш

Америка. Повесть и рассказы

Пер. с идиша М. Шамбадала

М.: Текст, 2008 (серия «Проза еврейской жизни»). – 203 с.

В начале XX века Шолом Аш был очень популярен в России. Правда, в интеллектуальных кругах относиться к нему было принято с иронией. Скажешь «Шолом Аш» – и сразу вспоминается знаменитая «Жалоба» С.Я. Маршака: «Жена / Переводит «Нана», / Вера – / Бодлера, / Лена – / Верлена, / Маленькая Зинка – / Метерлинка, / А старая мамаша – / Шолома Аша». И тем не менее: многочисленные переводы, театральные постановки, газетное ломание копий, собрание сочинений в трех томах. В конце 1920-х годов начал выходить и семитомник – но остановился на четвертом томе. Потом был перерыв на несколько десятилетий, «Избранное» под конец «оттепели», опять перерыв. И вот очередное возвращение Аша к русскому читателю, причем основу только что вышедшего сборника составляет повесть «Америка», ранее никогда на русском языке не публиковавшаяся.

Выбор, сразу скажем, не самый удачный. При желании у Шолома Аша можно найти вещи, более интересные сегодняшнему читателю, – достаточно назвать знаменитую драму «Б-г мести», где модернистское внимание к «проблеме пола» сочетается с религиозными мотивами и библейской символикой, или «роман с ключом» «Мэри», в котором под прозрачными «псевдонимами» выведены виднейшие персонажи русско-еврейского литературно-театрального Петербурга начала XX века (см. об этом статью В. Кельнера: Лехаим, 2007, № 2). Но сентиментальная и насквозь предсказуемая «Америка»?..

Один из основных признаков подлинного произведения искусства – оно не поддается пересказу, вернее, теряет в пересказе практически все, что поднимает его над заурядностью и делает чудом. Попробуйте передать своими словами, скажем, «Прощай, оружие!» Хемингуэя или сравните «Преступление и наказание», адаптированное для школьников, с оригинальным текстом Достоевского. «Вычитание» авторского стиля, авторской интонации, изъятие прямой речи персонажей действуют на шедевр губительно – и чем богаче исходный вариант, тем разрушительнее сказываются на нем всевозможные вивисекторские операции.

«Америка» – едва ли не идеальный пример противоположного. Она целиком, практически без остатка, укладывается в простейший, из нескольких фраз, пересказ

фабулы. Еврейская семья из польского городка Лешно – папа Меер, мама Хана-Лея, четверо разновозрастных детей – решает перебраться в Нью-Йорк. После трудностей первоначальной адаптации жизнь их начинает налаживаться – но ценой разрушения традиционного уклада: светская школа вместо хедера, английский вместо идиша, газеты вместо Талмуда, танцы по субботам. Впрочем, постепенно все так или иначе приспособливается, и только младший сын, Йоселе, самый чистый и светлый, не принимает новой жизни, грустит, хиреет и в конце концов умирает. Вот и все. То есть действительно все – прочее не более чем одежды, снимаемые без особого ущерба для смысла целого.

Что там пересказ – «Америка» исчерпывается даже скупыми строчками Большой советской или Литературной энциклопедий: «А. идеализирует патриархально-религиозные устои старого еврейского быта <...> Романтик умирающего польского еврейского местечка, <...> А. остро почувствовал его распад и предался романтической идеализации уходящего прошлого». Конечно, это всего лишь схема, но «Америка» ведь и есть, в сущности, не полноценная повесть, а аллегория, подобную схему иллюстрирующая. Доброжелательные рецензенты начала XX века сравнивали Аша с Борисом Зайцевым – как ни относись к последнему, изрядное преувеличение. Зайцев весь состоит из оттенков, едва уловимых нюансов – а где же у Аша полутона и недоговоренности? Если уж искать параллели в современной ему русской прозе, то «Америка» напоминает скорее олеографии, обильно печатавшиеся в массовых журналах вроде «Нивы». Такая вот проза еврейской жизни...

И все же есть в повести Аша нечто, делающее ее отличным пособием для всех интересующихся историей еврейской словесности первых десятилетий XX века, не говоря уже о студентах профильных факультетов. Дело в том, что «Америка» представляет собой идеальную квинтэссенцию идишской прозы эпохи, ее типов, мотивов, юмора, – довольно частое, надо сказать, достоинство литературы второго ряда. Желаящему получить представление о том, как мыслили и писали еврейские литераторы 1900–1920-х годов, лучшего материала для первоначального знакомства не найти. Как будто заложили в компьютер тексты отцов-основателей – Шолом-Алейхема, И.-Л. Переца, Мойхер-Сфорима, отсекали все индивидуальное – и получился на выходе Шолом Аш.

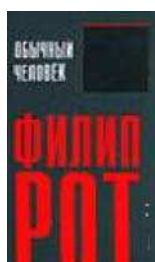
Ї єōāēē Ÿāēūōōāē

ОБЫЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК В ЛУЧШЕЙ НА СВЕТЕ СТРАНЕ

Филип Рот

Обычный человек

СПб.: Амфора, 2008. – 91 с.

Филип Рот

Заговор против Америки

СПб.: Лимбус Пресс, 2008. – 544 с.

В издательствах «Лимбус Пресс» и «Амфора» вышли переводы двух новых романов Филипа Рота – «Заговор против Америки» (2004) и «Обычный человек» (2006).

Строго говоря – ничего нового. Оба романа лежат вполне в русле творчества американского классика, лауреата Пулитцеровской и целого букета других премий (им. Уильяма Фолкнера, Сола Беллоу) и почти нобелиата (выбирая между Филипом Ротом и Бобом Диланом, Нобелевский комитет в 2007 году неожиданно выбрал Дорис Лессинг). «Заговор» продолжает тему еврейского детства 1930–1940-х годов в Ньюарке, прославленном еще «Болезнью Портного» (1969), «Обычный человек» – тему грустных размышлений пожилого и не очень здорового еврейского мужчины о своей и(или) чужой прошедшей жизни («Американская пастораль», «Людское клеймо»).

«Обычный человек» – это очень обычная книга. Типовой роман-биография, биография еврейского Анонима в современной Америке. Облеченный добротным нарративом перечень его достояний и достижений: безоблачное детство в бедном

еврейском районе (с тех пор там все изменилось), любящие родители (умерли в глубокой старости), обожаемый старший брат (он же – объект зависти), скромный талант к рисованию и умеренная карьера в рекламном бизнесе (своя секретарша, офис в Нью-Йорке, командировки в Европу), три брака (жена-стерва, жена-друг и жена-шлюха), дети (выросли), внуки (не очень интересуют), пара друзей (по телефону поговорить), букет болезней (а кто ж без этого? только вон брат здоров как бык), попытка соблазнить девушку в три раза моложе себя (неудачная), ну и, наконец, еврейское кладбище (где могильщиком работает старый негр).

Совсем другое дело – «Заговор против Америки». Роман, построенный на одном-единственном допущении: в США на президентских выборах 1940 года побеждает не Франклин Делано Рузвельт, демократ и на тот момент уже двукратный президент, а республиканец, популярный летчик-испытатель Чарльз Линдберг, чью форму украшал орден, полученный от Германа Геринга.

Это важная книга. В ней подвергается сомнению одна из ключевых наших (и еврейских, и постсоветских) установок, краеугольный камень нашей политической картины мира, наша беззаветная вера в то, что Америка, голдене медине, страна тертых джинсов и кока-колы, – оплот свободы и демократии, непримиримый враг диктатуры и фашизма. Пусть говорят: американцы-де туповаты, ни архитектуры, ни духовности, одни чизбургеры да жвачка, – но уж евреев там никогда в обиду не давали, они там такие же граждане, как все: со своими районами, организациями и газетами, адвокатами и промышленными магнатами, сенаторами и даже гангстерами.

И вот Филип Рот показывает, что наша незыблемая уверенность – нет, не то чтобы совсем самообман, она зиждется на многолетней истории Америки в роли именно что оплота и гаранта, но один перещелк пальцев – и этой многолетней истории могло бы не быть. Один перещелк пальцев – и несокрушимая в своем свободолобии и мультиэтничности, солнечная и толерантная Америка, увенчанная грозной, но справедливой рогатой Статуей, начинает корчиться, как пластмассовый домик под пламенем зажигалки.

Рот разыгрывает крайне популярную в последнее время, виртуозно опробованную еще Барри Левинсоном в 1997 году («Хвост виляет собакой») сюжетную карту под названием «раскрутить можно что и кого угодно». Включая летчика-фашиста в демократической Америке. И никаких особенных политехнологий не надо; одна технология – говорить поменьше да летать на своем самолетике прямо над головами у граждан. И дальше все идет как по маслу: пышный прием Риббентропа с супругой в Белом доме, нацеленные на ассимиляцию спецпрограммы для нацменьшинств, депортации и – погромы.

Это мудрая книга. Она раскладывает всю человеческую аксиологию на ценности истинные и ложные, а потом показывает, что и руководствуясь истинными ценностями можно получить совершенно ложные результаты, что невозможно сделать ничего хорошего так, чтобы оно не обернулось и чем-нибудь дурным, что, наконец, действительность – штука зыбкая и вокруг нас много видимостей и мало нерушимого. Так, свободная страна Америка, «наша Америка» для всех еврейских семей Ньюарка, вдруг становится «их Америкой», Америкой антисемитски настроенных ирландцев и немцев, ку-клукс-клановцев, прихвостней фашистской Германии. Раввин с молодой женой отправились в Белый дом на встречу с министром иностранных дел Третьего рейха, и вся община заклеила их трусами, предателями и коллаборационистами, а они считают себя благородными смельчаками, преодолевшими местечковую трусость ради общего

блага. А еврейский мальчик пошел воевать с Гитлером, и это не значит, что он убежденный демократ и истинный патриот, – вернувшись, он может заделаться кем угодно, например, альфонсом и бандитом. В зареве еврейских погромов, в гари от сожженной машины с обгоревшим трупом бедной еврейской вдовы, в судорожных рыданиях ее осиротевшего сына, когда-то первого ученика в классе и лучшего шахматиста в округе, ставшего теперь идиотом, теряется граница между трусостью и смелостью, подвигом и глупостью, принципиальностью и упрямством. Благородной непреклонностью выстлана дорога к крушению семьи (оно же – конец света), а всегда правы оказываются только материнская нежность, терпение и забота.

Это историчная книга. Роман в жанре альтернативной истории, получившийся пугающе правдоподобным. Правдоподобие достигается как ракурсом – все политические катаклизмы подаются сквозь призму восприятия 10-летнего мальчика, гитлеры-рузвельты-линдберги органично создают чуть размытый второй план для его семейной и окошкольной жизни, – так и верностью историческим деталям. Если отрешиться от нашей уверенности – уверенности людей будущего, знающих, как оно должно произойти, – понимаешь, что ход истории обусловлен – да-да, личностями, причинно-следственными связями, социально-экономическими предпосылками, но и мелочами, случайностями: бабочкой, летной-нелетной погодой, одной небольшой бомбой. Если после романа Рота посмотреть на хронологию событий, становится совершенно очевидно, что Америку, еврейство всего мира, да и вообще весь мир спасла Япония. Не напади она в декабре 1941-го на Перл-Харбор, в Америке легко могли бы восторжествовать изоляционисты, во главе с фашиствующим летчиком, «глупым гоем на дурацком аэроплане», или без него, и – здравствуй, Третий рейх Старого и Нового Света.

Ааааа Аааа

ОТ ХАЗАР ДО МЕХЛИСА

Всеволод Вихнович

2000 лет вместе: евреи России

СПб.: Питер, 2007 («Лабиринты истории»). – 320 с.

Книга Всеволода Вихновича оставляет странное впечатление (если б я не боялся штампов, то написал бы «двойственное»). При первом беглом взгляде на нее хочется понимающе усмехнуться, отпустить что-нибудь сдержанно-ироническое и тем ограничиться. В самом деле, ведь мы со студенческой скамьи знаем, что существительное «специалист» неотделимо от прилагательного «узкий», – так легко ли поверить, что не слишком толстая книга, рассказывающая о жизни евреев на территории бывшего СССР от времен греческих городов-колоний Северного Причерноморья и до борьбы с космополитами включительно, заслуживает хоть сколько-нибудь пристального внимания? Нет-нет, разумеется, никаких сомнений, что перед нами очередная дерзкая дилетантская компиляция, повествование обо всем и ни о чем.

По мере чтения, однако, впечатление меняется, хотя и не сразу. Первые главы книги, построенные как популяризация концепции известного этнолога Михаила Членова, как раз не слишком впечатляют. Членов и вслед за ним Вихнович представляют «двухтысячелетнюю историю еврейства на исторически сложившейся территории России» как смену последовательно «лидировавших» в еврейском мире «эдот» – относительно самостоятельных этнических общностей, объединенных включенностью в иудейскую традицию. Классификация не хуже любой другой, эвристически продуктивная и удобная для описания. Вот только рассказы об эллинизированных евреях Причерноморья, хазарах, древнерусских евреях и ашкеназах слишком уж эскизны и не новы – ровно тот же объем информации можно почерпнуть в десятках других общедоступных источников.

Куда интереснее «персональные» главы – о юдофильской деятельности князя Михаила Воронцова в бытность его новороссийским генерал-губернатором, об основателях отечественной иудаики Аврааме Гаркави и Данииле Хвольсоне. Еще любопытнее рассказ об иудаизме в казачьих станицах – единственная глава книги, практически целиком основанная на архивных материалах. Весьма информативна и «сталинская» часть, где выделяются биографические очерки, посвященные немецкому еврею-коммунисту Валентину Ольбергу, ставшему одним из подсудимых на процессе Зиновьева–Каменева и расстрелянному по этому делу, и Льву Мехлису, прошедшему путь от рядового члена одесской ячейки сионистской социал-демократической партии «Поалей Цион» до «видного советского государственного и партийного деятеля».

Конечно, книга Вихновича не монография, а «собрание пестрых глав» (пожалуй, даже слишком пестрых, хотелось бы большей строгости и тематической компактности), конечно, исследовательская составляющая здесь в большинстве случаев уступает место популяризаторской. Но, как популярный свод сведений по истории российского еврейства, она безусловно найдет своего читателя и будет ему небесполезна: слишком часто гуманитарный научпоп оказывается прибежищем полуграмотных дилетантов – так не лучше ли иметь дело с автором, чей профессиональный уровень заведомо гарантирует от перевранных фактов и фантастических трактовок?

Ī èõàèë Ýäëüöòáéí

ПРОЕКТ ЕВРЕЙСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ

אֲדֵאֲדֵעַ דְּאַרְכֵי

Даниэль Либескинд – один из десятка самых известных архитекторов мира, по американскому счету – архитектор номер один, потому что в 2002 году он выиграл конкурс на реконструкцию Ground Zero в Нью-Йорке, после трагедии 11 сентября. Впрочем, есть еще один счет, где он не среди других, а единственный. Это единственный известный мне архитектор, который говорит, что делает еврейскую архитектуру. Не синагоги, а любую – еврейское понимание пространства.

Творчество Либескинда я изучал в Музее истории еврейского народа в Берлине – он построил этот музей, и там была его выставка. Довольно, надо сказать, трудная.

На входе настоятельно предлагали аудиогид с наушниками, а если вы отказывались, вам его все равно давали. Работало это устройство следующим образом. В залах музея висели большие экраны, с которых Либескинд давал разнообразные интервью. Рядом с концептуальными графическими композициями он рассказывал про Демокрита и Парменида, рядом с проектом реконструкции Потсдамерплац ходил, размахивая руками, по тогда еще пустырю Потсдамерплац, рядом с проектом WTC стоял над дырой Ground Zero и ласково туда поглядывал. При этом пока ты не подойдешь к

экрану – он пустой и голос не слышен, а когда подойдешь с антеннкой своего аудиогида, экранный Либескинд оживает. Если надоело слушать – чуть отходишь, и он замолкает.

Но не все так просто, потому что когда замолкал один Либескинд, включался другой, с соседнего экрана. А отпрыгнешь назад – за спиной просыпается первый. Достаточно быстро возникало чувство зашуганности Либескиндами. Выключить гид было нельзя, можно было лишь снять наушники, но это мало помогало, потому что тогда Либескинд болтал с экрана беззвучно, приобретая известное сходство с Чарли Чаплином. Все пространство выставки оказывалось заполненным обрывками его слов и жестов, – как будто испытывающий недостаток в общении человек бегал вокруг тебя кругами, то заскакивая вперед, то выныривая из-за плеча, и все время норовил рассказать что-то самое главное.

Помимо этой назойливости была архитектура. Меня тогда больше всего вдохновил его проект застройки Потсдамерплац. Конкурс он проиграл, там реализованы другие проекты. Но, мне кажется, это зря.

Вопреки всеобщим восторгам архитекторов от Потсдамерплац, отпраздновавшей свое десятилетие, должен сказать, что, на мой взгляд, это ужасное место, напоминающее химкинские поля вокруг мебельного центра «Гранд», только не со стороны Ленинградки, а сзади. Это место разбомблено вдрызг союзниками, а потом окультурено тридцатью годами Берлинской стены. У этого места нет памяти, но при этом она была. И, находясь там, даже после того, что построили Ренцо Пьяно и Хельмут Ян, до сих пор испытываешь – почти физически мучишься от склеротического распада территории.

На выставке – на экране – в характерно берлинскую серо-промозглую погоду из восточной части Берлина в западную двигался Даниэль Либескинд. Он показывал на пустырь, на лысоватый глинистый газон и говорил: «Вот здесь был дом, здесь ходил трамвай. Или не здесь, а вот здесь. На самом деле мы уже, конечно, не знаем, где ездил трамвай. Тут было очень много трамваев, крупнейший пересадочный пункт, все они куда-то ехали, туда, сюда, вбок. Где-то, наверное, здесь». Он все время выбрасывал руки в разные стороны, будто штриховал газон, хаотически разбрасывая отрезки. А потом, по линиям этих жестов, у него вставали здания, такие же быстрые, непрорисованные, как сами жесты. Нервные, угловатые, необязательные, но при этом как-то заполняющие зияние пустыря.

Когда я рассматривал макет площади, мне казалось, что вся она обегана архитектором, что он выскакивал со всех сторон, всюду оставлял след и скорей-скорей бежал дальше, самой быстротой движения пытаясь вытеснить окружающую пустоту. Каждое здание, каждая линия помнит: что-то здесь было, но что именно – сейчас уже не скажешь. Очень трагичное, но очень выразительное пространство.

Тот же принцип лежал в основе всех градостроительных проектов Даниэля Либескинда. Точно так же он предлагал застраивать и Александерплац в Берлине. И именно в контексте этих проектов становился понятен его проект реконструкции WTC. Он опирался не на следы чего-то бывшего на этом месте, но на дискомфорт памяти, в которой следы стерлись, а места их остались. Это градостроительство, возможное только в особо неблагоприятных точках земной поверхности, таких, как разрушенный на 70% Берлин или взорванный WTC. Но в этих точках оно действует удивительно сильно. Что остается на месте после того, как произошла катастрофа? Человек, пытаясь рассказать, что

здесь было, бегают вокруг тебя кругами, то заскакивает вперед, то выныривает из-за плеча, и все время норовит рассказать что-то самое главное, понимая, что ничего не выйдет...

То есть как не выйдет? Вокруг был построенный им музей. Люди, занимающиеся еврейскими музеями, не слишком высоко его оценивают. Александр Борода, который приглашал Либескинда в Москву делать проект музея в Марьиной роще, а потом отказался от этого намерения, объяснял мне, что в еврейском музее в Берлине невозможно ничего показывать – там архитектура показывает сама себя и больше ничего в себя не впускает. Наверное, так и есть. Но мне важна архитектура.

Еврейский музей в Берлине.

Это иссеченный разрывами металлический бункер, здание, которое как будто бы начали сносить, мять тракторами, резать на части, но потом бросили. Внутри там огромное темное пространство и два пересекающихся пути. По одному вы постепенно движетесь к свету и в конце концов выходите в маленький лес. Там довольно уютно, не считая того обстоятельства, что вместо деревьев бетонные столбы, и все они стоят не прямо, а под углом, как бы заваливаются на вас. А другой путь приводит в очень высокое, в три этажа, абсолютно темное, очень тихое помещение. И там ничего нет, не считая того, что на полу лежат вырезанные из металла лица. Просто наваленные грудой, как монеты на

дне сундука, истлевшие человеческие черты. Сильное пространство. Не помню другой архитектуры, из которой я бы выходил в таком неврастеническом состоянии. Не знаю, еврейское ли это понимание пространства, – если еврейское, то XX века. Но я, пожалуй, его примерно так и понимаю. В пространстве есть смысл. Этот смысл – жизнь. Тех, кто ушел, и тех, кто остался. И все.

А потом Либескинд приехал в Москву. Он назначил встречу в кафе «Voque», и, ожидая его среди изящных молодых людей и эффектных девушек, я судорожно перебирал в голове глубоко неуместные в этом интерьере вопросы. «Как вы думаете, в чем смысл жизни? Как жить в пространстве трагедии? Почему современное общество уничтожило живопись? Почему оно желает видеть себя в формах каких-то черточек и кружочков или кучки экскрементов в выставочном зале? А как вы полагаете, после того, как в России кончился коммунизм, она перестала быть интересной миру?» И вот он вошел. Великий архитектор, глубокий мыслитель, человек, архитектура которого довела меня чуть не до истерики, был ростом метр сорок. И я так этому поразился, что, наверное, он заметил. В обалдевшее мое лицо он послал обаятельнейшую улыбку, глаза полностью исчезли в складках кожи, и мне показалось, что ему как-то приятно и то, что я так неуместно обалдел, и то, что мне очень по этому поводу неловко. «Дэниэл», – сказал он, протягивая мне вверх крошечную, как у десятилетнего мальчика, ладошку.

Сели, заказали кофе, я успокоился и вернулся в прежнее восторженное состояние. «Сейчас, сейчас я узнаю все самое главное!» Чтоб уж не тянуть, я начал с места в карьер.

– Ваша архитектура, как мне кажется, уникальна тем, что у нее глубоко трагический смысл. Еврейский музей, Ground Zero – вы показываете суть сегодняшнего пространства как пространства травмы. Современная архитектура начиналась с веры в прогресс – а прогресс привел к катастрофе. Что вы думаете по этому поводу?

Он с интересом посмотрел на меня сквозь маленькие щелевидные очки:

– По какому?

Я несколько смешался. Действител

ьно, вопрос получился какой-то неконкретный. Но не отступать же?

– О трагедии в архитектуре.

– У меня есть несколько вещей, связанных с трагическими сюжетами. Но я не думаю, что мое творчество связано с трагедией. У меня около 400 проектов по всему миру. Было бы, вероятно, неправильно всюду устраивать трагедии.

Он сказал это так, как будто я его обвинял в очернении действительности. Я опять почувствовал некоторую неловкость.

– Я совсем не это имел в виду. Я говорил о художественном смысле языка. Вы – один из основателей деконструкции, направления, которое обнаруживает зыбкость мира...

– Не придавайте значения словам. Деконструкция – это условное определение, просто связанное с названием той выставки в Нью-Йорке в 1986 году, когда мы

выставились вместе с Питером Айзенманном, Захой Хадид и другими. С тех пор прошло 25 лет – вероятно, вы могли заметить, что эти архитекторы не слишком похожи друг на друга.

– А как же философия деконструкции? Вы не чувствуете связи с этой философией?

Он посмотрел на меня уже не с интересом, а я бы сказал, с тревогой. Заботливой. Как бы в жанре: «Вы плохо себя чувствуете?» Потом ответил очень вятно, отдельно, почти по слогам:

– Я – архитектор. Не интеллектуал, – архитектор. У меня проекты, здания, контракты. Я был знаком с Жаком Деррида, он прекрасный мыслитель, но я не мыслитель. Что у меня может быть общего с его философией?

В этот момент до меня наконец дошло. Я вспомнил другие его интервью. Не лекции, не когда он говорит то, чего хочет сам, а когда с ним разговаривают журналисты. Эти интервью всегда одинаковые. «Вам нравятся современные архитекторы? – Иногда. – Кто ваш любимый архитектор? – Разные. – Какой из ваших проектов вам нравится больше всего? – Будущий». И т. д. Таких интервью, после того, как он выиграл конкурс на Ground Zero, он раздал тысячи. И я понял, что никакой беседы о смысле архитектуры и основах Бытия у нас не будет. У нас будет тысяча первое интервью.

Некоторое время, пока я все это осознавал и мысленно перестраивался, мы сидели и молча пили кофе. Мы приятно улыбались друг другу. Мне показалось, это самый естественный для него способ общения с прессой. Ну что ж, решил я. Перейдем к конкретике.

– Расскажите, что происходит с проектом WTC. Мы все радовались, когда вы выиграли конкурс, такое эффектное решение, музей, вертикальный сад. А после этого вдруг оказалось, что все здания строят совсем другие архитекторы и вы как-то в стороне. Вас вытеснили из проекта?

– Не верьте всему, что пишут. Меня никто не вытеснял. Напротив, мой проект реализуется.

– То есть будут строить ваши здания?

– Какие здания? Мое произведение – общая структура пространства. Это масштабный урбанистический проект, его не может строить один человек. Естественно, там множество архитекторов, но все они работают в рамках моего замысла.

– Они разрабатывают ваши эскизы?

– Нет, у каждого из них свой проект.

– А вы что-нибудь строите?

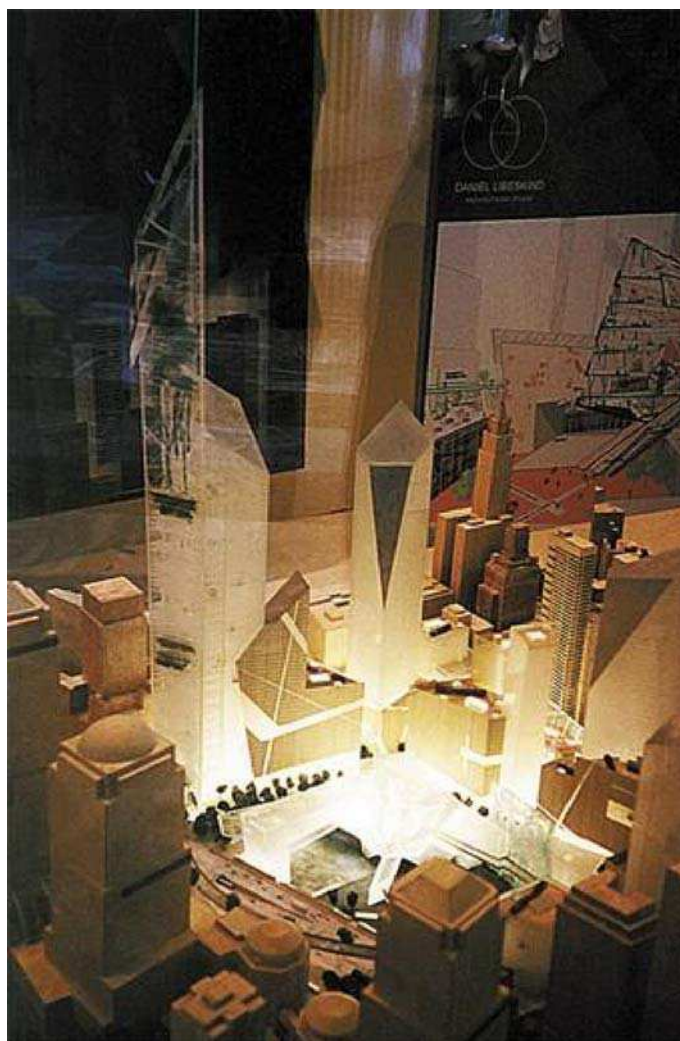
– Разумеется, нет. Это как оркестр. Представьте себе, что дирижер в какой-то момент скажет: теперь, ребята, играйте сами, а у меня своя партия на скрипке, я теперь ее буду играть.

– Но это такой оркестр, где каждый из музыкантов импровизирует что-то свое.

– В рамках общего замысла.

– Я не представляю себе, как тогда будет звучать общий замысел.

– Не расстраивайтесь. Никто пока не представляет. Я тоже. Это и есть самое интересное.

Проект реконструкции WTC.

Разговор о конкретике тоже зашел в тупик. Узнать бы, думал я, как же они с ним договорились, если он вот так отвечает на вопросы о проекте, которого его, по сути дела, лишили. И вообще, как он разговаривает с заказчиками, если он такой неразговорчивый? Ведь нужно как-то их убеждать, находить общий язык, а он же не хочет. Ну совсем не хочет.

– Ваша архитектура очень необычная. Я думаю, она должна шокировать заказчиков. А в разговоре вы ускользаете от ясных определений. Скажите, как вам удастся их убедить, что нужно построить именно это?

– Люди сегодня сами стремятся выйти из привычных рамок. Они готовы к новому. Тут не нужны слова и определения.

– И что, выходя из рамок, они сразу идут к вам? Без слов?

– Ну, разумеется.

И опять эта приветливейшая улыбочка, эффектно исчерпывающая тему. И тогда я решил на последний поворот:

– Дэниэл, я спрашивал о вашей архитектуре по-всякому. Как о трагедии, как о деконструкции, как о практической деятельности. Позвольте мне задать еще один вопрос. Хотя, вероятно, и здесь мало что получится. Вы строили музеи Холокоста, и о вашей архитектуре говорят как о еврейской. Это спекуляция? Или о ней можно говорить в терминах еврейской идентичности?

И вдруг он как-то неохотно оживился. Глаза пошире раскрыл, очки поправил.

– Я думаю, в этом что-то есть. Вы знаете, евреи очень долго были лишены своей архитектурной традиции. Нас не пускали в эту профессию. Я представляю только третье поколение еврейских архитекторов, до начала XX века нас там не было. И конечно, некоторые свойства еврейской культуры, еврейского восприятия пространства я в своей архитектуре выражаю.

Это было первое более или менее ясное высказывание за все интервью. Я решил углубить тему.

– Скажите, а для вас вообще важна еврейская тема? Б-гоизбранность?

– Я думаю, вопрос о Б-гоизбранности евреев является самоочевидным. Ведь всем известно, что и христианство, и ислам – великие религии – вышли из иудаизма. Мы научили весь мир, как понимать Б-га. Какие еще доказательства Б-гоизбранности нужны? И я ощущаю себя представителем Б-гоизбранного народа.

– Вашу архитектуру вы делаете с учетом этой перспективы?

– Да.

И все. Больше никаких комментариев. Он даже не улыбался, просто сказал «да» и замолчал.

Тут у меня кончилась лента диктофона.

Он громко щелкнул, а Либескинд страшно оживился. Я думал вставить другую кассету, но он мне не дал. «Нет, хватит», – сказал и начал рассказывать о евреях и России. О том, как родился в Польше, как родители бежали в СССР, как их сослали в Казахстан, как он до сих пор понимает по-русски. Хотя без удовольствия. Его просто прорвало. Мы обсуждали синагоги Украины и Белоруссии, формы еврейских надгробий, кладбища, оставшиеся там, которые, по-моему, похожи на его урбанистические проекты («А, вы заметили! Ну, разумеется!»), и то, что на триста километров вокруг этих кладбищ нет теперь никого, кто понимал бы, что написано на этих надгробиях, а в синагогах теперь коровники.

Словом, прекрасный оказался собеседник – только не под магнитофон. У каждого, знаете, свой опыт. Вот он, маленький еврей из Польши, родители бежали от фашистов и прибежали в сталинский лагерь. А теперь он приехал сюда, и к нему приходит человек с магнитофоном. И записывает. Все, что ты скажешь, может быть использовано против тебя. Будь начеку.

И он не проговаривается. Ни о чем, кроме одного. Да, говорит, я сын Б-гоизбранного народа. Да, мы научили весь мир Б-гу, потому что Б-г нас выбрал. Сам не навязывается, но уж если спросили – отвечает. Не отрекается.

ЗНАКИ ЕВРЕЙСТВА

יְהוָה אֱלֹהֵינוּ

Начиная с середины мая в художественных музеях Днепропетровска, Одессы и Киева пройдут выставки Иосифа Островского, а в будущем году его работы в очередной раз увидят в США и в Израиле.

В советское время нередко бывало так. Живет себе художник-еврей, работает в худкомбинате, пишет ничем не примечательные заказные картины. Может быть, он даже член Союза художников или, на худой конец, профкома графиков и у него есть своя мастерская. И даже выставки изредка случаются. Профессиональные, но довольно средние. И вот проживает он свою тихую жизнь, которая склоняется к концу, как вдруг однажды выясняется, что все видели его творческую изнанку, а лицо-то – совсем другое.

Вице-президент Всемирного клуба одесситов Евгений Голубовский вспоминал о художнике Иосифе Островском:

Мы дружили, не побоюсь этих слов, любили друг друга, и именно по праву любви я ругал Осика за его «правильные» соцреалистические портреты милиционеров и дворников, детей и их родителей. А он нежно улыбался – ты прав, дескать, но я не все еще показал.

И вот однажды Островский позвал меня в мастерскую, закрыл дверь на ключ, вытащил из шкафчика «чекушку» и, смущаясь, спросил: час-два у тебя есть? Мы пробыли в мастерской целый день – двух часов не хватило – я познавал другого Островского, продолжателя традиций еврейской живописи, мудрого мастера, чей внутренний свет так созвучен Михоэлсу, Зускину...

Островскому удалось так замаскироваться, что о его тайной живописной жизни не знали даже старые одесситы. Такие, например, как Нотэ Лурье – делегат Первого съезда советских писателей в 1934 году, отсидевший в лагерях. Голубовский продолжал:

Они оба долго прожили в Одессе, считали себя «коренными одесситами», хоть Иосиф Островский родился в Шепетовке, а Нотэ Лурье в Гуляй-поле, в «столице» батьки Махно. Но Иосиф Островский и Нотэ Лурье, хоть и ходили по одним улицам, дышали воздухом бабелевской Молдаванки и бунинского Большого Фонтана, друг друга не знали. Возможно, потому, что были людьми разных поколений. Островскому тогда только исполнилось пятьдесят, а Нотэ Лурье перевалило за восемьдесят. Но, познакомившись, старый еврейский писатель, владевший идишем лучше, чем русским, и художник <...> нашли о чем поговорить, что обсудить.

Нотэ Лурье был членом редколлегии журнала «Советиш Геймланд». Там, в небольшом зале, удалось организовать выставку работ художника, а также напечатать статью о его творчестве с цветными репродукциями. Так вторая творческая жизнь Иосифа стала общим достоянием.

А что было в первой?

Он родился в 1935 году в еврейском местечке Судилково, что на окраине городка Шепетовки. Многие жители шепетовской окраины и в советские времена хранили верность еврейской традиции. Перед субботой в местечке закрывались лавочки и мастерские, нарядные люди выходили из домов и шли в местную синагогу. Мужчины изучали Тору и Талмуд. В семье Островских мать следила за кашрутом и зажигала субботние свечи. Все это ожило потом на его картинах.

Йоселе рано начал рисовать. Ему было три года, когда старшая сестра Рая подарила ему карандаши и показала, как рисовать человечков. В пятнадцать лет он поступил на живописное отделение Одесского художественного училища, где когда-то учились Натан Альтман и Давид Бурлюк, Исаак Бродский и Алексей Крученых. Его учителями были П. Коновский, Л. Токарева-Александрович, Д. Фрумина, продолжавшие традиции южнорусской школы. Он окончил училище в 1955 году, отслужил в армии, вступил в Союз художников. Жизнь была не слишком легкой, но шла по накатанной колее. Писал пейзажи и натюрморты, портреты и сюжетные композиции, в которых чувствовались мастерство и лиризм. Выставлялся на республиканских, всесоюзных и международных выставках. Но продавать свои работы не любил – предпочитал раздаривать, а потому зарабатывал на жизнь «официальными заказами» – тем, что тогда, да и теперь называют халтурой: портретами и сюжетными композициями для клубов и контор. Нет, Иосиф не халтурил, все делал на совесть, хотя работать ему было морально трудно.

Темы предлагаемых работ частенько вызвали у него какое-то душевное отторжение, – вспоминал его друг Марк Соколянский. – Разумеется, он сторонился заказов на изображение «одухотворенных» лиц московских и киевских партийных вождей. Но даже конкретный заказной пейзаж или портрет какого-либо «знатного земляка» были ему изначально неинтересны. Если в разгар работы над таким заказом кто-либо из друзей стучался в его окно, он с извинительной улыбкой просил пришедших подождать минутку на улице, а сам разворачивал мольберт изображением к стене, занавешивал тяготившую его работу и только тогда отпирал дверь. Ему не хотелось, чтобы друзья видели эти полотна. Закончив заказ и сдав его комиссии худфонда, Осик отводил себе день на «рекреацию». Отправлялся в баню (домашнего душа было недостаточно), долго отмывался от «нечистой» работы, в хорошую погоду подолгу гулял, дышал свежим воздухом – словом, очищался и приходил в себя.

В марте 1978 года в Одесском музее западного и восточного искусства открылась первая персональная выставка Островского – 130 живописных и графических работ. К вернисажу издали солидный по тем временам каталог. Открытую на четыре недели выставку продлили еще на месяц – таким она пользовалась успехом.

К этому времени, однако, старого Островского уже не было.

А был Островский молодой, даже юный – тот, к которому вернулось его детство. Мудрецы, музыканты, ремесленники, дети – все, кто окружал его когда-то, кого оставил он в Шепетовке. «Уединившись в своей мастерской, он снова и снова слушал рассказы судилковских старцев, воскрешал в памяти атмосферу молитв в синагоге, наблюдал за работой судилковских мастеров...» – писал о нем Михаэль Арье. По воспоминаниям Иудит Аграчевой, посетившей художника уже в его израильской мастерской, «первого еврея Островский написал в Одессе, в семидесятых. Утверждает, что обобщил воспоминания о стариках, с которыми не был знаком. И никто с ними не был знаком, поскольку они никогда не жили. Поскольку они всегда жили в каждом из нас».

Сначала эти картины художник не показывал никому, кроме членов семьи. Прерывая работу над очередной композицией, снимал холст с мольберта и ставил в отдаленном углу мастерской «лицом» к стене – подальше от людских глаз. Но стены, видать, имеют не только уши, но и глаза.

Однажды в его мастерскую пожаловали «искусствоведы в штатском», – вспоминал М. Соколянский. – Возможно – по чьему-то доносу. Их сопровождал председатель Одесского Союза художников Вячеслав Божий – добрый, хороший человек. Он впервые видел «еврейские» работы Островского, долго рассматривал их и наконец, придав звучанию своего голоса как можно больше солидности и уверенности, произнес: «Прекрасные картины! Национальные по форме и социалистические по содержанию...» Уполномоченные КГБ в искусстве ничего не смыслили и поверили официальному лицу на слово. Закончив просмотр, незваные гости пили чай, нахваливали гостеприимного хозяина и его произведения.

После того случая Иосиф стал показывать еврейский цикл друзьям.

Многим казалось, что «это пройдет» и художник вернется к привычным портретам и пейзажам. Но нет, Островский жил уже в своем особом мире, созданном не только его памятью, но и воображением. Применительно к его картинам часто говорят о свете и цвете. О тонкой нюансировке близлежащих цветов. О том, что лица его героев излучают свет, который создает атмосферу напряженного молчания и глубокой, почти молитвенной сосредоточенности. Писали уже и о том, что его полотнам чужды тематизм и сюжетность, что они воспринимаются скорее как философская живопись. Все это справедливо.

Но Островский являлся не вдохновенным дилетантом, а профессиональным художником. В любом случае он должен был учитывать то, что сделано до него: и живопись Шагала, Сутина и Тышлера, и графику Каплана, и даже достижения кубизма (традиции Одесского училища!). К тому моменту, когда он обратился к образам еврейства, искусство уже накопило огромный каталог этих образов. Есть ясное свидетельство того, что Островский и свое творчество рассматривал как некий каталог. Картин у него были сотни. «По-моему, ты поставил перед собой цель произвести перепись всего еврейского населения планеты», – подтрунивал над Иосифом его старший брат Семен. На долю И. Островского выпало не открыть, а обобщить, причем с той мерой условности, которая позволяет просто отсылать к уже существующему. Отсюда в его картинах стилистика примитивизма.

Поэтому, конечно, многое можно видеть в его работах. Но нельзя не заметить и того, что они представляют собой своеобразные знаки. Знак человека с книгой. Знак скрипача. Знак художника. Знак Иерусалима. Знак наследия. В его работах велика доля условности; это условность языка, который понятен с полуслова, с полувзгляда.

Он и был понятен. Со второй половины 1980-х еврейские картины Иосифа Островского не просто востребованы, а становятся частью пробуждающейся еврейской жизни огромной страны – не только Одессы. В 1988 году в Одесском художественном музее открылась «Выставка четырех», на которой среди прочих демонстрировалось и 120 произведений И. Островского, среди них несколько холстов еврейского цикла. Это была первая официальная выставка нового Островского. Это было признание.

Тут как раз началась массовая эмиграция. По свидетельству современников, картины Островского были и сувенирами, и своеобразной валютой: их вывозили в США,

Австралию, Европу, некоторые покупали их для перепродажи, а потом не могли с ними расстаться и оставляли у себя. Так всего за несколько лет творчество внешне скромного одесского художника разошлось по всему миру. Появились и знаменитые покупатели: Аркадий и Константин Райкины, Зиновий Гердт, Михаил Козаков, Александр Кайдановский, Петр Тодоровский, Михаил Жванецкий.

В 1989 году Иосиф Островский вместе с семьей уехал в Израиль. Нельзя сказать, чтобы он сделал это охотно: он любил Одессу и не мыслил себя без нее (а она, добавим, уже не мыслила себя без него), – но того требовало здоровье. Он поселился в городке Сдерот, стал его главным художником. Мэр Сдерота дал Островскому большую мастерскую, часть в ней отвели под учебную студию, где Иосиф занимался с учениками.

В 1992 году администрация Высшего Суда Справедливости Израиля объявила конкурс на создание серии портретов судей, которые были нужны для оформления нового здания Суда в Иерусалиме. Иосиф представил комиссии свои работы. Ответ пришел почти через год: Островский победил и может приступать к работе. Это не было случайностью: современники отмечали, что его огромный еврейский цикл словно выстраивается в большую мощную фреску. Каждый образ настолько монументален, что мог бы украсить стены общественных зданий.

Но этого не произошло. В сентябре 1993 года, в канун Йом Кипура, в возрасте 58 лет он покинул этот мир.

А жизнь его искусства продолжается.

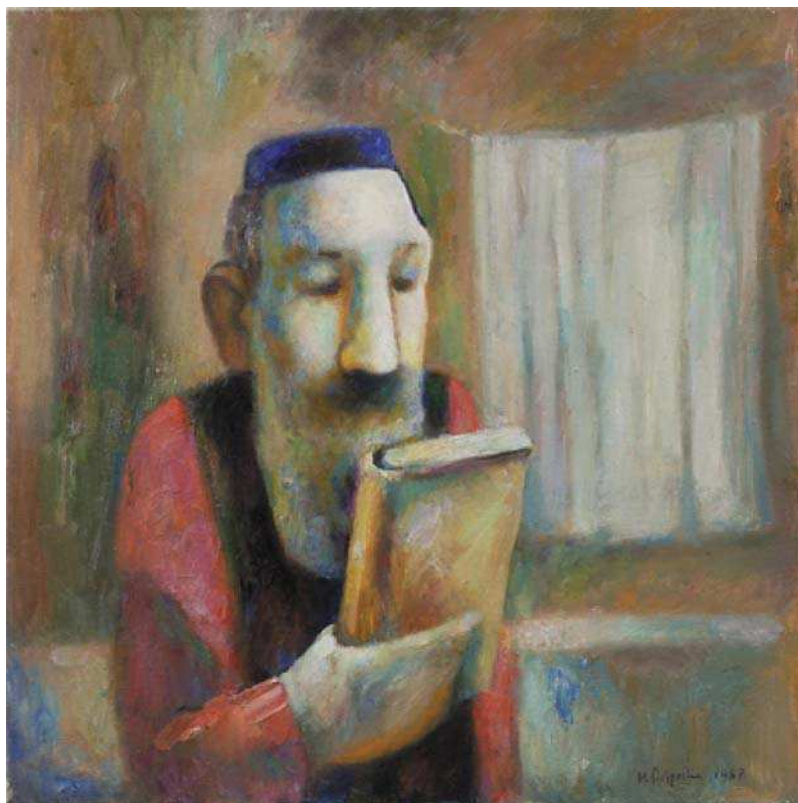
Иерусалим. 1993 год.

Художник. 1988 год.

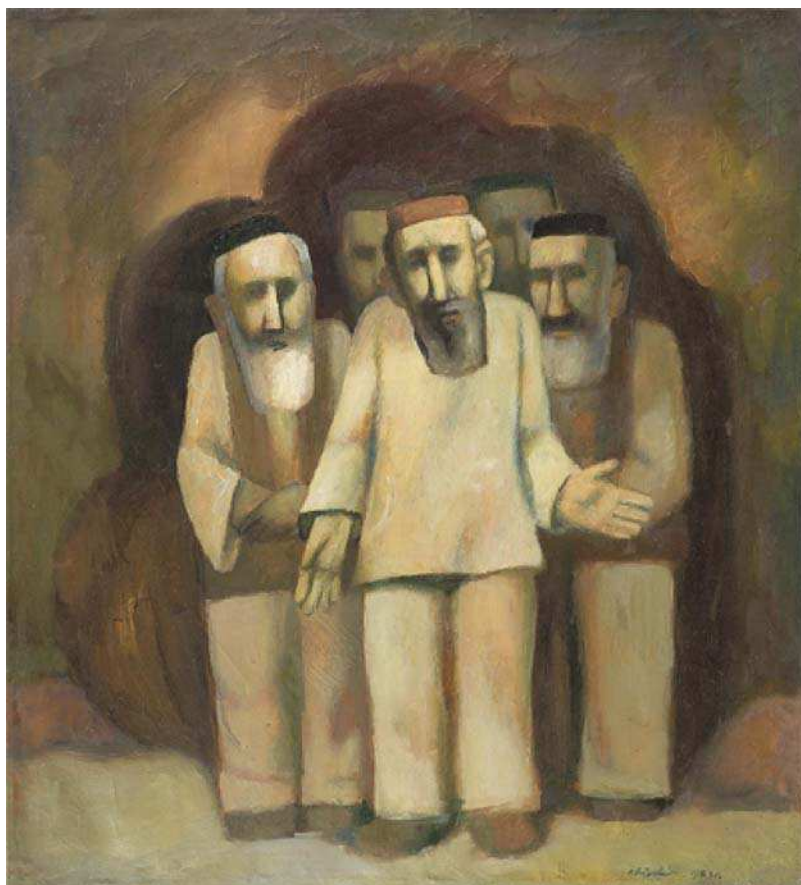
Скрипач. 1985 год.

Еврей с книгой. 1987 год.

Семья. 1987 год.

Наследие. 1983 год.

КАК ЕВРЕИ ИЗОБРЕЛИ КИНО И ЧЕМ ЭТО ЗАКОНЧИЛОСЬ

Àààà Ààòò

Режиссеры: Дэвид Линч, Ларс фон Триер, Аки Каурисмяки, Клод Лелуш, Роман Полански, Итан и Джоэл Коэны, Дэвид Кроненберг, Вонг Кар Вай, Андрей Кончаловский, Такеша Китано и еще 25 человек

У каждого свое кино

Франция, 2007.

К юбилею Каннского фестиваля его директор Жиль Жакоб заказал тридцати шести мэтрам трехминутные короткометражки на тему: кинематограф, кинотеатр, «этот волнующий момент, когда гаснет свет и начинается фильм». Получилась сборная солянка, пардон, альманах, а этот жанр набора разных высказываний на тему – от одного и того же режиссера или от многих – нынче в моде: взять хоть «Кофе и сигареты» Джима Джармуша, или «Эрос» Антониони–Кар Вая–Содерберга, или – наиболее близкий нынешнему – «Париж, я люблю тебя» от семнадцати режиссеров.

Не следует ожидать от этого фильма слишком многого, например, раскрытия сокровенной тайны кинематографического искусства. Если такая тайна и есть, вам ее никто не поведаст. Наши же тридцать шесть мэтров рассказывают в основном о себе (некоторые – Юсуф Шахин, Нанни Моретти – в буквальном смысле) или представляют образчики своего творческого почерка (прежде всего, Кар Вай, Каурисмяки, Лелуш). Из тридцати с гаком миниатюр многие рифмуются – мотивами, героями, приемами. Как и в других своих картинах, в данном альманахе режиссеры не обошлись без секса (и в зале, и на экране) и насилия, разнообразного и смакуемого: Кроненберг стреляется, Триер убивает соседа молотком, герой Линча закалывает подругу ножницами. Здесь есть трогательные оммажи ушедшим кумирам (Феллини, памяти которого посвящен весь альманах вообще и скетч Кончаловского в частности, Мастроянни, к которому Жанна Моро обращает прочувствованные слова), и есть пролетариат, ожидающий искусства с экрана (фермер Китано, сталелитейщики Каурисмяки). Среди кинозрителей, как их видят кинорежиссеры, много детей и много плачущих женщин, есть одинокие зрители в пустом зале, есть воры, влюбленные и слепые. Кто-то падает с балкона, кто-то раздевается и входит на экран. В общем, жизнь в кинотеатрах – в Японии и Италии, Париже и Варшаве, Москве и Назарете и других точках земного шара – рутинна и удивительна в одно и то же время.

Интересующих нас по национальному признаку сюжетов здесь несколько. Можно вычесть еврея Клода Лелуша, рассказывающего простую сентиментальную биографическую историю о том, как его родители ходили на фильм Астера и Роджерс, а спустя много лет их сын получал из рук Астера и Роджерс награду за «Мужчину и женщину». Можно вычесть братьев Коэнов, представивших незамысловатую шутку с героем своей последней картины «Старикам тут не место», – тем более что миниатюру Коэнов вы все равно не увидите – в отечественном прокате ее почему-то вырезали. Остаются Амос Гитай и Дэвид Кроненберг.

Амос Гитай остался верен себе и снял миниатюру с сильным политическим подтекстом, если не сказать – сделал политическое высказывание в форме киноновеллы. И это на фоне невинных китайских мальчиков, плачущих слепых девушек и мрачных японских фермеров. Итак, на фоне пусть сентиментальной, но все же прозы жизни появляются грозная надпись: «Варшава, 1937 год» – польские евреи, все как на подбор из кинохроники, смотрят в кинотеатре только что вышедший фильм «Диббук» по знаменитой пьесе Семена Ан-ского. Спустя 70 лет израильские евреи смотрят тот же фильм в хайфском кинотеатре, пока вдруг не объявляют воздушную тревогу и в кинотеатр не попадает бомба. Теперь вспомните: «Диббук» – мистическая история о том, как дух умершего жениха вселился в его невесту, – и додумывайте, что хотел сказать Гитай: дух ли погибших в Освенциме варшавских евреев вселился в их веселых израильских внуков и привел их к гибели, или же дух нацистов вселился в боевиков «Хизбаллы».

Дэвид Кроненберг снял одну из самых концептуальных короткометражек во всем проекте. Называется она «Самоубийство последнего еврея в последнем кинотеатре». Кроненберг, последний венгерский еврей, да и вообще последний еврей на земле, с трагическим профилем какого-нибудь ветхозаветного героя, мучительно пытается застрелиться в туалете кинотеатра: прикладывает дуло пистолета то к виску, то к шее, то к глазу, то засовывает его в рот. Параллельно два веселых разнополых комментатора обсуждают его действия и саму ситуацию – с евреями и с кино. Оказывается, кино вымерло и слава Б-гу – ведь оно принесло человечеству много зла. Придумали кино евреи, и – по счастливому совпадению – они тоже вымерли. Почти – потому что остался на земле еще один кинотеатр и один еврей. В Венгрии обнаружили старый семейный кинотеатр, принадлежавший богатой еврейской семье, давно уже недействующий и замаскированный под гараж. Наш герой (член этой семьи?) должен был быть казнен (в наказание за сокрытие кинотеатра?), но предпочел самоубийство. Вот так смерть кинематографа привязали к истреблению еврейского народа, а последний, в свою очередь, маркировали не кашрутом и финансовыми махинациями, а высоким искусством. И получился культурно мотивированный Холокост в отдельно взятом мужском туалете. Занятно. У каждого свое кино, у потомков – никакого.

ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ УЧЕБЫ

Ааде-Оі оуеі Еаі оеіі

Как известно из анекдота, «любовь придумали русские, чтобы не платить деньги». Наверное, учебу придумали они же, чтобы можно было выпить, потому как в отдельных сложных науках без пол-литра ну никак не разобраться. Однако мы все-таки попробуем. И, следуя заветам Владимира Ильича Бланка-по-маме-со-стороны-дедушки, продолжим «учиться, учиться и еще раз учиться». Причем на сей раз по-русски, хотя и не так, как вы подумали.

Поскольку в этом подлунном, увы и ах, нет ничего совершенного (кроме морщерогих кизляков – животных, совершенно неизвестных науке и никому не нужных), то попадем мы к нынешнему месту учебы не по щучьему велению, но исключительно по своему хотению, по адресу, набранному вот этими пальчиками. Итак, запоминайте, а лучше-ка сразу заносите в «Избранное» – <http://www.yeshiva.ru>, сайт «Еврейская учеба по-русски».

Сперва насладимся сдержанным и в меру приличным дизайном – в дальнейших обзорах нас ждут дизайны, от взгляда на которые сердце стынет, а разум, наоборот, кипит.

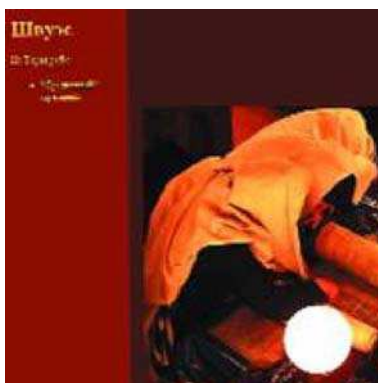
Ну что ж, за учебу... Учебу по-русски.

Все точно как в анекдоте – денег платить не надо (но при желании можно помочь развитию проекта), а для «выпить» существует такая замечательная штука, как фарбринген. Материалы этого сайта могут быть очень полезны при его организации. Ах, вы не знаете, что такое фарбринген? Ну... это хасидское застолье такое с бутылкой водки и множеством майс, майморов и сихот. Ах, вы не знаете, что означают три последних слова? Тогда возьмите с собой за стол десяток хасидов-переводчиков и все будет о'кей. И учтите, что без хасидов фарбринген рискует превратиться в банальную пьянку. А так хасиды за разговорами да учебой и сами не выпьют, и вам не дадут. Некогда будет...

Но вернемся к нашей учебе. Хотя сайт «Ешива. ру» и называется «Еврейская учеба по-русски», не все использованные здесь слова одинаково понятны. Тексты, конечно, проработаны тщательнее, чем на большинстве русскоязычных еврейских сайтов, но русский язык здесь русский только наполовину. Вторая половина – иврит, причем специфический: со специальными терминами и в ашкеназском (в частности литовско-белорусском) произношении – «Ливьосон», «Шейр-абейр», «Яин-амешумор», «Мейше», «Еэйшуа бин Нун», «тейвес», «Рейш-ошоно», «Симхас-тейро», «эйлом», «хасуна»... Так

что даже если вы хорошо владеете еврейским языком, но ваше детство прошло в Польше, Венгрии, Израиле или Украине, то не все здешние слова будут понятны с первого прочтения. Поймете вы примерно половину написанного (ту, где использованы русские слова). В утешение замечу, что, например, великие Раши или рабби Нахман из Брацлава поняли бы столько же, то есть тоже половину. Только другую – ту, где использованы слова еврейские. Но, если не вдаваться в такие подробности, то возможность сказать, что «я, как и Раши, понял в этом тексте только половину», дорогого стоит. Многие религиозные люди отдали бы все на свете, чтобы понимать «как и Раши».

Помимо дизайна и наполовину русского языка сайт впечатляет объемом собранной информации. К сожалению, в последнее время сайт обновляется и наполняется не так интенсивно, как хотелось бы, но поверьте, и собранного материала прилежному ученику хватит надолго. А если вам все-таки покажется мало – отправляйтесь на сайт «Двар малхус по-русски» (<http://www.sominski.com>) того же автора.

Впрочем, это будет потом, а пока вернемся в «Ешиву. ги». Основные рубрики сайта, с одной стороны, находятся в рамках ожидаемого, с другой – не на каждом еврейском сайте встретишь «Архив “Передовых статей”» или «Дайджесты материалов, связанных с недельными главами» (не совсем дайджест: здесь помещены ссылки на материалы сайта, связанные с недельными главами). А ведь есть еще «а-Йом-Йом» (созданная в форме календаря книга, с пометками и примечаниями Ребе относительно каждого дня), прекрасные эссе преподавателя кфар-хабадской ешивы «Ор тмимим» раввина Тувье Болтона по недельным главам Торы и праздникам (рубрика «От Болтона») и даже раздел «Личное» (ведет на страничку интернет-дневника автора, Шмуэля Соминского, <http://sominski.livejournal.com>).

Но и это еще не все. Имеются рубрики «FAQ», «Вопросы и ответы», «Глоссарик...», «Праздники», «Беседы Ребе», «Хасидские даты», «Хасидские истории», «Мивцоим», не говоря уже о том, что скрывается внутри этих рубрик.

В общем, г'усские не зря придумали учебу, – и за это не грех выпить во время фарбрэнгена.

ЧУДУ – ГОРСКИЕ ПИРОГИ

Èéüü Èàðì àí èí

Пироги – апофеоз простой сельской пищи, блюдо для большого торжественного застолья. Ведь пироги вполне можно назвать и праздничным хлебом. В Нальчике, где мне довелось познакомиться с современной жизнью горских евреев и ушедшей в прошлое историей Еврейской колонки (см. рубрику «Регион»), меня угощали особыми горско-еврейскими пирогами – чуду.

Вот как описывал кухню горских евреев Илья Шербетович Анисимов – первый ученый среди горских евреев, известный исследователь-этнограф XIX века, автор первой монографии о евреях-горцах. Он исколесил весь Кавказ, проделав «пеше» и «конно» около 7 тыс. верст, собрал уникальные этнографические, исторические, статистические сведения и досконально изучил быт, нравы и традиции горских евреев:

Из кушаний, подающихся в честь гостя или по праздникам, самыми лучшими и любимыми всеми считаются: шашлык, хинкал, приправленный уксусом и чесноком, «курзе» (вареники из теста, содержащие рубленое мясо, яйца с курдючным салом^Ш), «тара» (травяная каша с кусочками мяса...), «дурма» (рубленое мясо, обернутое листьями капусты или бураков), «чуду» (пироги с мясом), ягини (суп с говядиной или бараниной с кислыми ягодами), «нермов» (пшеничная каша с кусками мяса или курицы) и проч.

(«Èààèàðèèà ààðàè-àðüü», 1888 à.à.)

Евреи-горцы, живя столетиями в окружении народов Кавказа, хотя и сохранили обычаи, перешедшие к ним от предков, восприняли многие элементы местного образа

жизни – от кухни и предметов быта до приемов ведения сельского хозяйства и обычаев кавказского гостеприимства. И одежда горских евреев, и украшения у женщин, и оружие у мужчин носили явный кавказский отпечаток. Планировка жилищ, орудия ремесел и сельхозпроизводства у евреев-горцев также почти не отличались от тех, что были приняты у соседей. А блюда, украшающие стол, часто заимствованы из кухни народов Дагестана, Азербайджана, Кабардино-Балкарии, Армении, Грузии и др.

В суровых условиях существования евреям-горцам пришлось жить многие века, но при этом они всегда оберегали свою веру, законы, обряды, исконные традиции. В том числе и законы кашрута.

Нет ничего удивительного и в том, что в кухне горских евреев пироги занимают весьма почетное место. Ведь на Кавказе пироги – еда особая. В Осетии, например, «коронное» национальное блюдо – пирог со свекольной ботвой, сахараджын. Там пироги вообще являются культовой едой. Названия осетинских пирогов обычно состоят из двух компонентов: в них содержится слово «джын», означающее «сделанный из...». А первый компонент слова – название начинки: къабускаджын – пирог с капустой, картофджын – с картофелем, насджын – с тыквой, фыдджын – с мясом. Варят там к пирогам и свое причудливое осетинское пиво – горькое и сладкое, для мужчин и для женщин.

То же в Кабардино-Балкарии: здесь пекут знаменитые балкарские хычины – пироги с творогом, картофелем, мясом и другой начинкой...

Так какой же праздничный стол у горских евреев – свадебный, по поводу обрезания, бар- или бат-мицвы, в честь дня рождения и юбилея – может обойтись без традиционных пирогов? А называются горско-еврейские пироги просто – чуду.

О секретах приготовления чуду рассказывает Софья Шаулова – исполнительный директор Еврейской национально-культурной автономии Кабардино-Балкарии.

Вот, поясняет Софья Владимировна, как готовить чуду с мясом.

Для начинки нужен мясной фарш – обычно берут поровну 500 г говядины и 500 г баранины. Так вкуснее. Но можно взять 1 кг говядины. Мясо перемолоть, добавив 150–200 г репчатого лука, посолить, черный и красный перец положить по вкусу.

Тесто для чуду делается самое простое. Для его приготовления нужно взять 1 кг муки, добавить по вкусу соль (обычно на кончике чайной ложки), влить 1–2 стакана охлажденной кипяченой воды. Замесить тесто, разделить на четыре части и каждый кусок раскатать тонкой лепешкой.

На раскатанный пласт выложить фарш, отступив от края лепешки сантиметров пять, краями теста закрыть начинку – подтянуть края к середине. Лишнее тесто нужно срезать, оставив открытой серединку пирога.

Сковородку смазать растительным маслом, положить пирог, подправить, верх смазать взбитым яйцом (вместо яйца можно использовать чайную заварку). Поставить в предварительно разогретую духовку на сильный жар. Чуду выпекать до золотистой корки. Выложить пироги на плоскую тарелку один на другой. Готовые пироги накрыть, дать немного постоять, пропитаться. Перед подачей разрезать на восемь или шесть частей. Просто и вкусно!

Софья Владимировна объясняет, что горско-еврейские пироги готовят не только с мясом, но и с вареной картошкой (называются они чуду-картуфи), и с тушеной капустой (чуду-гъапустэй). Очень вкусные пироги получаются с начинкой из грецких орехов и куриного мяса.

Делают чуду и с зеленым луком. Называются они чуду-пиозы. А готовятся так:

Взять 6–7 стандартных пучков зеленого лука, 5 яиц, растительное масло, соль и перец по вкусу.

Лук нарезать, отделив «белую» и «зеленую» части. «Белую» часть слегка обжарить на растительном масле и смешать с остальной массой лука. Затем залить взбитыми яйцами, посолить и поперчить по вкусу. Можно добавить и мелко нарезанный укроп, и другую свежую зелень.

Тесто готовить так же, как для чуду с мясом, потом разделить его на четыре части. Из теста раскатать тонкую лепешку, разложить на нем луковый фарш (толщина начинки должна быть приблизительно 1,5 см), краями лепешки закрыть начинку, оставив середину открытой.

Сковороду смазать растительным маслом и аккуратно, не нарушив форму чуду, положить на нее пирог. Смазать чуду взбитым яйцом (или чайной заваркой). Выпекать до золотистой корочки.

Чуду-пиозы выложить на плоскую тарелку один на другой и накрыть – дать «настояться» или, как сказала Софья, «смягчиться». Подавать, предварительно разрезав на шесть или восемь частей.

Меня потчуют этой горско-еврейской вкуснятиной. Сочные, во рту рассыпающиеся, неподдельно натуральные, относительно простые в приготовлении и в то же время очень оригинальные. Чуду – настоящее чудо!

Ш То есть алья (ивр.) – нутряной, курдючный бараний жир.

МАРК ГУЛЯЕТ САМ ПО СЕБЕ

Айдеñ Ой өөєі

Он находится ровно посередине между Фантомасом, тщательно скрывавшим свое лицо, и Пэрис Хилтон, столь же тщательно демонстрирующей все части своего тела. О нем слышали почти все, но видели совсем немногие, и если бы не СМИ, никто так и не узнал бы о самом молодом миллиардере мира. Потому что мало у кого хватит терпения дочитать до 758-й строки в списке 1250 самых богатых людей мира. Той самой строки, где написано: «Марк Цукерберг, основатель Facebook»...

Он ни от кого не скрывается и живет своей обычной жизнью, которую не способен изменить даже всемогущий мистер Доллар. «Я очень легко начинаю скучать, а компьютер меня развлекает», – говорит он о себе. Именно так, развлекаясь и борясь с собственной застенчивостью, он заработал свой первый миллиард.

Марк – воплощение Америки, по крайней мере той Америки, которую видят обитатели континентов. Неизменная улыбка, небрежно-удобная одежда, неистребимая вера в свои силы и миллиард, заработанный своими руками и своей головой. Точнее, миллиардов несколько и никто не знает сколько, ведь Марк, как и большинство персон из списка «Форбс», относится к «бумажным миллионерам». Их богатство определяется не золотыми слитками и россыпями бриллиантов, а стоимостью принадлежащей им компании. А вот сколько они стоят – у разных экспертов мнения разные, потому и долларов у Цукерберга набирается от 1,5 до 4,5 млрд.

Самому Марку эта разногласица ничуть не мешает. Несмотря на заявления о том, что он планирует свое будущее «часов на шесть или около того», умения предвидеть у него хватает на гораздо больший срок. Год назад интернет-гиганты Yahoo и Google предлагали за его сайт Facebook соответственно 900 млн и 1 млрд долларов. Сам же Марк оценивает свое детище в 8–10 млрд, о чем и заявил опешившим гигантам. И вот совсем недавно он продал корпорации Microsoft за 240 млн долларов 1,6% Facebook'a (всего принадлежит 30% акций). И хотя многие эксперты посчитали эту цену явно завышенной, даже самых скромных оценок хватило, чтобы войти в заветный список самых-самых...

Родился будущий миллиардер в еврейской семье в крохотном городке Доббс-Ферри, что в сорока минутах езды от Нью-Йорка. Когда ему исполнилось двенадцать, родители сдались и купили компьютер, «как у всех мальчиков вокруг». Очень скоро Марк понял, что компьютером можно или просто пользоваться, или с его помощью творить, и

выбрал второе. Правда, для этого пришлось засесть за книжки, – но, как вы понимаете, для еврейского мальчика это не проблема.

После школы Цукерберг поступил в Гарвардский университет, где стал изучать не программирование, а психологию. Этот странный на первый взгляд выбор легко объясним: времена, когда компьютеры (как и деревья) были большими, уже прошли и необходимость в искусных программистах, создающих тщательно «вылизанные» программы, отпала. Современные числодробилки довольно быстро «переварят» и исполнят любую, даже небрежно написанную программу. Теперь важно не то, как написать программу, а то, как ее подать потенциальному потребителю, и здесь образование психолога подходит как нельзя лучше.

В Гарварде Цукерберг вступил в еврейское студенческое братство «Альфа Эпсилон Пи» (АЕР fraternity), и на этом его еврейский след теряется. Сейчас Марк слишком поглощен своими проектами. Сам о себе он говорит: «Я не принадлежу к числу людей, которые хотят сразу сделать что-то грандиозное. Я хочу сделать много прикольных мелочей». Но можно не сомневаться: бывшее членство в славящемся своей благотворительностью «АЭП» со временем даст о себе знать. Ну а то, что он сам определяет себя как атеиста, со временем пройдет. Тот, кто не был либералом в двадцать лет, – не имеет сердца. Тот, кто не стал консерватором в сорок – не имеет мозгов. А вот как раз с этим у еврейского мальчика из Доббс-Ферри все в порядке.

Но Доббс-Ферри, как и гарвардское общежитие, где начинал свою работу Facebook, в прошлом. Сейчас офис Марка расположен в Калифорнии, а сам он живет в Сан-Франциско, ведя достаточно скромный образ жизни. Цукерберг противник роскоши, ему, по его словам, достаточно «квартиры с одной спальней, где вместо кровати на полу будет брошен матрас». Еще он очень не любит, когда бизнес вмешивается в его личную жизнь. Весь мир обошла история о том, как Цукерберг отказался встретиться с представителями Microsoft, потому что те назначили встречу на восемь утра, а он не привык так рано вставать. (Интересно, что еще во время учебы в Гарварде Марк отказался продать Microsoft свою программу Synapse, и лишь с третьего раза богатейшей компании мира удалось с ним договориться. За те самые 240 млн!) А переговоры с Yahoo были прерваны по причине наступающих выходных. На замечание удивленных «яховцев» – мол, какой перерыв, речь идет о миллиарде долларов, – Марк невозмутимо ответил, что это ерунда, а вот тут к нему приезжает его девушка – и это гораздо важнее. Так что до понедельника и не звоните, потому что мобильный я отключу...

Сайт социальной сети Facebook студент Цукерберг и его сосед по комнате в гарвардской общаге Дастин Москович создали для того, чтобы легче было знакомиться с девушками. Задачу они выполнили – с миллиардерами девушки знакомятся охотнее, чем со студентами. Интересно, есть ли у них еще какие-то проблемы? Если да, то будем ждать новых миллиардных решений...

ЖЮЛЬ ДАССЕН:

ГРАЖДАНИН МИРА И КИНЕМАТОГРАФА

Режиссер театра и кино, актер, сценарист и продюсер, дважды лауреат Каннского кинофестиваля, отец известного шансонье, Жюль Дассен скончался 31 марта на девяносто седьмом году жизни в своем особняке в Афинах.

Эта семья недавних эмигрантов из Одессы мало отличалась от других еврейских семей, перебравшихся в Америку в начале XX века. После рождения в декабре 1911 года в Мидлтауне (Коннектикут) Джулиуса Дассены переехали в Нью-Йорк и поселились в доступном по ценам Гарлеме. Шмуль, ставший в Америке Сэмюэлом, работал парикмахером, жена Берта вела дом и воспитывала восьмерых детей.

Средняя школа, где Жюль учился, находилась в Бронксе. В старших классах он увлекся идеями социализма и театром. Результат – вступление в девятнадцать лет в Компартию. Второе увлечение побудило в начале 30-х годов отправиться в Европу изучать драматическое искусство. Вернувшись в Нью-Йорк, он в 1934 году поступает актером в бродвейский театр, созданный воспитанником вахтанговской «Габимы». В театре играли на идише, в режиссуре преобладало влияние русского театрального авангарда, Мейерхольда и Вахтангова. С 1936 года молодой актер в основном составе труппы, через год он пробует себя в сценарном деле, начинает писать для радио.

К этому времени Дассен – семейный человек, в Европе его женой стала скрипачка Беатрис Лонер. Все трое их детей связали жизнь со сценой. Родившийся в 1938-м Джозеф Айра прославился как французский певец Джо Дассен, сестра Ришель (Рики) писала тексты к песням брата и Демиса Руссоса, младшая Джулия стала киноактрисой.

В 1940-м, после закрытия театра, Дассен поставил шоу на Бродвее и на вырученные деньги уехал в Лос-Анджелес. В Голливуде первое время работал ассистентом у Хичкока. Затем экранизировал новеллу Э. По для «Metro Goldwyn Mayer» и заключил со студией семилетний контракт. В 40-х годах сформировался режиссерский стиль Дассена, получивший название «нуар», его детективы сочетали неореализм в изображении задворков жизни и апологию бандитской дружбы. Дассена отличало

стремление выйти из павильонов и приблизиться к документальному кино. Найденный метод стал протечей послевоенного неореализма.

В годы маккартизма за членство в Компартии Жюль попал в «черный список», лишился работы и вместе с семьей в 1949 году переехал в Лондон. В 1950 году удалось снять ленту «Ночь и город», но все фильмы Дассена были запрещены к прокату в США. Дассены переехали в Париж. Начался пятилетний период простоя. Семью поддерживала Беатрис, игравшая в оркестре. Жюль за это время поставил спектакль в Нью-Йорке (уже не на Бродвее, в районе Вест-Сайда) и снял в Лондоне короткометражный фильм.

В 1955 году Дассен триумфально вернулся в кинематограф: его «Рифифи, или Мужская потасовка» получил приз за лучшую режиссуру на Каннском кинофестивале. Фильм вошел в анналы киноклассики получасовой немой сценой ограбления. В 1955 году в Каннах Жюль Дассен встретил греческую актрису Мелину Меркури, и это определило дальнейшую судьбу обоих.

Уже прославившаяся как певица, внучка мэра Афин, дочь известного политика Мелина Меркури в том году была номинирована на «Золотую пальмовую ветвь» за участие в своем первом фильме. Но призы она получила за роли в картинах Дассена. Наиболее известны из них «Только не в воскресенье», «Федра», «Кинжал Топкапи», «Обещание на рассвете» (по роману Романа Гари, где молодого Гари играл сын Моше Даяна Ассаф Даян, а Дассен снялся в роли русского актера Мозжухина). В 60–70-х греческие сюжеты и общечеловеческая тематика становятся преобладающими и вытесняют криминальные мотивы из его фильмов. В 1966 году Ж. Дассен и М. Меркури официально стали супружеской парой. Они жили в Греции, где считались чем-то вроде национального достояния. В годы диктатуры «черных полковников» (1967–1974) пара вынуждена была переехать во Францию. Из Афин раздавалось обвинение, что супруги финансируют государственный переворот. С падением хунты они вернулись в Грецию. Мелина стала членом парламента, начала кампанию по возвращению из Англии кариатид Парфенона. Дважды была министром культуры Греции. Дассен занимался театральной режиссурой и продюсированием. Трагедией для него стала смерть сына Джо от инфаркта в 1980 году. После смерти жены в 1994 году он возглавил комитет по возвращению статуй Парфенона. Это стало его последним художественным проектом, который он продюсировал, но не успел закончить.

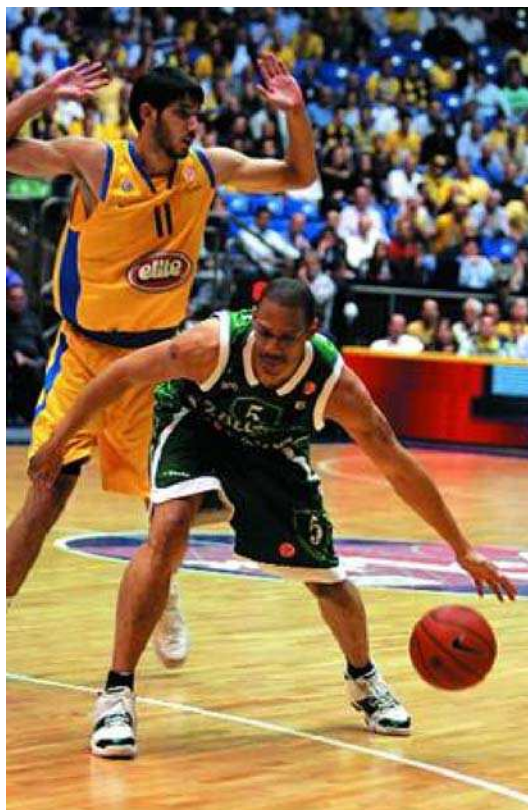
Àëàëñ Ðàìììíòòò

ЗА НИМ СЛЕДЯТ АМЕРИКАНЦЫ

Î àdè Çàé:èé

В обычной жизни, не на баскетбольной площадке, он тишайший, даже нежнейший молодой человек, из тех, кого называют «Б-жий одуванчик», но, выходя на паркет баскетбольного зала, он преображается, становится совершенно другим.

Этому баскетболисту «Маккаби» (Тель-Авив) девятнадцать лет. В шестнадцать он был приглашен на тренировки первой команды клуба, в семнадцать его взял в сборную Израиля тренер Цвика Шерф, и, по его словам, «парень полностью оправдал доверие – за один год он стал игроком стартовой пятетки национальной команды страны».

Имя его – Омри, фамилия – Каспи. Его рост – 204 см. С ним связывают самые большие надежды израильские болельщики и специалисты по развитию и продвижению спортсменов. Он хорошо воспитан, вежлив, смьшлен в обычной жизни. В игре Омри – бескомпромиссный и отважный боец, которого обожают тренеры и болельщики и побаиваются противники.

– Вы боитесь чего-нибудь, Омри? – спросили у этого юноши журналисты на пресс-конференции.

– Конечно, боюсь, есть вещи, которых я боюсь. Но на площадке я не боюсь никого и ничего, – ответил он.

По мнению тренеров, Каспи должен прибавить в мышечной массе, в игровой стабильности. Он должен перестать считать, что у него совершенный трехочковый бросок – это не так. У него хорошая передача, которой он пользуется слишком редко. Он отлично двигается, ведет мяч, у него прекрасный подбор мяча на щите, особенно в атаке. Создается впечатление, что Каспи не знает своего места, в смысле таблицы о рангах, на площадке. На самом деле Омри типичный третий номер в команде, то есть малый форвард. Впору спросить, если 204 см – рост малого форварда, каким же должен быть рост большого?..

Самое интересное, что когда Каспи пришел во взрослую команду «Маккаби», все посчитали его толстым. Тогда Омри скинул двенадцать килограммов за четыре недели, а сделать это было не так просто: парень рос в буквальном смысле слова, тренировался по несколько часов в день, и лишнего веса, на взгляд человека, не вооруженного специальными баскетбольными знаниями, у него не наблюдалось.

Его мама Илана играла в баскетбол в команде высшей лиги (Холон), а папа Шимон всю молодость носился за мамой по стадионам и спортивным залам страны. Его брат Эйтан играл в баскетбол, а младшая сестра играет до сих пор. Но главный игрок в семье Каспи – это Омри.

В «Маккаби» с ним работают по индивидуальной программе. Тренер по физподготовке Ави Ковальски занимался с парнем ежедневно. Также ежедневно он работает на баскетбольной площадке много часов сверх обычной нормы для профессионала – он любит баскетбол. Любопытно, что Ковальски продолжал задавать Каспи программу физподготовки и тогда, когда два года назад уехал с Пини Гершоном (бывший наставник «Маккаби») работать в греческий «Олимпиакос». В «Маккаби» знали о связи игрока команды и «изменника» тренера, однако ради пользы дела предпочитали молчать. Польза была большая.

Позапрошлым летом Каспи был приглашен в сборную Европы на молодежный турнир имени Альберта Швейцера, который проходил в Германии. Без тренировок, что называется с листа, Омри выступил против баскетболистов, которые являлись очевидными кандидатами на драфт (отбор молодых баскетболистов в клубы НБА). Играл Омри со старшими и опытными совершенно на равных. Ему тогда не было восемнадцати лет. И он был выбран в пятерку лучших игроков турнира – случай необычный и многообещающий.

Сегодня Омри, незаметно для многих любителей баскетбола, превратился из одаренного игрока в ведущего баскетболиста клуба, почти без недостатков. Два года назад таким в «Маккаби» был Шарон Сасон (хорошо знакомый в России по выступлениям в команде «Урал-Грейт»), год назад таким был Лиор Элияу. Теперь вот Омри Каспи.

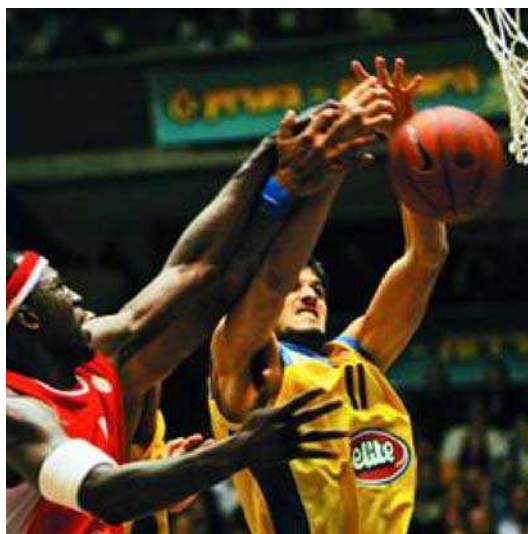
Омри потеснил вышеназванных игроков по причинам вполне естественным. Он растет как личность, как баскетболист, как атлет. Элияу, который совсем недавно считался в Израиле молодым баскетболистом № 1, чуточку сбросил обороты. Вероятно, посчитал, что может выехать за счет того, чем щедро одарила его природа. Но парень он серьезный и, будем надеяться, благополучно переживет сложный период в своей карьере. А Омри Каспи пашет на тренировках за двоих, невзирая на похвалы и положительные отзывы журналистов, да и комплименты тренеров его мало волнуют.

О взрослении Каспи говорит и следующая история. Его лучший друг по юношеской команде «Маккаби» и сборной Израиля был Шон Даниель, сын знаменитого в

недавнем прошлом форварда клуба и сборной Моти Даниеля. Шон также является одной из надежд израильского баскетбола. Их пути шли параллельными курсами, не пересекаясь, Шон выступает на другой позиции в команде. Его карьера складывается более медленно и тяжело, чем карьера Каспи. Но дарование Шона очевидно так же, как и дарование Омри. Ребята были очень дружны. Полтора года назад на одной из тренировок юношеской сборной произошло жесткое столкновение между этими игроками, завершившееся ничейным кулачным боем, никто не хотел уступать. Они не разговаривали год. И вот теперь, при посредничестве главного наставника юношеских команд страны Йорама Харуша, ребята помирились, здороваются. До восстановления прежней дружбы еще далеко, но все говорят, что игроки повзрослели, стали больше понимать в жизни, в дружбе, что на них можно надеяться во всех смыслах, не только в спортивном.

Самое интересное, что в играх внутреннего чемпионата Каспи не проводит больше игрового времени на площадке, чем в матчах Евролиги. То есть «русский закон», принятый ИФБ и утверждающий, что на баскетбольной площадке во время матча должны находиться от каждой команды два местных игрока, тем не менее оказал должное влияние на развитие местных баскетболистов. Но Каспи, кажется, играл бы в любом случае, был бы этот закон или его не было бы. Все зависит от тренера. У него был сложный период в отношениях с Одедом Каташем, тренером «Маккаби» в начале сезона, тренером Верхней Галилеи, за которую Каспи выступал в прошлом году. Каташ, человек доброжелательный, не сразу понял Каспи, а Омри не сразу понял тренера. В результате недопонимание и сложности в отношениях. Темпераментный отец Омри даже обвинил Каташа в том, что тот не желает возвращать игровое дарование, которое превосходит его личное баскетбольное дарование. Слова Шимона Каспи были глубоко несправедливыми и в корне неверными. Позже он извинился за них. Сам баскетболист сказал, что не имеет ко всей этой истории никакого отношения. Это была чистая правда, так как Омри был с командой на выездной игре, когда его отец давал то самое «проблемное» интервью. Так или иначе, с новым тренером «Маккаби» Цви Шерфом с самого начала никаких проблем у Омри Каспи нет. Шерф доверяет молодому баскетболисту, строит на его игре многие упражнения в атаке, дает играть.

Каспи отличается одним важным качеством, которое делает его реальным претендентом на долгую спортивную жизнь. Чем сложнее и ответственнее игра, тем лучше он играет.

И здесь начинается самое интересное. Никто не знает, будет ли Каспи первым израильянином в НБА, сможет ли он совершить то, чего не удавалось, по самым разным

причинам, до него никому – ни Микки Берковичу, ни Дорону Шефферу, ни Корену Амише, ни Одеду Каташу... А ведь есть еще на очереди уже выбранные на драфте в позапрошлом году совсем молодые Йотам Гальперин, Лиор Элияу – ребята с колоссальным спортивным потенциалом.

Вот что рассказал мне агент Каспи, сотрудник знаменитого итальянца Капикьоне, бывший иерусалимец, которого зовут Гай:

– Все время звонят и присылают письма по электронной почте скауты команд НБА, интересующиеся и следящие за Каспи. Особенно настойчив один джентльмен. Вопросы, которые он задает по поводу Омри, хоть и могут показаться странными, говорят о серьезности их намерений. Вот пример: в разводе ли его родители? И если да, то когда развелись? Есть ли у них новые партнеры по жизни? Играет ли в семье еще кто-нибудь в баскетбол? Как он учился? Пьет ли он пиво? Кофе? Что любит есть? Капризы? Трудолюбие? Что любит больше – деньги или баскетбол? Политические взгляды? Похоже на допрос частных детективов.

– И что вы им отвечаете, Гай?

– Отвечаю, что он не пьет, не курит, характер у него покладистый, он смел, трудолюбив, баскетбол любит больше денег и что мама и папа его не в разводе, а брат и сестра играют в баскетбол, да и мама тоже играла в недавнем прошлом.

На самом деле за игрой Омри постоянно наблюдают скауты нескольких клубов НБА. Самый настойчивый из них – чемпион ассоциации «Сан-Антонио сперс», который недавно прислал сразу двух своих представителей на календарную игру «Маккаби» – посмотреть на еврейский талант вблизи. Каспи об их визите ничего не знал, играл как всегда, то есть очень хорошо. Американцы, сдержанные и осторожные, отказались обсуждать свои впечатления о баскетболисте на людях, но на завтра пришли на тренировку «Маккаби» – поглядеть на его отношение к делу.

Между прочим, Омри должен еще год отслужить действительную службу в армии. Про участие в драфте, который пройдет в июне, Омри до конца не решил. Он действует по поговорке «торопись медленно». Ничто от него не убежит.

МАЙ

Ai deñ Baaita

2.V.1938

70 лет назад ранним утром в подмосковном писательском доме отдыха «Саматиха» был вторично арестован поэт Осип Эмильевич Мандельштам. 2 августа Особое совещание приговорило его к пяти годам исправительно-трудовых лагерей за контрреволюционную деятельность. Отправленный этапом на Дальний Восток, Мандельштам, согласно официальным данным, умер через пять месяцев – 27 декабря 1938 года, от паралича сердца в тюремной больнице пересыльного лагеря под Владивостоком «Вторая речка». В первый раз его арестовали в мае 1934 года за направленное лично против И.В. Сталина знаменитое стихотворение «Мы живем, под собою не чуя страны...». Как ни удивительно, но тогда он отделался всего лишь трехлетней ссылкой – сначала в Пермскую, а затем в Воронежскую область. 16 мая 1937 года срок ссылки истек, и поэт с женой вернулись в Москву. Но жить в столице они не имели права: прописка разрешалась только начиная со 101-го км от Москвы. Супруги бедствовали без жилья и денег, пока в марте их не «облагодетельствовал» Литфонд, выделивший путевку в дом отдыха в деревне Саматиха Шатурского района Московской области. Путевку предоставил Мандельштаму генеральный секретарь Союза советских писателей и главный редактор «Нового мира» прозаик и журналист Владимир Петрович Ставский (настоящая фамилия Кирпичников), который незадолго перед тем направил наркому внутренних дел Ежову письмо с многозначительной фразой относительно Мандельштама: «Николай Иванович, разберитесь». А чтобы главный чекист получше разобрался, к письму прилагалось заключение литературного эксперта – одного из самых обласканных властью писателей, Петра Андреевича Павленко, в котором содержалась следующая убийственная характеристика Осипа Эмильевича: «Не поэт, а версификатор, холодный, головной составитель рифмованных произведений». Ордер на арест был выписан 30 апреля.

12.V.1918

90 лет назад родился Джулиус Розенберг, американский инженер-электрик, коммунист. В июне 1953 года Розенберга и его жену Этель Розенберг (в девичестве Грингласс) казнили на электрическом стуле в нью-йоркской тюрьме Синг-Синг за «атомный шпионаж» в пользу Советского Союза. Представленные судом доказательства вины супругов Розенбергов выглядели крайне неубедительно, и многое казалось сфабрикованным. Розенберги категорически отказались признаваться в шпионаже и вообще вели себя исключительно достойно, без преувеличения героически. Во всем мире, да и в самих США, развернулось широкое движение в защиту Розенбергов. Но тщетно, США уже охватывала истерия маккартизма, крепко спаявшая антикоммунизм с антисемитизмом. Приговор, вынесенный в апреле 1951 года, остался без изменений. В настоящее время твердо установлено, что супруги Розенберг действительно были причастны к краже у американцев сверхсекретной информации по разработкам атомной бомбы. Но, как это выглядело очевидным еще в 1951 году, роль их в этом деле была совершенно ничтожной – ничего не понимая в научно-технических вопросах, они лишь эпизодически выступали в роли случайных связников в длинной цепи передачи информации. Смертный приговор за шпионаж впервые в истории США был вынесен в мирное время. В своем последнем письме адвокату из тюремной камеры Этель писала: «Мы первые жертвы американского фашизма». Супругов Розенберг казнили на одном и

том же электрическом стуле – по очереди. Этель оказалась на редкость жизнестойкой, для ее убийства потребовалось несколько разрядов напряжением 2000 вольт. После каждого включения тока репортеров, тюремных служащих и прочих любителей поглазеть на человеческие мучения тошнило от зловония горящего человеческого мяса, кала и испарений мочи.

15.V.1978

30 лет назад при Тель-Авивском университете, на территории его кампуса, был торжественно открыт Музей Диаспоры – крупнейший в мире музей истории еврейского народа. Музею было присвоено имя Нахума Гольдмана, видного деятеля международного сионистского движения, основателя и первого президента Всемирного еврейского конгресса. Хотя в отличие от большинства музеев мира здесь преобладают специально изготовленные экспонаты, а не артефакты, музей с большой полнотой отражает события и уклад жизни евреев за пределами Эрец-Исраэль начиная с времен разрушения первого Храма и Вавилонского пленения, когда большинство евреев оказались в изгнании. Представлена информация по «еврейской» географии и истории, какой нет ни в одном музее мира. Так, например, демонстрируются макеты синагог Китая X века и Индии XI века. И хотя это не музей Холокоста, но так или иначе многое здесь напоминает о трагедии евреев Европы. Широко используются современные аудиовизуальные средства, диорамы, документальная кинохроника, компьютерные и мультимедийные презентации. Музей гордится своим богатейшим собранием предметов еврейского народного творчества, национальной одежды и быта диаспоры различных эпох и регионов, информацией по истории еврейских имен и генеалогии. Прослеживается, как культурное окружение в различных регионах находит отражение в сегодняшней жизни Израиля. В своей концепции музей следует скорее тематическому, нежели хронологическому принципу. Созданный в основном на пожертвования американских евреев со «сверхзадачей» охвата всей еврейской истории с акцентированием духовной и ментальной общности евреев, разбросанных по всему миру, музей в 2001 году оказался на грани банкротства, его долг составил 8 млн шекелей (почти 2 млн долларов), экспозиция не менялась годами, оборудование устарело, штат сотрудников музея сократился вдвое – со 160 до 80. Руководство музея обвинило в этом израильское правительство, не выделявшее музею достаточного финансирования. Однако в последнее время благодаря солидным пожертвованиям – главным образом бизнесменов, выходцев из России – дела музея улучшились.

16.V.1888

120 лет назад в Филадельфии (штат Пенсильвания), в научном музее, именуемом Институтом Франклина, старейшем и одном из наиболее престижных научно-просветительских учреждений США, Эмиль Берлинер впервые публично продемонстрировал изобретенную им граммофонную пластинку, вскоре полностью вытеснившую неудобные и нетехнологичные валики эдисоновского фонографа и в «лице» своих высокотехнологических «потомков» по сути дела дожившую до наших дней. Выдающийся еврейско-немецко-американский изобретатель, имя которого неоправданно мало известно в нашей стране, Эмиль Берлинер родился в 1851 году в Ганновере, тринадцатым ребенком в семье торговца и авторитетного талмудиста Самуила Берлинера и его жены музыкантши-дилетантки Сарры Фридман-Берлинер. В девятнадцатилетнем возрасте он эмигрировал в США, где, прослушав курс лекций по электричеству и акустике, приступил к экспериментам в области телефонии. В 1877 году им был запатентован угольный микрофон, то есть микрофон именно того типа, который затем на протяжении столетия с лихим занимал главенствующее положение в технике преобразования звуковых сигналов в электрические. Патент сразу же был приобретен за огромную по тем временам сумму 50 тыс. долларов ведущей американской электрокоммуникационной корпорацией «Bell Telephone Company», а сам он был принят в ее штат в качестве главного специалиста по телефонной технике. В 1908 году Берлинер сконструировал первый легкий самолетный двигатель внутреннего сгорания со звездообразным расположением цилиндров, а в 1919–1926 годах вместе с сыном Генри построил и успешно испытал в воздухе три конструктивных варианта вертолета. В 1925 году Берлинер запатентовал оригинальные плитки для звукопоглощающей облицовки лекционных аудиторий и концертных залов. С 1919 года изобретатель принимал активное участие в американском сионистском движении. Его жизненный путь завершился 3 августа 1929 года.

17.V.1948

60 лет назад, на третьи сутки существования Израиля, Советский Союз, оказавший важнейшую дипломатическую поддержку в обретении им суверенитета, первым из стран мира *de jure* признал еврейское государство. Шеф советского внешнеполитического ведомства Вячеслав Молотов сообщил об этом в ответе на направленную в Москву 15 мая телеграмму министра иностранных дел израильского Временного правительства Моше Шарета. Уведомив коллегу о последних событиях в Палестине и выразив «глубокую признательность и уважение народа Израиля – чувства, разделяемые евреями всего мира, – за стойкую позицию, занятую делегацией СССР в ООН, в поддержку образования суверенного и независимого еврейского государства», Шарет обращался к правительству СССР с просьбой о признании нового государства и его временного руководства. США признали Израиль спустя 11 минут после того, как в

полночь по ближневосточному времени истек срок действия британского мандата и еврейское государство, согласно принятой восемью часами ранее его временным руководством декларации, обрело суверенитет. Однако в заявлении американского Госдепартамента речь шла лишь о признании de facto, подразумевающим отсутствие у признающего государства достаточной уверенности в прочности признаваемого. И понятно: в Палестине бушевала первая арабо-израильская война, и ее исход был далеко не ясен. Полное официальное признание Израиля США последовало только в январе 1949 года, а англичане затаили до апреля 1950-го.

18.V.1948

60 лет назад Михаил Моисеевич Ботвинник (1911–1995), одержав победу в матч-турнире на первенство мира пяти сильнейших гроссмейстеров (помимо Ботвинника, от СССР участвовали Пауль Петрович Керес и Василий Васильевич Смыслов, от США – уроженец Польши Сэмюэл Решевский, от Нидерландов – Макс Эйве), овладел шахматной короной, которую с небольшими перерывами удерживал в течение пятнадцати лет – до мая 1963 года. Матч-турнир, стартовавший 2 марта в Гааге и завершившийся в Москве, в Колонном зале Дома союзов, был организован Международной шахматной федерацией (ФИДЕ) в связи со смертью в марте 1946 года в Португалии прежнего чемпиона мира – Александра Александровича Алехина, выступавшего за Францию. То, что Ботвинник выдвинулся в лидеры мировых шахмат, стало ясно еще в конце 1930-х, и уже тогда начались переговоры о его матче с Алехиным. Прерванные войной, они возобновились в 1946 году, но уход Алехина из жизни разрушил эти планы. Матч-турнир проводился в пять кругов, из которых первые два игрались в Гааге. Ботвинник захватил лидерство со старта (в первом круге он набрал 3,5 очка из 4) и не упустил его до конца соревнования. С мая 1948 года, после победы Ботвинника, и вплоть до сентября 1972 года титулом чемпиона мира владели исключительно советские шахматисты.

21.V.1898

110 лет назад в убогой нью-йоркской квартирке без удобств и водопровода в еврейской семье выходца из Одессы, «самодеятельного» медика, державшего пять аптек, родился Арманд Хаммер (ум. в 1990). Медик с дипломом доктора Колумбийского университета (1921), он никогда по специальности не работал и стал богатейшим предпринимателем, владельцем сверхмощной нефтяной корпорации «Оксидентал петролеум». Фундамент своего невероятного состояния Хаммер заложил в России, где занялся бизнесом еще в 1920-е годы. Небезынтересно, что отец назвал сына Армандом в честь романтического героя романа Александра Дюма-сына «Дама с камелиями». При этом, будучи сторонником социализма, он имел в виду также рабоче-крестьянский символ – серп и молот (по-английски «Arm and Hammer»). Хаммер встречался едва ли не со всеми советскими вождями, кроме И.В. Сталина, – начиная с В.И. Ленина и кончая М.С. Горбачевым. Проворачивая свои дела, Хаммер много сделал и для СССР – оказывал содействие борьбе с голодом в Поволжье, построил в Москве первую в России карандашную фабрику (впоследствии «Фабрика имени Сакко и Ванцетти»), привлек компанию Генри Форда к строительству автозавода в Нижнем Новгороде, помогал во времена Чернобыльской трагедии и землетрясения в Армении и вообще сыграл немаловажную роль в развитии американо-советских торгово-экономических и культурных связей (кстати, в России его называли Армандом Юльевичем). Отечественные недоброжелатели Хаммера, главным образом из антисемитствующей публики, всегда вспоминают о вывезенных им из СССР ценнейших картинах, антиквариате, драгоценностях. Это верно, но не следует забывать, что все это было не уворовано, а приобретено совершенно законным образом, а разбазаривало российское национальное

богатство непосредственно высшее большевистское руководство. Как щедрый филантроп и активный общественный и политический деятель международной гуманитарной сферы, Хаммер был номинирован на Нобелевскую премию мира 1989 года, которая, однако, досталась тогда далай-ламе XIV. Хаммер был почетным доктором 25 университетов, его именем назван американский Объединенный всемирный колледж. Почетный доктор 25 университетов был награжден советским орденом Дружбы народов, французским орденом Почетного легиона, итальянским орденом «За особые заслуги», шведским Королевским орденом Полярной звезды, бельгийским орденом Короны, австрийским Рыцарским крестом.

29.V.1978

30 лет назад пятым по счету президентом Израиля был избран пятидесятилетний Ицхак Навон, политик умеренной ориентации, представитель партии труда «Авода», уроженец Иерусалима, сын выходца из семьи сефардов, переселившейся в Палестину около 300 лет назад, первый из глав еврейского государства, появившийся на свет не на территории бывшей Российской империи. Навон изучал литературу и мусульманскую культуру в иерусалимском Еврейском университете, в начале 1940-х годов преподавал арабский язык в начальных и средних школах, во время Войны за независимость служил в штабе Хаганы, после чего находился на дипломатической службе. Будучи близким соратником первого израильского премьера Давида Бен-Гуриона, Навон впоследствии занимал высокие правительственные должности гуманитарного характера, как депутат кнессета ряда созывов работал в комиссиях по иностранным делам и обороне. Навон – первый президент Израиля, посетивший Египет (1980), где он выступил перед парламентом с речью на арабском языке. Когда в 1983 году его пятилетний президентский срок завершился, Навон, несмотря на высокие шансы на переизбрание, от борьбы за высший (хотя фактически церемониальный) пост отказался, но стал первым и пока единственным из израильских экс-президентов, вернувшихся в политику. В 1984 году он был избран в кнессет и в 1984–1990 годах занимал пост министра образования и культуры, совмещая государственную деятельность с литературным трудом и сочинением текстов для мюзиклов, не без успеха поставленных на израильской сцене. Немалой популярностью пользовалась ушедшая из жизни в 1994 году бывшая первая леди Израиля, много сделавшая для детей своей страны, – Офира Навон, уроженка Тель-Авива, девичья фамилия Резникова, обладательница титула «Miss Teenage Israel» 1956 года, а затем победительница конкурса красоты в Париже.

АВТОРЫ НОМЕРА

Николай Александров (р. 1961) – филолог, литературный критик, журналист, ведущий программ на телеканале «Культура» («Разночтения», «Порядок слов») и радиостанции «Эхо Москвы» («Книжечки»).

Лев Бердников (р. 1956) – филолог, журналист (монографии «Счастливый Феникс: Очерки о русском сонете и книжной культуре XVIII – начала XIX века» [1997], «Пантеон российских писателей XVIII века» [2002]).

Михаил Горелик (р. 1946) – эссеист, публицист, литературный критик. Автор книги «Разговоры с раввином Адином Штейнзальцем» (2003).

Самуил (Шмуэль-Аба) Городецкий (1871–1957) – историк еврейского мистицизма и хасидизма. Основные произведения: «Хасиды и хасидизм», «Еврейский мистицизм» (1931–1958).

Марк Зайчик (р. 1947) – прозаик («Феномен» [1985], «Сделано в СССР» [1988], «Иерусалимские рассказы» [1996]). Печатался в журналах «Континент», «Эхо», «22», «Звезда».

Берл-Шмуэль (Болеслав) Капулкин (р. 1969) – журналист. Печатается в газете «Шомрей шабос» и в журнале «Мигдаль Times» (Одесса).

Илья Карпенко (р. 1961) – филолог, литературовед, журналист.

Кирилл Кобрин (р. 1964) – историк, прозаик, журналист («От “Мабиногион” к “Психологии искусства”» [1999], «Книжный шкаф Кирилла Кобрин» [2002], «Письма в Кейптаун о русской поэзии и другие эссе» [2002], «Где-то в Европе» [2004] и др.). Живет в Праге. Работает на радиостанции «Свобода».

Джеймс Кугел (р. 1945) – ученый-библеист, писатель, переводчик библейских текстов, профессор Бар-Иланского университета (Израиль). Директор Института истории Еврейской Библии. Автор 11 книг.

Римма Лавочкина – поэт, журналист. Работает на биробиджанском телевидении.

Файтл Левин (р. 1936) – раввин, руководитель ешивы, автор книги «Алаха, медицина и технология» (1987). Живет в Нью-Йорке.

Афанасий Мамедов (р. 1960) – прозаик, журналист. Автор романов «Хазарский ветер» и «Фрау Шрам». Финалист Букера-2003. Лауреат премии им. Казакова (2007).

Ольга Минкина – историк, гебраист. Автор публикаций по истории и культуре евреев Российской империи конца XVIII – начала XIX века.

Михаил Одесский (р. 1961) – филолог, профессор кафедры литературной критики факультета журналистики РГГУ («Поэтика террора» [1997, в соавт. с Д.М. Фельдманом], «Москва и “московский текст” русской культуры» [1998], «Поэтика русской драмы» [2004] и др.).

Леонид Радзиховский (р. 1953) – журналист («Российская газета», «Еврейское слово», интернет-издание «ЕЖ», радиостанции «Эхо Москвы» и «Маяк»).

Александр Рапопорт (р. 1960) – поэт (сборники «Образ жизни», «Имя и число») и журналист (газета «Культура»).

Григорий Ревзин (р. 1964) – историк архитектуры («Неоклассицизм в русской архитектуре начала XX века» [1992], «Очерки по философии архитектурной формы» [2002]). Архитектурный критик, журналист ИД «Коммерсантъ», главный редактор журнала «Проект Классика». Публикуется в журналах AD, GQ и др.

Филип (Милтон) Рот (р. 1933) – прозаик, эссеист. Автор романов, художественно-документальных произведений. В 2007 году Рот первым получил премию, учрежденную в память Сола Беллоу, неоднократно выдвигался на Нобелевскую премию.

Бенедикт Сарнов (р. 1927) – писатель, критик, литературовед, автор книг и статей о русской литературе XX века («Случай Зощенко», «Маяковский. Самоубийство» и др.).

Татьяна Столярова – филолог, журналист («Новые известия», «Комсомольская правда», «Популярная психология» и др.).

Соломон Цетлин (1855–1925) – коммерсант, автор мемуаров.

Михаил Эдельштейн (р. 1972) – филолог, литературный критик, заведующий редакцией биографического словаря «Русские писатели». Печатается в «Русском журнале», «Политическом журнале», «Новом мире», «Знамени», «Новом литературном обозрении», газетах «Русская мысль», «Ведомости» и др.

Асар Эппель (р. 1935) – прозаик («Травяная улица» [1994], «Шампиньон моей жизни» [1996]), переводчик (Б. Брехт, Б. Шульц). Награжден офицерским крестом ордена Заслуги (Польша, 2000). Лауреат премии им. Казакова (2003).

Алек Эпштейн (р. 1975) – историк, социолог и востоковед. Автор монографий, научных и публицистических работ: «Войны и дипломатия. Арабо-израильский конфликт в XX веке» (2003), «Израиль и проблема палестинских беженцев: история и политика» (2005), «Израиль в эпоху “пост-сионизма”: наука, идеология и политика» (2006) и др.

Леонид Юниверг (р. 1945) – историк, библиограф, издатель. Автор работ по истории книги и книжного дела. Главный редактор и составитель альманаха «Иерусалимский библиофил».

Борис Явелов (р. 1940) – автор научных и научно-исторических статей и книг.